

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. Каченовскимъ и В. Жуковскимъ.

ЧАСТЬ III.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

1810.

*Съ одобренія Цензурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа
Императорскаго Московскаго
Университета.*

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Тимей ваятель.

Вторая Платонова прогулка.

Неподалеку отъ города, получившаго имя свое отъ рѣки Гелора, орошающей его стѣны, былъ храмъ, который славапипельною близкою своею привлекалъ взоры путешественника. Платонъ, прогуливаясь по долинѣ, въ которой спруился свѣпльй Гелоръ, и которую по причинѣ ея пріятности именовали *Сицилійскимъ Темлеемъ*, захотѣлъ видѣть вблизи эпотъ маленькой храмъ. Можно подумать, что нѣкоторое тайное побужденіе влечетъ благопворительныя души въ по мѣсто, гдѣ ожидается ихъ случай сдѣлать добро. Приближась къ перисшию храма, философъ былъ удивленъ его пріятною проспощою; но вспушнивши во свящанствѣ, не могъ онъ безъ во-

хищенія сморгнѣвъ на спашую младаго бога, копорому въ немъ поклонялись. Никогда рѣзецъ художника не выражалъ такъ еспешвенно поѣ нѣжной скромности и шого привлекательнаго просподушїя, копорья соспавляющѣ характеръ цѣломудреннаго Гименя, и взоры и душа философа прилѣплены были къ прелесшному изваянїю. Онъ долго стоялъ задумавшись, и наслаждался шѣмъ чувствомъ, шюю жизнїю, копорую сердце художника вложило въ эшошъ мраморъ, наконецъ воскликнулъ: Я увѣренъ, что эшошъ ваяшель имѣетъ супругу и счастливъ!

„Ты не ошибся, божеспвенный Платонъ! отвѣчалъ ему молодой человекъ, копорый сморгнѣлъ на него, опершись на колонну: я эшошъ художникъ. Болѣе четверши часа смошрю на тебя и радуюсь шому вниманїю, съ какимъ разсмаприваешь шы мою спашую, шы, копорому всѣ превосходнѣшїя произведенїя художниковъ Греческихъ должны бытъ хорошо извѣспны.“

— И ни одно изъ нихъ не пронуло меня такъ сильно, какъ швой Гименей! —

„Благодарность была моимъ генїемъ, отвѣчалъ скромный ваяшель. Эшюму богу обязанъ я лучшими благами моей жизни!

Я имѣю рѣдкую жену и дѣшею преле-
стныхъ.“

— Я вижу, сказалъ Плашонъ, ко-
рому хотѣлось узнать и семейство худо-
жника, что ты не принадлежишь къ чи-
слу артистовъ, незаслуживающихъ по ха-
рактеру своему того вниманія и почтенія,
какое мы имѣемъ къ ихъ произведеніямъ.
Я твердо увѣренъ, что дарованіе твое жи-
вописано истиннымъ добросердечіемъ. Ты
назвалъ меня по имени, и я съ своей сто-
роны поспѣшилъ бы спросить у тебя о
твоёмъ, когда бы не былъ чужестранцемъ
въ такой землѣ, гдѣ безъ сомнѣнія ты
долженъ быть славенъ.

„Я называюсь Тимеемъ. Что же касает-
ся до твоего имени, Плашонъ, то можно ли
его не знать! Ты столь извѣстенъ и
столь достоинъ быть славнымъ! Я нѣ-
сколько разъ слушалъ наставленія твои въ
саду академіи, гдѣ лучшее Аѳинское юно-
шество внимать тебѣ собиралось. Послѣ
того я путешествовалъ по Греціи. Мнѣ
сказали, что великій Плашонъ находился
въ моемъ опечесствѣ, и я возвратился
въ Сицилію, лаская себя надеждою, что
буду имѣть счастье тебя здѣсь увидѣть.
И подлинно я счастливъ: боги позволи-
ли мнѣ встрѣпить тебя въ этомъ хра-

мѣ, который самъ посѣщаю въ первый разъ; ибо опечеспвленный городъ мой соорудилъ его въ мое опсущствіе, дабы посшавилъ въ немъ моего Гименя. Но скажу искренно, такая честь польспила мнѣ гораздо менѣе, нежели одобреніе Плапона, возвыщеннѣйшаго изъ философовъ. Надѣюсь, что удостоивъ вниманія мою спашую, ты неопкажешь навѣспилъ и самаго художника въ его хижинѣ; тамъ увидишь ту милую женщину, которая послужила ему образцемъ для сего изванія.“

— Я самъ хотѣлъ объ этомъ тебѣ просилъ, сказалъ Плапонъ. Они пошли вмѣстѣ вдоль по рѣкѣ къ Тимееву дому, который находился въ предмѣспіи города, на берегу свѣсплага Гелора, окруженный лавровыми и маслчными деревьями.

Женщина красопы божеспвенной вышла на вспрѣчу къ Плапону. На лицѣ ея, чрезвычайно милovidномъ, чувспвишельность соединена была съ важнымъ спокойствіемъ. Она занималась домашними дѣлами, а дочь ея, сидя подлѣ своей машери, выщивала цвѣты и колосья на покрывалѣ, которое готовила въ даръ богинѣ Церерѣ. Рядомъ съ молодою дѣвушкой сидѣли два младшихъ ея брата, прекрасные мальчиши; они имѣли передъ глазами барельефъ,

изваянный ихъ опцемъ, съ котораго снимали рисунокъ. Платонъ, поклонившись женѣ и дѣтямъ художника, прошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ его мастерскую, гдѣ они и остались.

„Ты видишь, сказалъ Тимей, показавши философу свои рисунки, что я нещадилъ трудовъ, дабы составить себѣ нѣкоторое состояніе и дать вѣрное пристанище моему семейству послѣ смерти моей, которая можешь случиться всякую минуту. И я уже имѣлъ нѣсколько денегъ, которыхъ вмѣстѣ съ приданнымъ моей жены могли бы составить порядочный капиталъ; но одинъ случай, почти невѣроятный, лишилъ меня теперь всего моего имущества, большими трудами скопленного.“

— Какой случай? спросилъ Платонъ.

„Увы! это пайна, которой и жена моя еще не знаетъ — но тебѣ, Платонъ, мужу совѣща, я все открою! Надѣюсь, что ты мнѣ повѣришь, хотя я буду рассказывать дѣла невѣроятныя. Ты могъ получить нѣкоторое понятіе о моемъ почтеніи къ богамъ безсмертнымъ по тому образу, который даю имъ въ моихъ изваяніяхъ. Любимыя мои божества были Гименей, Дружба и Вѣрность! Имъ въ особенности было посвящено мое искусство, и я нередко

бросалъ съ досадою рѣзецъ, чувствуя, сколь было мнѣ трудно изобразить ясными чертами характеръ имѣ свойственный. Наконецъ я имѣлъ удовольствіе слышать, что работа моя мнѣ удалась. Городъ Гелоръ воздвигнулъ храмъ моему Гименею; а цѣна, которую мои соотечественники назначили мнѣ за это изваяніе, превзошла мою надежду. Въ это самое время славился въ городъ нашимъ необыкновенною набожностію одинъ богатой человекъ, по имени Ликасъ. Онъ принялъ въ число домашнихъ своихъ боговъ Дружбу и Вѣрность; я продалъ ему сіи двѣ статуи за весьма умеренную цѣну. Вхожу въ это подробнѣе для того, чтобы вы могъ почувствовать, сколь свято Ликасъ долженъ былъ сохранять пошлѣ залогъ, который я ему ввѣрилъ, и который этошлѣ вѣроломный хочелъ теперь присвоить,

„Обманушлѣ будучи пою мнимою набожностію, съ какою Ликасъ поклонялся Вѣрности и Дружбѣ, я былъ увѣренъ, что во всей Сициліи никто не могъ уподобиться ему въ честности; а по участию, которое онъ, какъ мнѣ казалось, принималъ въ моихъ успѣхахъ, заставляло меня думать, что я имѣю въ Ликасѣ вѣрнаго друга. Видя, что обстоятельство мои были благопріятны, рѣшился я посѣтить,

опечество Фидіасовъ, Лизипповъ, Праксипелей и многихъ другихъ великихъ людей, которыхъ въ безсмертныхъ произведеніяхъ удивляется Греція,

„Не смѣя ввѣришь маленькаго моего сокровища женщинъ слабой, робкой и неимѣющей никакой защиты, рѣшился я отдать его на сохраненіе Ликасту, и Ликастъ принялъ отъ меня въ тайнѣ, безъ свидѣтелей, ящикъ наполненный золотомъ, поклявшись отдать его моей женѣ, если я умру во время моего путешествія. Онъ пересчиталъ деньги, заперъ ящикъ и отдалъ мнѣ ключъ. Я оспавляю Сицилію; путешествіе мое продолжается два года; наконецъ, напишавши душу мою красками искусства и чудесами творческаго духа, возвращаюсь — какое же мое удивленіе! Ликастъ, уважаемый всѣми чловѣкъ, обожатель Вѣрности и Дружбы, вспрѣчаетъ меня съ холоднымъ видомъ, осмѣливается утверждать, что никогда не видалъ моихъ денегъ, и что не его дѣло хранить чужое богатство.

„Я скрылъ свою досаду, не желая заводиль шума, и еще надѣясь, что этакъ безспыдникъ можетъ опомниться; но онъ, если не ошибаюсь, имѣетъ жену, способную давать ему уроки въ корыстолюбіи и лукавствѣ. Она руководствуетъ поступками

Ликаспа. Скажи мнѣ, мудрый Плапонѣ, какъ долженъ я поступить въ этомъ случаѣ, и что бы ты сдѣлалъ, будучи на моемъ мѣстѣ? Я неимѣю ни доказательствъ, ни свидѣтелей; нѣтъ никакого способа уличить Ликаспа въ похищеніи ввѣреннаго ему залога!“

— Обстоятельства запруднительныя! сказалъ Плапонѣ. Лицемеръ есть гибкая, увертливая, легко изъ руки ускользящая змѣя. Я почти увѣренъ, что деньги твои потеряны. Скажи мнѣ, продолжалъ мудрецъ, подумавъ нѣсколько минутъ, какого свойства пошлѣ человекъ, которому поручено блюсти правосудіе въ городѣ Гелорѣ?

„Филоклесъ, всѣми любимый, почтенный и прямодушный человекъ! Онъ спрогъ и вмѣстѣ снисходителенъ! его спрашиваютъ и любятъ! Но, Плапонѣ, что можетъ онъ сдѣлать для меня со всѣмъ своимъ правдолюбіемъ? Клятва ужасаетъ одного неопытнаго пресупника; но лицемеръ, который всенародно поклоняется божествамъ Вѣрности и Дружбы и въ то же время безстыдно ихъ оскорбляетъ, надъ ними ругается, попирая ногами святыя ихъ законы, не испугаешься боговъ, наказующихъ клятвопресупленіе!“

— Правда, Тимей! такого человека ни что оспановить не можешь. Но почему знаешь, можешь быть найдется какойнибудь способ победить его корыстолюбие!

Тимей и Плапонъ пошли вмѣстѣ къ Филоклесу, который, зная честность художника, неусомнился въ истинѣ его словъ; но также, какъ и онъ признавался, что не было средствъ употребить прошивъ Ликаспа могущество строгаго закона. Но способы убѣжденія были ему позволены. „Я выдумалъ одинъ способъ, сказалъ Плапонъ, и нахожу его непрошивнымъ закону; ибо онъ не сдѣлаетъ никакого зла обвиненному, если онъ подлинно невиненъ!“ Плапонъ сообщилъ мнѣніе свое Филоклесу, и оно было имъ одобрено. Послали за Ликаспомъ; онъ приходилъ. Съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ онъ опрется отъ залога передъ Тимеемъ, повторилъ онъ свое опреченіе и предъ Филоклесомъ.

О Тимей! сказалъ онъ, о пы, который умѣлъ такъ превосходно изобразить на мраморѣ красоты Вѣрности и Дружбы, моихъ домашнихъ боговъ; который видѣлъ, съ какимъ усердіемъ я поклоняюсь имъ въ своемъ семействѣ, и какъ благоговѣнно помѣстилъ я ихъ среди опеческихъ моихъ Ларовъ; о Тимей! какъ можешь съ такимъ безстыдствомъ обвинять меня въ корысто-

любїи и предашельствѣ? Я несомнѣваюсь, что оставляя Сицилію, ты вѣрилъ копорому нибудь изъ гражданъ Гелора свое сокровище; можешь быть даже и по, что ты имѣлъ намѣреніе сдѣлать эту довѣренность мнѣ; но умоляю тебя, опомнись — ты переѣнилъ свое намѣреніе! почто переѣнилъ! Развѣ никто меня не знаетъ! Если бы я неимѣлъ куска хлѣба, или былъ признанъ опъ всѣхъ за лихоимца и скупаго; тогда обвиненіе твое могло бы показаться правдоподобнымъ: но всему Гелору извѣстно, что я честными средствами нажилъ большое богатство, и что проживаю его также честно. Тимей! подумай самъ: человекъ, наградившему тебя такъ щедро за твое искусство, придетъ ли въ голову спранный желаніе похитить у тебя твою собственность? И такъ умоляю тебя для собственной твоей чести болѣе нежели для моей,образи хорошенько всѣ обшпельства и дай себѣ время вспомнить, въ какія руки опдалъ ты свое золото; я увѣренъ, что ты очень скоро можешь объ этомъ вспомнить.

„Ликаспъ! опвѣчалъ Тимей: я не имѣю твоего краснорѣчїя и даже согласенъ, что обвиненіе въ хищничество такого человека набожнаго, всѣми уважаемаго, какъ ты, можешь показаться клеветкою; но при всѣмъ

помѣ я ушверждаю и всегда буду ушверждашь , что опдалъ тебѣ , Ликаспѣ , а не кому другому , изъ рукъ въ руки ящикъ недроваго дерева , выложенный слоновою кошпью , въ кошпоромѣ ты самѣ насчиталъ пять тысячъ золотыхъ монетъ ; вотъ и ключъ , опданный мнѣ самимъ побою . Ты хочешь , чтообы я опомнился ; но вспомни самѣ , не ты ли клялся мнѣ предъ изваянїями Вѣрности и Дружбы , что мой залогъ сохранился свяшо , и что въ случаѣ моей смерти будешь онѣ опданъ моей женѣ и дѣтямъ ?“

Такъ просподушный Тимей спарался уличить безспыднаго лицембра Ликаспа , кошорый опважно оприцался опѣ залога и называлъ обвиненїе Тимеево клеветшою . Наконецъ Филоклесѣ , опстановивъ ихъ , сказалъ : Ликаспѣ , я выдумалъ способъ тебя оправдашь , самой проспой и вѣрной . Ты въ самомъ дѣлѣ не получалъ эшаго ящика съ пяпью тысячами золотыхъ монетъ опѣ Тимея ?

„Не получалъ , Филоклесѣ !“

— И никогда его не видалъ !

„Никогда , и гошовъ въ эшомѣ кляспься !“

— Слѣдовашельно ты увѣренъ , что его нѣтъ въ швоемѣ домѣ ?

„Совершенно увѣренъ!“

— Садись же и пиши, что буду тебѣ сказывать: „Клеониса . . .“

„Письмо къ моей женѣ?“

— Пиши, Ликастѣ: „Клеониса, преступленіе мое открылось и я во всемъ признался. . . .“

„Какъ? Я!“

— Это одна выдумка! Пиши, Ликастѣ: „Я теперь нахожусь во власпи Филоклеса, и гибель моя неизбежна, если онъ надо мною не сжалятся!“

„Какъ, Филоклесъ! безъ всякаго доказательства признавать меня виновнымъ?“

— Я ничего еще не утверждаю, Ликастѣ, и отъ тебя самого зависишь удостоверить меня въ своей невиновности. Продолжай писать: „Клеониса, отъ тебя теперь зависишь мое спасеніе; не теряя ни минуты, принеси сама и отдай въ руки Филоклеса Тимеевъ ящикъ съ пяпью тысячью золотыхъ монетъ, увѣренный мнѣ самимъ Тимеемъ! Поспѣвши это исполнишь; въ противномъ случаѣ я погибъ!“

„Какое насиліе, Филоклесъ! ты принуждаешь меня пребывать онъ жены моей

такой вещи, которой у нее никогда не было!“

— Чпожъ это за несчастіе! она протшо придетъ сказать тебѣ, что не понимаетъ твоей записки — и ты будешь оправданъ!

„Она почтетъ меня сумасшедшимъ!“

— На одну минушу! придетъ и узнаетъ истину! Теперь подпиши свое имя!

„Подпишешь имя! подпишешься преступникомъ, когда я невиненъ! могу ли на это согласишься, Филоклесъ?“

— Я пребую этого, Ликастъ! возразилъ спрогимъ голосомъ судія: въ этой кипрости заключена твоя невинность. Если опвѣтъ Клеонисы опровергнетъ написанное ~~твоею~~ въ письмѣ, то мы уничтожимъ его; оно будетъ сожжено въ ту же минушу самимъ тобою. — Ропъ тебѣ мое слово. Напрошивъ, непокорность твоя, Ликастъ, можетъ имѣть одну только причину, и эта причина — есть твое преступленіе. Оставъ же пустыя опговорки, подписывай имя свое, или въ сію же минушу объявлю тебѣ виновнымъ и прикажу заключить въ оковы.

Ликастъ поблѣднѣлъ, смутился и не могъ опвѣчать ни слова; надѣясь однако,

что жена его замѣшивъ хипросшь и осмѣлился оппереться въ принятой залога, онъ подписалъ письмо, и оно опослано.

Удивленіе Клеонисы было чрезвычайно; она долго не вѣрила своимъ глазамъ. „Я не обманулась — такъ думала она — Ликаспъ измѣнилъ себѣ; его испугали, привели въ замѣшательство; онъ разбился въ словахъ и теперь я погибла, если не поспѣшу опдашь Филоклесу эшаго ящика; они придуть възяшь его силою, бросяшь меня въ пюрьму, и я принуждена буду наконецъ сказать, гдѣ онъ спрятанъ. Лучше опдашь его добровольно — Филоклесъ имѣетъ жалоспливую душу; онъ насъ проспитъ, и никому не расскажетъ объ эпомъ случаѣ.

— „Вотъ онъ, возмите, сказала Клеониса, подавая Филоклесу Тимеевъ ящикъ; я хотѣла еще нѣсколько времени продолжитъ эту шушку, чтобъ проучить въсколько Тимея, которой цѣлые два года пропадалъ въ чужихъ земляхъ и имѣлъ неоспорожность ввѣрять чужимъ людямъ имѣніе жены и дѣшей своихъ; но вижу теперь, что вы изъ шушки выводите важное дѣло, и выхожу изъ игры! Тимей, сочти свои деньги; онъ всѣ цѣлы. Но впередъ сиди болѣе дома и не опдавай никому подъ сохраненіе своего золога!“

Тимей и Плашонъ были очень довольны развязкою. Они просили Филоклеса опустить Ликаспа, наказавши его однимъ стыдомъ; но Филоклесъ сказалъ: вы довольны, спашеся удовлетворишь правосудіе. Вотъ его приговоръ:

Ликаспъ! ты употребилъ во зло по уваженію, которое люди оказывали тебѣ за мнимую твою набожность, и теперь долженъ признайся, что божествамъ Вѣрности и Дружбы совсѣмъ не прилично пребывать въ твоёмъ домѣ, и что ихъ насющае мѣсто въ Гименеевомъ храмѣ. Нынѣ же вели перенеси въ этотъ храмъ священные ихъ лики: съ тѣмъ приметъ жерпву сію за новое доказательство Ликасповой набожности, а между нами она будетъ его наказаніемъ. Повинуйся, Ликаспъ; въ противномъ случаѣ пресупленіе твое нынѣ же сдѣлается извѣстнымъ цѣлому городу. А ты, Клеониса, впередъ воздерживайся отъ пакихъ шутокъ, которыя имѣють великое сходство съ пресупленіями, и помни, что не всякой судья можетъ быть такъ снисходителемъ, какъ я, и не всякой обвинитель имѣетъ Тимеево добродушіе.

Виновные совсѣмъ не ожидали такого милосердаго приговора, и Ликаспъ въ тотъ же день его исполнилъ; а Плашонъ имѣлъ

удовольствіе видѣшь въ Гименеевомъ храмѣ
пѣ божества, копорыя почиалъ онъ нераз-
лучными его спущниками.

„Горе Гимену, геворилъ мудрецъ, если
онъ не имѣеть поварищами Дружбы и Вѣр-
ности!“

Съ Франц. В.

*Путешествіе шалобріана въ Гре-
цію и въ Палестину.*

Осматривая Грецію, Палестину, Еги-
петъ и Варварію, я не имѣлъ намѣренія
писати путешествія; но только хотѣлъ;
говоря словами древнихъ, избѣчивъ себя
отъ невѣжества. Нѣсколько лѣтъ уже за-
нимаясь сочиненіемъ (*), которое должно,
такъ сказать, дополнить книгу мою *Духъ
Христіанской*. Я почиалъ обязанностію
видѣшь собственными глазами своими пѣ
спраны, въ копорыхъ я помѣстилъ своихъ
героевъ. Я думалъ, что прежде не могу
имѣть довѣренности къ своимъ описаніямъ;
пока не буду въ соспоянїи сказать съ Улис-
сомъ: *Я видѣлъ разныя земли и разныя
нравы, и всѣ изображенія мои вѣрны.*

(*) Мученики, или торжество Христіанства.

Задолго еще до моего путешествія выбралъ я изъ древнихъ и новыхъ авторовъ множество свѣдѣній объ Иудеи и Греціи : какъ сіи замѣчанія , такъ и шб , которыя сдѣланы были мною на мѣстѣ , послужили матеріалами для моей поэмы. Но между замѣченными мною вещами находилсь и шакія , которыя были для меня совершенно бесполезны ; на примѣрѣ : все то , что относится къ обычаямъ народовъ новыхъ ; не входивъ въ мое сочиненіе , ибо въ немъ изображаются одни времена древнія и опдаленныя ; напротивъ я долженъ былъ собрать для поэмы своей все описанія мѣстъ , городовъ и тому подобное. Я опдалвилъ все предметы ; не входящія въ планъ сей , и могу ими особенно занять прежде читателя ; прося его только помнить , что ему предлагаю не путешествія ; а нѣкоторыя несовершенныя , понятія ; нѣкоторыя воспоминанія и мысли.

Я сѣлъ на корабль въ Тріестъ 1 го Августа 1806 года , и скоро Адриатическое море оспалось позади насъ. 8 Августа увидѣли мы Скарію (Корфу) и Бупрошумъ , напоминающіе о двухъ прѣпнвѣйшихъ сценахъ Енеиды и Одиссеи. Вдали мелькнулъ предъ нами утесъ Ипакій : я желалъ бы на время къ нему приспавъ , чтобъ видѣть Лерціевъ садъ ; жижину Евмея , и узнать то

мѣсто ; на кошоромѣ собака Улиссова умерла отъ радости , увидѣвъ своего господина.

Мы пробѣжали мимо острововъ Занша и Кефалоніи. 10 го Поупру на сѣверномъ горизонтѣ изобразились горы Елиды , а 11 мы бросили якорь передъ Модономъ , древнею Моеною , неподалеку отъ Пилоса. Я поклонился берегамъ Греціи и сѣлъ на шлюпку , кошорая приспала къ самымъ стѣнамъ Модона. Вспутивши въ эшотѣ разоренный городъ , увидѣлъ я посреди улицъ палашки и подъ ними сидящихъ вооруженныхъ Турковъ : эшо напоминало мнѣ объ одномъ глубокомысленномъ и во всѣхъ отношеніяхъ справедливомъ выраженіи господина *Боналія* : *Турки стоятъ лагеремъ въ Европѣ*. Я продолжалъ сухимъ путемъ свое путешествие.

Въ Пелопониссѣ нашелъ я одну бѣдственную спрану , доставшуюся на жертву необузданнымъ варварамъ , кошорыхъ первое удовольствіе разрушать памятники просвѣщенія и искусства , уничтожать нивы , деревья и цѣлыя поколѣнія. Можноли повѣришь , что есть на свѣтѣ такіе бессмысленные и дикіе хираны , кошорые прошившися малѣйшему усовершенствованію вещей , принадлежащихъ къ главнымъ потребностямъ человѣческой жизни ! Моемъ обломился — его не поднимаютъ ; шобѣ

вздумалось поправить свой обветшалый домъ — къ тебѣ придираюся, тебя утѣсняюшъ. Я видѣлъ одного Греческаго мореходца, который почипалъ безопасности спуститься въ море съ разорванными парусами, нежели зачинить эти парусы: могли бы подумать, что онъ богатъ или искусенъ въ своемъ дѣлѣ, и тогда онъ бы погибъ.

Изъ Модона отправился я въ Корону, находящуюся при заливѣ Мессинскомъ. Обошедши заливъ, я продолжалъ путь свой вверхъ по рѣкѣ Памизѣ. Вспутивъ въ Аркадію черезъ гору Лицей, я посѣтилъ Мегалополисъ, созданіе Епаминонда и отчизну Филопемена, потомъ Триполицу, новый городъ въ Тегейской долинѣ, у подошвы Менала. На возвращномъ пути я видѣлъ Спарту, Тайгетъ и долину Лаконіи. Отсюда пошелъ я черезъ горы въ Аргосъ, гдѣ осматривалъ нѣкоторые останки Агамемнонова града. Я останавливался на нѣсколько времени въ Микинѣ и Коринѣ. Проходя черезъ перевесы по горамъ Геранійскимъ, я видѣлъ, какъ одинъ Турецкій Ага, поранивъ Грека выстрѣломъ изъ карабина, велѣлъ дать ему пятьдесятъ палочныхъ ударовъ для его излѣченія.

Я посѣтилъ Мегару и Блевзисъ; прожилъ нѣсколько времени въ Афинахъ; на-

конецъ , проспившись навсегда съ опечен-
спвомъ музъ и великихъ людей , сѣлъ на
корабль у мыса Суніума , чтобы плыть къ
острову Цей.

Цей, древній Цеосъ , былъ извѣстенъ у
Грековъ своими спарцами , которые сами
лишали себя жизни ; Ариспеемъ , копорато
пчелы были воспѣты Виргиліемъ ; рожденіемъ
Симонида и Бахилида. Цеосскій флеръ
прославленъ былъ стихотворцами Римскими
ми , которые называли его *лканымъ свѣ-
лпромъ*. Отсюда перѣхалъ я въ Тиносъ ,
изъ Тиноса въ Хіосъ , изъ Хіоса въ Смирну.
Я рѣшился идти пѣшкомъ къ Троянской
равнинѣ ; доходилъ до Пергама , гдѣ видѣлъ
развалины Евменодыхъ и Апшаловыхъ чер-
поговъ ; но тщетно искалъ Галліенова гроб-
ба. Мой проводникъ отказался идти со
мною далѣе , увѣряя , что всѣ проходы го-
ры Иды наполнены разбойниками. Я прину-
жденъ былъ сѣсть на корабль и плыть въ
Константинополь. Имѣя главною цѣлію ви-
дѣть святыя мѣста , я освѣдомился пош-
часъ по пріѣздѣ моемъ въ Перу , не было
ли примѣчено корабля , вдуцаго въ Сирію ,
и къ счастію моему находился въ ней одинъ ,
совсѣмъ готовый къ отплытію , на копо-
ромъ нашелъ я Христіанскихъ богомольцевъ ,
Грековъ вдущихъ въ Иффу. Я сдѣлалъ ус-
ловіе съ Капитаномъ , и наконецъ мы на-

шли кь Иерусалиму подь знаменіемь креста, который изображенъ былъ на флагахъ, по мачшамъ развѣщенныхъ.

На корабль было насъ около двухъ сотъ пассажировъ, мужчинъ, женщинъ, дѣшей и спариковъ, и шакоежь число рогожь разоспано было въ порядкъ по обѣимъ споронамъ нижней палубы; надъ каждой изъ сихъ рогожь на бумажкѣ, приклеенной кь боршу корабля, написано было имя шого, кому она принадлежала; а въ головахъ каждаго богомольца висѣлъ его посохъ, чепки и маленькой крестъ. Каюша Капитанская заняша была попами, предводителями богомольцевъ; у входа каюшы огорожены были двѣ маленькія прихожія комнаты: я имѣлъ удовольствіе жить съ двумя челоѡками въ одномъ изъ эшихъ черныхъ ларей, имѣвшихъ каждый не болѣе шести фушовъ въ квадратъ; пропивъ меня въ другомъ ларѣ жило цѣлое семейство. Въ нашей республикѣ всякой занимался свободно своимъ особеннымъ хозяйствомъ; женщины заботились о дѣпяхъ; мужчины курили шабакъ, или гоповили свой обѣдъ; попы разговаривали; вездѣ слышались звуки мандолинъ, скрыпокъ и лиръ — шамъ плясали, здѣсь пѣли; въ одномъ мѣстѣ смѣялись, а въ другомъ молились. Всѣ были веселы. Миѣ говорили, пока-

зывая на Югъ: *Иерусалимъ!* и я опѣв-
чалъ: *Иерусалимъ*. Короче сказаць, мы
были бы счастливѣйшими людьми на свѣтѣ,
когда бы не принуждены были часто боять-
ся. При малѣйшемъ вѣтрѣ мапросы сби-
гали паруса, а богомольцы восклицали:
Иисусъ Христосъ! киріе элей сонъ! но
черезъ минушу послѣ грозы, все опять
спановилось и беззабочно и весело.

Я совсѣмъ не замѣтилъ того безпоряд-
ка, о которомъ говорятъ нѣкоторые путе-
шественники; напрошивъ все было весьма
порядочно и благоприспоино. Въ первой
вечеръ по опплышїи нашемъ два попа чи-
тали молитву, которую всѣ слушали съ
великимъ благоговѣнїемъ; потомъ благосло-
вили корабль — и эпопѣ обрядъ возобно-
влялся послѣ каждой бури. Напѣвъ *киріе-
элей-сона* ихъ чрезвычайно разнотеленъ:
вы слушаете одну ноту, которую слышите
разные голоса, одинъ важный, другой звуч-
ный, шрепїй тонкїй и нѣжный — дѣй-
ствїе эшаго *киріе* удивительно по своей
унылости и своему величїю. Эпо вѣроятно
есть древнїй напѣвъ первоначальной церкви.

На другой день нашего отѣзда почув-
ствовалъ я сильную лихорадку и принуж-
денъ былъ лечь на свою рогожу. Мы очень
скоро оспавили за собою Марморное море

и Дарданеллы (Пропонспиду и Геллеспонту). Мы бѣжали мимо полуострова Цирикка и устья Егосъ - Пошамоса; прошли между мысами Сеспосомъ и Абидосомъ: ни Александръ и его армія, ни Ксерксъ и его флотъ, ни Афиняне и Спартянцы, ни Геро и Леандръ не могли побѣдить страшной головной боли, копорая меня мучила; но 21 Сентября, въ шесть часовъ поутру сказали мнѣ, что мы гошовой оббѣхашъ Дарданельскій замокъ, и лихорадка принуждена была уступитъ воспоминаніямъ о Трѣхъ. Я выползъ на палубу; глазамъ моимъ предспавился высокій мысъ, увбичающій девястью мблницами: то былъ *Сигейскій мысъ*. У подошвы его замбшилъ я двѣ насыни: то были *гробы Ахилла и Палпрокла*. Устье *Симоиса* находилось по лбвую сторону новаго Азіатскаго замка; далбе, позади насъ, видбнб былъ *Реллейскій мысъ* и *гробъ Аяксевъ*. Въ опредленіи синблась *Ида*, копорой скашы, видимые съ корабля, казались некрушыми и пріятными. *Тенедось* находился передъ корабельнымъ рулемъ: *Est in conspectu Tenedos*. Я смотрблъ, и сердце у меня билось; я видблъ славу древнихъ героевъ и слышалъ пбсни древняго пбснопбвца.

22го Вошли мы въ Архипелгъ; видб-ли Хіосъ, Лезбосъ, Самосъ, славный све-

имъ плодородіемъ, своими пиранами, и особливо рожденіемъ Пивагора. Но все то, что ни писали объ эпосѣ островѣ спихоцворцы, должно уступитъ несравненному Епизоду въ Телемакѣ. Мы плыли около береговъ Азіи, гдѣ простирались передъ глазами нашими Дорида, и сія роскошная Іонія, кошорая обогащала Грецію удовольствіями и великими людьми; тамъ извивался Меандръ, блиспали Ефесъ, Милетъ, Галикарнасъ и Книдъ; я поклонился опечесству Гомера, Апелла, Геродота, Фалеса, Анаксагора, Аспазіи — но я не видалъ ни храма Ефесскаго, ни гроба Мавзола, ни Книдской Венеры — все было пустынно; безъ Іщузеля, Покока, Вуда и Спона я не узналъ бы Микальскаго мыса подъ новымъ и безславнымъ его именемъ. Наконецъ, проѣхавъ мимо Родоса и Кипра, увидѣли мы берега Палестины; но я не почувствовалъ того смятенія, кошорое овладѣло мною при первомъ появленіи Греціи; я ощутилъ въ себѣ прелесть и почтеніе при видѣ колыбели Израильянъ и опчизны Христіанства. Я готовился спуститъ на землю чудесъ, идти къ источникамъ возвышеннѣйшей Поэзіи, видѣть по мѣсту, гдѣ, если говоришь и обыкновеннымъ языкомъ историка, случилось величайшее изъ всѣхъ произшествій міра, произшествіе, измѣнившее лице земнаго круга — я разумю

пришествіе Мессіи. Я готовъ былъ при-
спашь къ берегамъ, копорые нѣкогда по-
сѣщали Годофреды, Рихарды, Жуанвили,
Куси. Я, спранникъ неизвѣстный, осмѣли-
вался попирашь ногами своими шу землю,
копорая освищена была нѣкогда славнымъ
присутствіемъ вождей и героев; но честь
и вбра мнѣ оспались, и по симъ двумъ
признакамъ должны узнать меня сіи древ-
ніе крестоносцы.

Мы бросили якорь передъ Яффою, око-
ло полумили разспоянѣемъ отъ берега. Со
вѣхъ сторонъ явились кайки для перевоза
богомольцевъ на берегъ. Люди, управляшіе
эшими лодками, имѣли уже не по лицо, не
шу одежду, какія привыкъ я до сего видѣшь,
не пошѣ языкъ, какой я доселѣ слышалъ,
и я узналъ Аравіянъ, жителей пустыни.

Со мною былъ слуга, Грекъ. Я по-
слалъ его къ опцамъ Палестины съ обвѣ-
щеніемъ о прибытіи Липинскаго богомольца.
Скоро пошомъ увидѣлъ я судно, прямо
плывущее къ нашему кораблю, и въ немъ
шрехъ монаховъ, копорые, узнавши меня по
Европейскому моему плашью, дѣлали мнѣ дру-
жескіе знаки руками. Опцы взошли на корабль.
Хошя они были Испанцы и говорили самымъ
испорченнымъ, едва понятнымъ Италіян-
скимъ языкомъ, но мы пожали другъ другу
руки, какъ насшоящіе одноземцы. Я сѣлъ

въ ихъ шлюпку; мы вошли въ пристань черезъ опверспіе, сдѣланное между утеса-ми и весьма опасное даже для кайки. Арабы, находившіеся на берегу, вошли въ воду по поясъ, чшобы вынести насъ на плечахъ на сухую землю. Здѣсь случилось забавное происшествіе: слуга мой одѣтъ былъ въ бѣлый серпукъ — а бѣлый цвѣтъ почи-тается у Арабовъ знакомъ опличія; во-образивъ, что мой слуга былъ *Шейкъ*, взя-ли они его съ подобоспраспемъ на руки и понесли, не смощра на его сопрошвленіе, на берегъ; а я между тѣмъ очень скромно спзался на спинѣ бѣднаго Араба, одѣшаго въ лохмоще.

Насъ привели въ обшель монаховъ — проспый деревянный домикъ, поспроенный въ пристани на прекрасномъ мѣстѣ, съ кошораго было видно опкрытое море и мно-гія живописныя окрестности. Госпепрїим-ные опцы прежде всего пошли со мною въ церковь, кошорая была уже освящена, и въ кошорой они сппѣли молебнъ за сохране-ніе ихъ пушешествующаго брата — про-гашельныя успановленія Хрисптіанскія? Благодаря имъ, спранникъ находивъ друзей и помощь въ сшранахъ далекихъ, посреди людей самыхъ дикихъ и свирѣлыхъ!

Пощомъ монахи спзели меня въ келью, въ кошорой я нашель хорошую постель,

сполъ, чернилы, бумагу, свѣжую воду и чистое бѣлье — надобно провести нѣсколь-ко дней на Греческомъ кораблѣ съ двумя спами пассажировъ, чѣобы почувствовать всему этому наспоющую цѣну. Въ восемь часовъ вечера сѣли мы за трапезу. *Benedicite* было прочитано послѣ *de profundis* — священное воспоминаше о смерти, которое Христіанство соединяетъ со всѣми дѣйствіями жизни, дабы они были важнѣе, и которыми древнѣе оживляли всѣ свои пиршества. Передо мною на маленькомъ столикѣ, чистомъ и отдѣленномъ отъ прочихъ, поставлена была дичь, рыба и прекрасные плоды: гранаты, виноградъ и финики — я могъ пить, сколько хотѣлъ, Кипрскаго вина и Левантскаго кофе. И въ то самое время, когда я роскошничалъ подобно Сарданпалу, мои госпепріимные опцы ѣли обыкновенную рыбу безъ соли и безъ масла; они были веселы и скромны, дружелюбны и учтивы. Не было бесполезныхъ вопросовъ, не было пустаго любопытства. Разговаривали о моемъ путешествіи, о томъ, какія надобно было взять мѣры, чѣобы кончить его благополучно. „За безопасность вашу, говорили они мнѣ, опвѣчаемъ мы шеперь вашему опечеству“ — и они уже послали одного нарочнаго къ Шейку Арабовъ горы Іудейской, а другаго къ Римскому опцу эконому. „Мы при-

няли васъ, сказалъ мнѣ отецъ Францискъ Муноцъ, съ сердцемъ *limpide e bianco*; но этому благочестивому Испанцу не нужно было увѣрять меня въ искренности своихъ чувствъ; я прочиталъ бы ихъ на опухшемъ его лицѣ и въ тихой ясности дружественныхъ его взоровъ.

Сей Христіанскій; исполненный брашской любви пріемъ въ странѣ, гдѣ родилось Христіанство и любовь истинная, сіе Апостольское гостепрїимство на тѣхъ самыхъ берегахъ, гдѣ первый изъ Апостоловъ проповѣдывалъ Евангеліе, прогнали меня до глубины сердца; я вспомнилъ; что нѣкогда съ такою же Христіанскою любовью былъ я принятъ Миссіонерами Американскихъ пустынь; но отцы Палестинскіе шѣмъ болѣе заслуживаютъ удивленіе, что проливая Христову любовь на богомольныхъ путешественниковъ въ Іерусалимъ; они оставили для себя одинъ только крестъ, въ сихъ самыхъ мѣстахъ Спасителя ихъ воздвигнутой. Этотъ отецъ съ сердцемъ *limpide e bianco* увѣрялъ меня, что онъ почищаетъ истиннымъ раемъ эту жизнь; которую проводилъ болѣе пятидесяти лѣтъ въ этомъ мѣстѣ, *vego paradiso*. Хотите ли имѣть понятіе объ этомъ *vego paradiso*? Всякой день оскорбленіе и всякой день угрозы замучить палками, посадишь въ цѣпи;

умертвить жестокою смертію. За нѣсколь-
ко дней до моего прѣзда монахи вымыли
покровы и прочія шкани, принадлежащія въ
олшарю. Вода, напишанная крахмаломъ,
облила камень, находившійся у ворошъ
обители. Одинъ Турокъ это увидѣвъ и
попчасъ донесъ Кадію, что монахи пере-
дѣлываютъ домъ свой. Кадіи идешъ въ оби-
тель, осматриваетъ камень, находивъ, что
онъ изъ чернаго вдругъ сдѣлался бѣлымъ —
важное доказательство — и принуждаетъ
бѣдныхъ опцевъ заплачивать ему десять
кошелековъ. На канунъ моего прибытія въ
Яффу опецъ эконома обители былъ оби-
женъ невольникомъ одного Аги, который
въ присущствіи господина своего грозился
его удавить. Чпожъ сдѣлалъ Ага? Спо-
койно пошевелилъ усами и не сказалъ ни
слова въ удовольвореніе *христианина -*
собака. Таковъ всего paradiso эшихъ оп-
шельниковъ, которыхъ нѣкоторые путеше-
ственники описываютъ Наболами Пале-
стинскими; счастливыми; роскошными;
опъ всѣхъ уважаемыми.

На другой день по прибытіи моемъ
въ Яффу, хотѣвъ я идти осматривать
городъ и навѣстить Агу, которой присы-
лалъ ко мнѣ одного изъ своихъ подчинен-
ныхъ съ привѣтствіемъ; но помощникъ опца
эконома совѣтовалъ мнѣ оснагаться дома.

„Вы незнаете эгихъ людей, сказалъ онъ; по, что вы принимаете за учтивство, есть не иное что какъ шпіонство: васъ привѣщиваютъ для того единственно, чтобы узнать, кто вы, есть ли съ вами деньги и можно ли васъ обобращъ. Вы хошите видѣть Агу; вамъ надобно будете непременно сдѣлать ему подарокъ; а онъ противъ вашего желанія дастъ вамъ проводниковъ до Іерусалима. Рамлейскій Ага удвоитъ эпопъ конвой. Арабы, увѣренные, что богатый Франкъ ѣдетъ ко Святому Гробу, иди увеличатъ пошлину, кошорую берутъ за свободный пропускъ, или, что еще опаснѣе, сдѣлаютъ на васъ нападеніе. У самыхъ воровъ Іерусалима найдете вы лагерь Дамаскаго Паши, копорый, по обыкновенію, передъ своимъ отбытіемъ съ караваномъ въ Мекку пришелъ собирать подать; въ Іерусалимѣ потребуютъ съ васъ три или чешыре тысячи пїаспровъ за конвой. Черный народъ, узнавши о вашемъ прибытіи, будетъ преслѣдовать васъ своими шребованіями, копорымъ не удовлетворили бы вы и тогда, когда бы привезли съ собою милліоны; за вами спанутъ бѣгать по улицамъ многочисленными шолпами, и посѣщая святыя мѣста, вы принуждены будете опасаться, чтобы васъ не расперзали. Мой совѣтъ переодѣться въ платье пилигрима и вмѣстѣ со мною иди пѣшкомъ въ Рам-

лу: шамъ дождемся опвѣща опѣ моихъ посланныхъ; если онъ благопріятный, по вы, опсправившись ночью въ пущь, дойдете и безопасно и съ малыми издержками до Іерусалима!“

Отець прибавилъ къ описанію своему тысячу примѣровъ. Между прочимъ сказывалъ онъ мнѣ объ одномъ Польскомъ Епископѣ, которой, два года тому назадъ, едва не заплашилъ жизнью за гордую свою пышность. Я говорю объ этомъ общеспельствѣ единственно для того чшобъ показашъ вамъ, какъ велико въ этой несчастной землѣ развращеніе нравственности, корыстолобіе, безначаліе и жестокость. Смѣло могу сказашъ, судя по тому чшо я видѣлъ своими глазами, чшо безъ опеческихъ попеченій и бдишельности Христіанскихъ опщельниковъ половина изъ путешеспвующихъ ко Святому Гробу была бы жертвою или хищныхъ Арабовъ, или жестокихъ Турковъ.

3 Октябрия, въ чешыре часа послѣ обѣда, нарядившись въ шерстяной покровъ Египетской работы — обыкновенная одежда Бедуиновъ — и сѣвши на муловъ почти безногихъ, опсправились мы въ дорогу. Отець помощникъ эконома шелъ передъ нами подѣ имянемъ бѣднаго спранспвующаго брапа;

Арабъ въ изорванномъ рубищѣ показывалъ намъ дорогу; а позади насъ шелъ другой Арабъ, которой подгонялъ осла, навьюченнаго нашими пожитками. Мы вышли въ заднія ворота обипели и добрались до городскихъ воротъ черезъ развалины домовъ, разрушенныхъ въ послѣднюю осаду.

Въ Рамлѣ ожидали меня извѣстїя благопрїятныя: изъ монастыря Іерусалимскаго присланъ былъ ко мнѣ драгоманъ. Начальникъ Арабовъ, которому надлежало меня провожать въ Іерусалимъ, бродилъ неподалеку отъ города по полю; ибо Рамлейскій Ага не позволяеть Бедуинамъ входить въ самый городъ.

Одно многочисленное колено Арабовъ горы Іудейской живеть обыкновенно въ деревнѣ Еремїи. Арабы сїи могутъ произвольно и заграждать и открывать для путешественниковъ Христїанскихъ входъ во врата Іерусалима. Шейкъ эшаго колена умеръ за нѣсколько дней до моего прибытїя; маленькой сынъ его оспался подъ опекою Абу-Гоша, брата Шейкова, который имѣлъ еще двухъ братьевъ Джїаббера и Эбраимъ-Габдъ-ель Румана, бывшихъ моими проводниками на возвращномъ пути изъ Іерусалима.

Мы вышли изъ Рамлы 4 числа въ полночь; оставивъ за собою Саронскую равнину, вступили мы въ горы Иудеи. При появлении днѣя увидѣвъ я себя среди лабиринта горъ, имѣющихъ форму коническую, совершенно между собою сходныхъ и основаніями соединенныхъ. Прощедъ долину Еремїи, спустились мы въ долину Терebinша, оставивъ въ правѣ Маккавейскій замокъ. Ущелья, на копорыхъ видима была доселѣ рѣдкая зелень, мало по малу начали обнажаться; вдругъ моимъ глазамъ представилось совершенное безплодіе: горы, составляющія передо мною смутный амфитеатръ, казались красноватаго, пламеннаго цвѣта. Вдругъ, поднявшись на высоту одной остроконечной горы, увидѣвъ я рядъ гошическихъ стѣнъ и у подошвы ихъ протянушый лагерь Турецкой конницы во всемъ восточномъ его великолѣпїи. Начальникъ Арабовъ, воскликнувъ El - Qods! свяшый! (Іерусалимъ), поскакалъ во весь опоръ и скрылся.

Крикъ драгомана, копорый приказывалъ намъ стѣсниться, потому что надобно было переходить черезъ Турецкій лагерь, извелъ меня изъ той смутной задумчивости, въ копорую погрузился я при видѣ святаго града. Мы вѣрхали въ такъ называемыя *ворота богомольцевъ*, копорыхъ истинное имя *Дамасскія ворота*, и оста-

новились въ монастырѣ Спасителя. Надобно бышь въ положеніи опцевъ Палестинскихъ, чшобы поняшь по удовольствію, которое сдѣлалъ имъ мой прїездъ: одно присушествіе Француза почитали они уже своимъ спасеніемъ. Настоятель (отецъ Бонаваншури де Нола) сказалъ мнѣ: вы посланы самимъ Провидѣніемъ, чшобы избавишь насъ или опъ совершеннаго разоренія, или опъ мучительной смерти. Вамъ безъ сомнѣнія даны подорожные фирманы? Позвольте намъ показать ихъ Пашѣ; онъ узнаешъ о прибытіи Француза въ нашъ монастырь, и будешъ думать, чшо мы состоимъ подъ покровительствомъ Франціи. Прошлаго года принудилъ онъ насъ заплашишь шестьдесять тысячъ піасировъ, хотя по уснановленію мы обязаны плашишь ему только чешыре тысячи. И теперь шребуешъ онъ, чшобы мы опсчишали ему такую же сумму, грозясь въ противномъ случаѣ прибѣгнушь къ крайнѣйшимъ средствамъ. Мы будемъ принуждены продать свяшыя сосуды: вотъ уже чешыре года, какъ мы не получаемъ никакого подаянія изъ Европы; и если это продолжится, то необходимо заставишь насъ, простившись навѣки съ Палестиною, покинуть гробъ Іисуса Христа во власши варваровъ Магометанскихъ.

Я радовался случаю оказать нѣкопоруую услугу почтеннымъ опцамъ; однако сказалъ имъ, что прежде нежели фирмы будутъ показаны Пашѣ, хочу побѣпить Иорданъ, дабы не затруднять понапрасну моего путешествія, и безъ того опаснаго.

Турокъ, по имени Али - Ага, вызвался проводить меня въ Виелеемъ. Опець его былъ Рамлейскій Ага; ему опрубили голову по приказанію славнаго Дрезара. Али - Ага родился въ Ерихонѣ, шеперь именуемомъ Рихха; онъ былъ начальникомъ этой деревеньки, находящейся въ долинѣ Иорданской. Онъ человекъ съ головою и смѣлый, и я оспался имъ очень доволенъ. При выѣздѣ изъ Иерусалима, велѣлъ онъ намъ скинуть Арабское плашье и переодѣться въ наше обыкновенное Французское, нынѣ весьма уважаемое на Воспокѣ. Французы вступили здѣсь въ древнія свои права. Рыцари Французскіе возстановили нѣкогда Иерусалимское царство, и рвали Иудейскія пальмы; и шеперь еще Турки показываютъ вамъ испочникъ Рыцарей, башню Рыцарей, гору Рыцарей; а на святой горѣ хранился мечъ Годофредовъ, который и шеперь въ древнихъ своихъ ножнахъ кажется грознымъ защитишелемъ Иисова гроба.

Въ пять часовъ вечера привели намъ добрыхъ лошадей, и мы опправились въ

Виелеемъ, гдѣ надлежало провести ночь въ монастырѣ и взявъ шесть человѣкъ Виелеемскихъ Арабовъ конвоя. Мы выѣхали изъ Иерусалима черезъ тѣ же врата богомольцевъ, черезъ копорья и вѣхали; потомъ поворотивъ вправо черезъ рвы, находящіяся у подошвы горы Сиона, поднялись на вершину другой горы, по плоскости которой продолжали путь свой около часа. Иерусалимъ оспался позади насъ на сѣверѣ; на югѣ были Иудейскія горы, а на воспокъ въ великомъ опдаленіи Аравійскія. Миновавъ монастырь св. Иліи, вступили мы на поле Рамы, гдѣ и шеперь еще показываютъ гробницу Рахили; а къ ночи пришли наконецъ въ Виелеемъ. Съ какимъ удовольствіемъ посѣтилъ я мѣсто рожденія Спасителя, мѣсто, гдѣ поклонялись Ему маги, домъ молитвы святаго Иеронима! Осмотрѣвши мѣста замѣчанія достоинныя, и списавши нѣкопорья надписи, отправился я къ Мершвому морю. При самомъ выѣздѣ изъ Виелеема имѣли мы легкую сшибку съ Бедуинами. Вступивши во внутренность пустыни, увидѣли мы высокія башни — то былъ монастырь св. Саввы.

Передъ стѣнами этого монастыря напала на насъ другая шайка Бедуиновъ. Али-Ага спасъ мою жизнь, подставивъ руку подъ кинжалъ Араба, хотѣвшаго поразить

меня сзади. Я сказалъ* уже, что не буду ничего описывать, следовательно не ожидайте, чтобы я говорилъ вамъ о славной обители св. Саввы, построенной въ глубокомъ рвѣ Кедронскаго потока; не спану по той же причинѣ описывать ни рѣки Иордана, ни Мерсваго моря; но впечатлѣніе, производимое сими мѣстами на душѣ, такъ сильно, что я еще и теперь чувствую пощѣ ужаса и по изумленіе, которыми обѣяли меня при видѣ сей земли, постигнутой гнѣвомъ Господнимъ! Я видѣлъ великія рѣки Америки съ шѣмъ чувствомъ, которое производитъ въ насъ удивленіе и Природа; сидѣлъ въ задумчивости на берегахъ величественнаго Тибра; смотрѣлъ на Цефизу, Эропась и Нилъ, и воображеніе мое пылало — но я не могу извѣстить того чувства, которымъ была наполнена моя душа, когда я видѣлъ передъ собою Иорданъ! Рѣка сія оживляла въ глазахъ моихъ славную древность; на берегахъ ея совершились столь многія чудеса Религіи. Иудея единственная спрана въ свѣтѣ, въ которой для путешественника-Христіанина воспоминанія о происшествіяхъ міра соединяются съ великими воспоминаніями о дѣлахъ Неба.

Мы провели ночь на берегу Мерсваго моря. Поутру я долго смотрѣлъ на него

съ любопытствомъ. Опшуда пошли мы къ Иордану. Французское плашье спасло насъ отъ новаго нападенія Арабовъ; они не осмѣлились на насъ устремиться. Я сказалъ уже, что Али - Ага родился въ деревнѣ Риххъ (древнемъ Ерихонѣ), въ кошорой онъ былъ начальникомъ. Ему хотѣлось, чтобы я видѣлъ его область, и мы были въ ней приняты весьма дружественно. Подданные вышли на встрѣчу къ своему властелю. Онъ хотѣлъ угощать меня въ старой лачужкѣ, кошорую называлъ своимъ дворцемъ; но я отказался отъ этой чести, желая лучше опобѣдать на берегу Елисеева источника, нынѣ именуемаго источникомъ Царскимъ. Пробъжая черезъ деревню, видѣли мы молодого Араба, сбдящаго въ споронѣ, увѣнчаннаго перьями, въ праздничной одеждѣ. Мимоходящїе, останавливаясь передъ нимъ, цѣловали его въ лобъ и щеки. Мы сказали, что этотъ Арабъ былъ новобрачный. Мы сѣли на берегу источника Елисеева; на берегу же разложили большой огонь, кошомъ зарѣзали агвенка, и онъ былъ цѣлый изжаренъ на кошерѣ. Мы сѣли кругомъ большого деревяннаго ешала, и каждый своими руками опдѣлилъ для себя часть жершвы. Прїятно замѣчать въ сихъ обыкновенїяхъ нѣкошорое сходство съ обыкновенїями дней прошедшихъ, и находишь между кошомками Изма-

ила воспоминанія о Авраамѣ, Іаковѣ и Папріарховѣ Израильскихъ.

По возвращеніи моемъ въ Іерусалимъ нашелъ я всю монастырскую брашю въ великомъ смятеніи: Паша началъ производить въ дѣйство угрозы свои. Онъ призывалъ уже монаховъ въ свою палатку и объявилъ имъ, что опведешъ ихъ скованныхъ въ Дамаскъ, гдѣ прикажетъ имъ всѣмъ опрубить головы, если они опрекушя удовольствовишь его пребованія. Напрасно наспопшель, родомъ Неаполишанецъ, повпорялъ, что онъ состоишь подъ защию Франціи. Паша не слушалъ никакихъ представленій и пребовалъ денегъ. Въ такомъ были положеніи дѣла, когда я возвратился въ монастырь. Мои фирманы, въ которыхъ заключались повелбнія самыя строгія, были свидѣтельствомъ тѣснаго союза между Опшоманскою Портою и Франціею: ихъ послали къ Пашѣ — это имѣло хорошее дѣйствіе. Паша побоялся, что бы я не увѣдомилъ о грабительспвахъ его Французскаго Посла, который могъ принести жалобу Порпѣ; онъ началъ говорить объ уступкѣ, и наконецъ удовольспвовался подаркомъ 1500 пїаспровъ, грозясь однако наказатъ *бунловщиковъ*, какъ скоро не будетъ у нихъ защиты.

Признаюсь вамъ, что я незнаю мучениковъ несчастнѣе эсихъ бѣдныхъ Палестинскихъ монаховъ; съ ихъ соспоянїемъ равняется можешь бышь одно полько соспоянїе Французовъ въ царствованїе ужаса. Всякую минушу бышь въ опасности, всякую минушу спрашишь грабежа или смерши! Но эшо поймете вы гораздо лучше, когда я скажу нѣсколько словъ объ управленїи во Іерусалимѣ:

Іерусалимъ причисленъ къ Пашалику Дамасскому неизвѣстно по какой причинѣ; можешь бышь эшо соопвѣпспвуешъ пош разрушительной системѣ, копорую приняла Турки по еспешвенному шакѣ сказашъ побужденїю, будучи опдѣлены опѣ Дамаска горами, и еще болѣе Арабами, бродящими по пустынь. Жители Іерусалима не могушь ни жаловаться, ни просить заципы въ случаѣ жестокаго упѣсненїя губернаторовъ. Было бы еспешвеннѣе подчинить эшотѣ городѣ Пашалику Акрскому, находящемуся въ сосѣдствѣ. Франки и монахи Лашинскїе были бы тогда подѣ покровительствомъ консуловъ, живущихъ въ пристаняхъ Сирїйскихъ; голоса Грековъ и Турковъ были бы тогда слышны. Но эшого-шо и хопяшь избѣгнушь; здѣсь пребуошь неволи безмолвной, а не дерзоспныхъ жертвѣ, копорыя бы въ иныя минушы осмѣливались говоришь, что ихъ раздираюшь.

Иерусалимъ и въкошорымъ образомъ подчиненъ правительству независимому, которое можетъ безъ страха дѣлать всѣ возможныя прѣтвенія, будучи обязано оповѣдомъ одному только Пашѣ. Известно, что въ Турціи вышній чиновникъ имѣетъ право передавать свою власть низшему, а сія власть распространяется и на имѣніе и на жизнь. За нѣсколько кошельковъ янычаръ спановишия Агою; а эпошъ Ага имѣетъ право снять съ себя голову, или позволишь тебѣ ее выкупить. Такимъ образомъ палачи размножаются во всѣхъ деревняхъ Іудей. Все правосудіе заключается единственно въ сихъ словахъ: *Онъ долженъ заллатишь десять, двадцать, тридцать кошельковъ; дайте ему пять соль палочныхъ ударовъ; отрубите ему голову.* Болѣе ничего никогда не услышишь. Одинъ несправедливый поступокъ бываетъ поводомъ къ другому несправедливѣйшему: разоривъ поселянина, должно необходимо разорить и его сосѣда; ибо для предохраненія себя отъ лицемернаго правосудія Паши надлежитъ уступитъ ему выигрышь отъ новаго преступленія, чтобы пользоваться свободно выигрышемъ отъ прежняго.

Вы подумаете можетъ быть, что Паша, осматривая ввѣренную ему область, исправляетъ сіи злоупотребленія и мститъ

грабителямъ за ограбленныхъ. Вы ошибаетесь! Паша есть самый ужасный бичъ для обитателей Иерусалима. Его спрашиваютъ, какъ главного вождя непріятелей; зашворяютъ лавки, прячутся въ подземелья, пришиваются умирающими на рогожъ, уходятъ въ горы.

Я смѣло могу подтвердить истину этихъ словъ; ибо я самъ находился тогда въ Иерусалимѣ въ самое по время, когда прѣѣхалъ въ него Паша А. . . , скупой до безмѣрности, какъ и всѣ почти Музульмане. Будучи предводителемъ Мекскаго каравана, онъ почитаетъ себя въ правѣ увеличивать налоги; ибо ему, говоритъ онъ, нужны деньги для покровительства богомольцевъ. Онъ пользуется множествомъ способовъ. Одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ состоитъ въ назначеніи самой дешевой цѣны за свѣспные припасы. Народъ радуется, а купцы зашворяютъ лавки. Вдругъ начинается голодъ. Паша дѣлаетъ пайно договоръ съ купцами, и они за нѣсколько кошельковъ получаютъ позволеніе продавать припасы по такой цѣнѣ, какая покажется имъ выгоднѣе. Купцамъ надобно выторговать данныя Пашѣ деньги, и они накладываютъ на все цѣны ужасныя; народъ, впрочемъ умирая съ голоду, принужденъ отдавать за скудную пищу послѣднюю свою одежду.

Во время пребыванія моего въ Иерусалимѣ эпошъ А. . . выдумалъ удивительный способъ вдругъ получить множество денегъ: онъ послалъ свою конницу ограбить Арабовъ - земледельцевъ, поселившихся на другомъ берегу Иордана. Эпи добрые люди, заплашивъ свою подашь, и полагаясь на мирное время, не могли ожидать нападенія; у нихъ опниали 2200 козъ и барановъ, 94 пеленка, 1000 ословъ и 6 кобылъ лучшей породы; одни только верблюды спаслись. Шейкъ кликнулъ ихъ издалека, и они кучею за нимъ побѣжали. Вѣрныя чада пустыни понесли свое молоко въ горы на пропитаніе несчастныхъ господъ своихъ, какъ будто угадывая, что сїи изгнанники не могутъ шамъ имѣть другой пищи.

Никакой Европеецъ не въ состоянїи придумать того, что эпошъ Паша сдѣлалъ съ своею добычею. Онъ наложилъ на каждую скопину тройную цѣну; а мисники, жители Иерусалима и саршины ближнихъ деревень разкупили ихъ по эпой паксѣ: они принуждены были эпо сдѣлать — или плаши деньги, или будешь удавленъ. Признаться, я не повѣрилъ бы тому, но самъ въ несчастїю видѣлъ своими глазами.

Испощивъ Иерусалимъ, Паша удаляется. Но чтобы избѣжать нужды плашишь

за содержаніе городской спрѣжи и подѣ
предлогомъ, что ему нужны солдаты для
прикрытія каравана, идущаго въ Мекку,
онъ уводитъ съ собою и свое маленькое
войско. Губернапоръ оспрашивается одинъ съ де-
сятикомъ сборовъ, которые весьма недоспа-
точны для сохраненія устройства какъ
въ городѣ, такъ и въ мѣстахъ окрестныхъ.
И прошлаго году онъ самъ принужденъ
былъ запереться въ домъ свой, чтобы
спаслись отъ шайки разбойниковъ, кото-
рые перескочили черезъ стѣны Иерусалима
и едва его неграбили.

По отбытіи Паши начинается другое
зло, которое можно назвать необходимымъ
послѣдствіемъ его грабительства: разорен-
ныя деревни бунтуютъ; между ими открыва-
ется междоусобная война, производима
наслѣдственными враждами. Всякое сообще-
ніе прекращено; земледѣльство гибнетъ;
земледѣлецъ приходитъ ночью въ виноград-
никъ своего непріятеля, подрѣзываетъ его
виноградъ и портитъ его оливы. На дру-
гой годъ Паша возвращается, и налагаетъ
уже саму подать на истощенный и уже
прошивъ прежняго малочислѣннѣйшій на-
родъ. Для испорченія самъ подати надле-
житъ удвоить и насиліе, и цѣлыя селенія
уничтожаются вконецъ; мало по малу пу-
стыня растетъ; не видишь болѣе ничего,

жромѣ нѣсколькихъ хижинѣ, кое-гдѣ разсѣянныхъ, падающихъ и вѣтрихъ; у дверей сихъ хижинѣ безпрестанно расширяющся кладбища; каждый годѣ погибаетъ хижина и семейство, и скоро останется одно только кладбище для означенія того мѣста, на которомъ некогда было селеніе.

Съ Французскаго. Ж.

Т р и ф и н и к а .

Не знаешь ли какой нибудь сказки? спросилъ однажды Калифѣ Мамунѣ у главнаго начальника евнуховъ, Мезрура; мнѣ скучно и сонѣ меня клонитъ. Мезрурѣ предспавилъ Его Величеству невольника, который, опустивъ въ землю глаза, недоспойные зирашъ на свѣтлыя очи Повелишеля вѣрныхъ, началъ рассказывать, какъ слѣдуетъ ниже:

„Владыка вѣрныхъ — опецѣ пвой Великій Калифѣ Гарунѣ Аль - Рашидѣ всякой день почти извоилъ ѣздить на охоту, и я всегда находился при его свипѣ. По цѣлому дню скакали мы во всю прышь, и я обыкновенно возвращался домой голодный и усталый до смерти. Въ одинѣ день Юсуфѣ, придворный пвоего родипеля, далъ мнѣ на дороге при финика, вареные въ меду: пы

проголодаешься на охотѣ, и эши при фини-
ка ушояшь и голодъ швой и жажду. Я
очень благодаренъ былъ Юсуфу, и положилъ
финики въ спаканъ. Мы ѣздили очень долго ;
въ сумерки я проголодался; но долго ждалъ
благопріятной минушы; наконецъ Калифъ
нѣсколько удалися; я вынулъ спаканъ,
досшалъ изъ него одинъ финикъ, только
что усилъ поднести его ко рпу, какъ швой
родишель, кошрому угодно было надо мною
позабавишья, кликнулъ меня къ себѣ — я
бросилъ финикъ, ударилъ каблуками своего
осла, и поскакалъ къ нему безъ памяти.
За чемъ же онъ меня звалъ? Ему разсуди-
лось у меня спросишь, всѣ ли зубы у моего
осла, или нѣшъ. — „Всѣ, Повелишель право-
вѣрныхъ!“ отвѣчалъ я, и шѣмъ кончился
нашъ разговоръ. — Спустия нѣсколько ми-
нушь я принялся-было за другой финикъ;
но Калифъ опять меня кликнулъ, и я
опять, бросивши финикъ, принужденъ былъ
скакашь къ нему во всю ослиную прышь.
Какой породы швой оселъ, Египетской, или
Арабской? спросилъ меня Калифъ. — „Онъ
изъ Цименя, Повелишель вѣрныхъ!“ —
Въ спаканъ моемъ оспазался уже одинъ
финикъ. Я опять нѣсколько опсталъ на-
зади; но опять долженъ былъ винушь фи-
никъ, чтобы скакашь къ Калифу, кош-
рый меня кликалъ. — Что заплашилъ шъ
за эшаго осла? спросилъ швой родишель. —

Провались сквозь землю и мой оселъ и шопъ, что мнѣ его продалъ! думалъ я про себя; но отвѣчалъ съ веселымъ лицомъ: восемь червонцевъ, Повелитель вѣрныхъ! — Калифъ не могъ удержаться отъ смѣха, и я возвратился во дворецъ полумертвый отъ голода.

Въ шопъ же вечеръ случилось мнѣ идти по одной галлерей — слышу поощій женскій голосъ; оспанавливаюсь; вижу въ окнѣ прекрасную невольницу и подлѣ нее Калифа, который очень нѣжно обнималъ ее одною рукою. Она умоляла своего родителя удалиться, напоминая ему ревности любимой супруги его Зобеиды. Заплакивъ за одну минушу удовольствія многими годами печали и мученія, было бы весьма безразсудно, Повелитель вѣрныхъ! говорила прекрасная невольница; и что мнѣ будешь порукою въ шопъ, что ты, Государь, не забудешь меня въ одну минушу? Калифъ старался ее успокоить на счетъ Зобеидиною ревности и собсвеннаго своего непостоянства. „Зобеида теперь въ загородномъ домѣ!“ говорилъ свой родитель. . . . Въ эту минушу я заслушалъ въ дверь. О Пророкъ! воскликнула невольница: это Султанша! — Кто спучилъ? спросилъ Калифъ. — „Твой невольникъ Ибадъ, Повелитель вѣрныхъ! Нынѣ поутру изволилъ

пы спрашивашь у меня, Государь, всё ли зубы у моего осла? Я отвѣчалъ: всё; но я ошибся; теперь, пересчитавши ихъ снова, могу увѣрить тебя, верховный Владыка, что ему недостаетъ двухъ коренныхъ зубовъ и одного глазнаго! — Провались пы съвозъ землю и съ своимъ осломъ! воскликнулъ пвой родитель; оставь меня въ покоѣ! — И я удалился. Слышу, что ихъ разговоръ опять начинаеть оживляться: Калифъ опять сдѣлался очень привѣпливъ — словомъ сказать, они уже были весьма согласны, когда я принялся спучать въ двери сильнѣе прежняго. Невольница вскочила и бросилась въ другой уголъ, воскликнувъ: я пропала! это Зобеида! Но Калифъ, удержавъ ее за руку, успокоилъ, попомъ спросилъ: что за спукъ? кому меня надобно? — „Это я, пвой невольникъ *Ибадь*, Повелитель вѣрныхъ! Ты спрашивалъ у меня сего дня поущру, какой породы мой оселъ, Египетской или Арабской? Я отвѣчалъ: Арабской; но я ошибся; теперь только сказали мнѣ навѣрное, что мой оселъ настоящій Египтянинъ!“ Чтобы тебѣ преснуть и съ своимъ осломъ, проклятый надѣдало! воскликнулъ съ досадою Калифъ. — И я удалился. — Прошло нѣсколько минутъ; молодая невольница все еще не могла опамятоваться отъ испуга. Намонецъ мало по

малу Калифъ развеселилъ ее; я услышалъ, что они уже цѣловались — и давай стучать въ двери такъ громко, что бѣдная невольница вскрикнула, задрожала и закрыла обѣими руками глаза, будучи увѣрена, что увидитъ передъ собою раздраженную Зобеду. — Кто тамъ стучалъ? воскликнулъ Калифъ. — „Я, Повелитель вѣрныхъ, пвой невольникъ *Ибадъ*. Ваше Величество изволили спрашивать у меня на охотѣ, чего стоилъ мой оселъ. Я отвѣчалъ: восемь червонцевъ! но это неправда. Я справился съ моею расходною книгою; въ ней записано только семь съ половиною, — и я пришелъ донести объ этомъ тебѣ, Владыка верховный! — Убирайся въ адъ и съ проклятымъ твоимъ осломъ! воскликнулъ въ гнѣвъ Калифъ. Я вышелъ. Родитель твой хотѣлъ возвратитъ улепѣвшія удовольствія любви; но въ эту минуту съ высокихъ минаретовъ начали призывать къ усрренной молитвѣ, и Калифъ принужденъ былъ немедленно уйти изъ гарема. Такимъ образомъ заплашилъ я твоему родителю, блаженной памяти Калифу Ла-Бунъ - Аль - Рашиду, за при финика, кошорые онъ у меня изъ самага рта вырвалъ!“

Мамунъ, довольный повѣстію, подарилъ раскащику сто червонцевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С ч а с л и в е ц ъ.

(Подражаніе Касши: *Odi le rapide ruote sonanti.*)

Слышишь ! мчится колесница
Тамъ по звонкой мостовой ;
Правишь сильная десница
Коней серебряной браздой. . . .

Ихъ копыта бьютъ о камень ,
Искры сыплются струей ! . .
Пышетъ дымъ и черный пламень
Вылетаетъ изъ ноздрей ! . .

Рѣзбой дивною и злапомъ
Колесница вся горитъ ;
На коврѣ ея богапомъ
Кпожь , Лизета , кпо сидитъ ?

Тимотей , Вельможъ любимецъ ,
Что на откупъ городъ взялъ . . .
(Ахъ , давно ли . . . онъ у крылецъ
Пыль смиренно обмепалъ ?)

Вотъ онъ съ нами повстрѣчался ,
И едва кивнулъ головой ; —
Вотъ ужь молніей промчался ,
Пыль оставя за собой !

Доброй путь , пока мелѣетъ
Въ колыбели Счастье васъ !

Поздоль, раноль — но приспѣтъ
И невзгоды страшный часъ! — — —

Ахъ, Лизета! лъзяль прельщашся
И шеперь его судьбой?
Не ему счастливымъ звашся
Съ развращенною душой!

Тамъ, гдѣ мраморъ изъ Пароса,
Изъ Каристы, на сполбахъ;
Тамъ, гдѣ въ роскоши Пафоса
На узорчатыхъ коврахъ

Счастья шаткаго любимецъ
Съ Нимфами забвенья пьеть:
Тамъ же слезы сей счастливецъ
Отъ людей украдкой льеть.

Сердцемъ спитъ и нѣмъ душою
Трашитъ жизнь на суеты;
Днемъ не вѣдаетъ покою,
Ночью — страшныя мечты!

Блѣденъ ночью Крезъ несчастный;
Шепчетъ тихо, чшобъ жена
Не вняла сей гласъ ужасный:
„Мнѣ погибель суждена!“

Сердце наше кладезь мрачной:
Тихъ, спокоенъ сверху видъ;
Но спустись ко дну — ужасно!
Крокодилъ на немъ лежишь!

К — Б —

На смерть Лауры. (Из Петрарка ().)*

Колонна гордая! о лавръ вѣчно - зеленый!
Ты палъ! — и я на вѣкъ лишенъ своихъ про-
хладъ!

Ни шамъ, гдѣ Индѣ живетъ лучами опаленный,
Ни въ хладномъ Сѣверѣ для сердца нѣтъ оп-
радъ!..

Все смерть похишила, все алчная пожрала,
Сокровище души, покой и радость съ нимъ!
А пы, земля, во вѣкъ корысть не возвращала,
И мершвый нѣмъ лежишь подъ камнемъ гробо-
вымъ!

Все тщетно предъ шобой, и власть и волх-
вованья;
Таковъ Судьбы завѣшь! . . . Почпожь мнѣ до-
лѣ жишь? . . .
Увы! чпобъ повпоряшь въ часъ полночи ры-
данья
И слезы вѣчныя на хладный камень лишъ!

Какъ сладко, жизнь, швое для смершныхъ
обольщенье!

Я въ будущемъ мое блаженство основалъ;
Тамъ приснанъ видѣлъ я, покой и ушщенье,
И — все съ Лаурою въ минушу потерялъ!

К. В.

(*) Сонетъ: Rotta è l'alta colonna e 'l verde lauro.

И с л о ч н и к ъ .

(*Персидская Идиллія.*)

Буря умолкла, и въ ясной лазури
Солнце явилось на западѣ намъ!
Мушный источникъ, слѣдъ яростной бури,
Съ ревомъ и съ шумомъ бѣжитъ по полямъ!
Зафна приближся: для дѣвы невинной
Пальмы подъ пѣвню здѣсь роза цвѣтетъ;
Падая съ камня источникъ пустынной
Съ ревомъ и съ пѣной сквозь дебри шепчетъ!

*

Дебри, ты Зафна, собой озарила!
Сладко съ поюю въ пустынныхъ краяхъ!
Пѣсни любви ты мнѣ повторила,
Вѣтеръ унесъ ихъ на тихихъ крылахъ!
Голосъ твой, Зафна, какъ упра дыханье,
Сладостно шепчетъ, несясь по цвѣшамъ:
Тише, источникъ! прерви волнованье,
Съ ревомъ и съ пѣной спремьясь по полямъ!

*

Голосъ твой, Зафна, въ душѣ опозвался.
Вижу улыбку и радость въ очахъ! . . .
Дѣва любви! — я къ тебѣ прикасался!
Съ медомъ пилъ розы на влажныхъ устахъ!
Зафна краснѣетъ? . . . О другъ мой невинной,
Тихо прижмися устами къ устамъ! . . .
Буди же скромнѣ источникъ пустынной,
Съ ревомъ и съ шумомъ спремьясь по полямъ! —

*

Чувствую персей твоихъ волнованье,
Сердца бѣенье и слезы въ очахъ;
Сладостно дѣвы спыдливой ропшанье;
Зафна, о Зафна! . . . смотри . . . тамъ въ водахъ
Быстро несется цвѣтокъ розмаринный;
Воды умчались — цвѣточка ужъ нѣтъ!

Время быстрое, чѣмъ токѣ сей пустынный,
Съ ревомъ кошорый сквозь дебри шепчетъ!

*

Время погубитъ и прелесть и младость! . . .
Ты улыбнулась, о дѣва любви!
Чувствуешь въ сердцѣ и шомность и сладость,
Сильны воспорги и пламень въ крови! . . .
Зафна! — о Зафна! — шамъ голубъ невицной
Съ страшной подружкой завидуютъ намъ. . .
Вздохи любви. . . источникъ пустынной
Съ ревомъ и съ шумомъ умчитъ по полямъ!

К — нь В — еъ.

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

ГЕОГРАФІЯ. СТАТИСТИКА.

Перу (*).

Названіе страны Перу извѣстно всякому, Европейскіе жители почищаютъ ее настоящимъ Ель-Дорадо; почти всѣ люди думаютъ о ней какъ о землѣ обѣщанной,

(*) Извлечение изъ новой книги: *Voyages au Perou, faits dans les années 1791 à 1794, par les PP. Manuel Sobre Vielá et Barcelo.*

въ которой Напура щедрою рукою сыплеть всѣ блага. Неудивительно, что многіе головы вмѣстѣ со спихопворцемъ Ваньеромъ восклицашь: „Счастливы народы, для котораго земля истощаетъ всѣ свои сокровища! счастливы народы, которой наслаждается лѣтомъ весны подобнымъ, теплою зимою, безоблачнымъ небомъ и землею не требующею дождя для своего плодородія!“ Воображеніе поетовъ - живописцовъ часто любитъ покрывать цвѣтами печальныя картины; всѣ предметы украшаются подъ ихъ роскошною кистію; сидя въ рабочей своей, они дѣлають чудесныя превращенія. Надобно изслѣдовать, почто ли Перу есть спрана облагодѣшельствованная Небомъ преимущественно передъ другими, почто ли Перуанскіе жители вкушаютъ райское блаженство, и не обольщены ли мы съ самаго младенчества ложными повѣстями?

Многія области, и въ особенности Арекипа, представляють глазамъ прелестныя картины; здѣсь уподобляются онѣ плодovitому саду, а тамъ цвѣтнику исполненному благоуханія. Покрытыя лѣсами горы усугубляють красоту сихъ мѣстъ, которыя и безъ того уже сами по себѣ очаровательны. Европейцы наслаждаются тамъ благораспореннымъ воздухомъ; восхищенный путешественникъ вездѣ нахо-

дѣтъ прохладную тѣнь подѣ сплещшимися
 вѣтвями деревѣ и цвѣтѣ душистыхъ,
 гдѣ раздается сладосное пѣніе разноцвѣт-
 ныхъ пернатыхъ. Но какѣ же дорого жи-
 шели плашѣ за сѣю весну, вѣчно про-
 должющуюся! Какѣ ужасны сѣи красоты
 Природы! Среди очаровательныхъ прелестей
 глазѣмъ вашимъ представляющѣ слѣды
 разрушенія; огнедышущія горы со всѣхъ
 сторонѣ угрожаютѣ гибелью человѣку; онѣ
 живетѣ среди развалинѣ, и долженѣ часто
 проклинатѣ счастливую судьбу свою, слы-
 ша повѣствованія обѣ ужаснѣйшихъ про-
 изшествіяхъ! Аревипа, главный городѣ
 въ обласни, съ 1582 по 1725 годѣ пять
 разѣ былѣ разоренѣ до основанія. Воспоми-
 наніе о бѣдствіяхъ Лимы, пристанѣ Кал-
 лао многихъ городовъ и селеній, произво-
 дитѣ болѣзненное впечатлѣніе въ душѣ
 Перувіанца. Каждой годѣ изѣ подѣ земли
 бываетѣ слышенѣ глухой шумѣ, за кото-
 рымъ слѣдуетѣ страшное колебаніе; море
 незапно отступаетѣ отѣ береговѣ своихъ,
 попомѣ, спремишельно возвращаясь назадѣ,
 заливаеѣтѣ пѣнистыми волнами несчаст-
 ныхъ жишелей, которые почитали себя
 чуждыми всякой опасности. Попоки лавы,
 быспро низвергаясь съ горѣ, покрываютѣ
 цѣлые города и села. Водный хлыби ино-
 гда заливаютѣ поля; отѣ подобнаго произ-
 шествія улицы въ мѣстечкѣ *Ріо-Валѣ*

превратились въ рѣки , а равнины въ пропасти. Ни одно живое существо неизбѣжно смерпти.

Вопль истинное изображеніе страны , кошерую многіе представляющъ себѣ благополучною. Природа ведетъ тамъ непрерывную брань съ жителями и повсюду распространяетъ ужасъ. Нѣкоторые дома съ возвышенныхъ холмовъ опустили въ долины; другіе изъ долинъ вдругъ вознеслись на холмы; были примѣры , что горы внезапно сдвигались съ мѣста; всѣ явленія , происходившія въ Калабріи , въ южной Италіи и въ Сициліи , неоднократно возобновлялись и въ Перу.

Та часть Перу , въ кошерой никогда не бываетъ дождя , по свидѣтельству Испанскихъ Миссіонеровъ , простирается миль на чепыреста. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недоспашокъ дождя замѣняется обильною росой ; но во многихъ другихъ нѣтъ ни дождя , ни росы. Нигдѣ не можно найти такихъ проливностей. Подлѣ прелестной долины , орошаемой рѣчками , украшаемой зеленью , оживляемой пѣніемъ птицъ , лежитъ равнина дикая , сухая , безплодная , ужаснѣйшая пустынь Африканскихъ. Здѣсь видны голыя скалы ; тамъ взорамъ представляющя украшенныя распѣвными горы ,

съ находящимися на вершинахъ ихъ обширными, озерами. Споль же поразительное разнообразіе видите и въ самыхъ климатахъ. Подошедши къ нѣкоторымъ горамъ, вы думаете, что находишесь въ Ландіи; идете далѣе, и удушающій зной напоминаетъ вамъ спрану, лежащую подъ Еквалпоромъ. На всемъ пропязеніи обширной сей области земля неблагопріятствуетъ чужеземнымъ произведеніямъ. Напрасно спали бы вы искашь здѣсь пѣхъ четвероногихъ живопныхъ, копорыя въ спаромъ свѣпъ оказываютъ чловѣку споль важныя услуги. Живопныя, привезенныя изъ Европы, перераждаются, перья свойства свои и признаки. Наци распѣнія, въ землеспашеспвѣ употребляемыя, равнымъ образомъ лишаются опличительныхъ своихъ качествъ. За то уже природныя шамощія распѣнія получаютъ удивительную силу: Перу изобилуетъ деревьями полезными для чловѣческаго здоровья; шамъ прозябаютъ масленныя распѣнія, копорыя употребляются жипелями вмѣсто свѣпильниковъ.

Опъ чего же при поликихъ невыгодахъ, опасностяхъ, ужасахъ, опъ чего наше воображеніе разгорячается при одномъ имени Перу? Опъ того что сія спрана въ земномъ нѣдрѣ своемъ заключаетъ сокровища,

которыхъ люди ищущъ неупомимо, и что тамошнiе жители ходящъ по глыбамъ дорогихъ металловъ. Со времени покоренiя Перу уже болѣе прехъ сошъ рудъ открыто; изъ нихъ многiя оставлены, для того что вода препятствуетъ продолжанъ работу. Ежегодно открываются новыя рудокони; старыя часто заваливаются и большая часть работниковъ погибаетъ. Богатства, вывезенныя изъ Америки, причинили великую переѣну въ нравственности, въ полицикѣ и въ торговлѣ на нашей половинѣ земнаго шара. Непреодолимая спрасъ къ золоту понудила Испанцовъ разрыщъ могилы Инковъ и опважись на ужаснѣйшiя злодѣйства. Перувианцы съ великимъ старанiемъ шаящъ опечесственныя преданiя, сохранившiяся между ними касательно нѣкоторыхъ памятниковъ и мѣстъ, гдѣ прежнiе государи ихъ сокрыли большое количество металла, обожаемаго Европейцами. Сему и удивляться не должно; ибо добыванiе золота и серебра стоило многихъ слезъ и крови несчастнымъ Индiйцамъ, которыхъ безжалостно удаляющъ отъ родины, разлучающъ съ семействами и осуждающъ на вѣчную работу въ подземельяхъ.

Напура представляется печальною взорамъ человѣческимъ въ шѣхъ мѣстахъ,

гдѣ достаютъ сіи дорогіе металлы. Тамъ земля ничего непроизводитъ, и доставленіе свѣстныхъ припасовъ въ рудники требуетъ большихъ издержекъ.

Многія племена, разбѣянные между горами и на лежащихъ за оными равнинахъ, живутъ въ совершенной независимости. Обитатели страны *Пампадель Сакраменто* и горъ *Андскихъ* имѣютъ особенные нравы, обычаи и суевѣрные предразсудки. Землетрясеніе, какъ они думаютъ, бываетъ отъ того, что Богъ изходитъ на землю съ неба и дѣлаетъ смолвъ людямъ; и для того при малѣйшемъ колебаніи земли они потчасъ выходятъ изъ жилищъ своихъ, бѣгаютъ, прыгаютъ, понаютъ ногами и кричатъ: *мы здѣсь! мы здѣсь!* Въ Азіи, въ королевствахъ *Сіамскомъ* и *Лаосскомъ*, народъ имѣетъ почти споль же странной предрасудковъ: когда человекъ чихаетъ, то въ сіе время, по ихъ мнѣнію, Богъ судитъ дѣла его и послунки, и для того присутствующіе говорятъ ему: *милостиваго суда желаемъ!*

Индійцы признаютъ бытіе Верховнаго Существа, однакожь вѣрятъ и бреднямъ переходенія душъ. Повспрѣчавшись съ обезьяною, имѣющею длинную бороду, сіи просподушные люди привѣщиваютъ ее и

иреклоняють колѣна. Они почипають грубое сіе живошное однимъ изъ древнихъ своихъ Паптріарховъ. При погребеніи Кациковъ своихъ, или начальниковъ, они подражають пѣнію пщицъ и крику разныхъ живошныхъ: одни щечечуть, другіе воютъ, прешьй кракаютъ и пакъ далѣе. Спранной концертъ сей перерываелся только пишлемъ въ память умершаго. Т.

IV. С М Ъ С Ъ.

Письма къ Издапелямъ.

1.

И з ъ К і е в а.

Благошвореніе настоящимъ временамъ и потомству достойно всеобщаго свѣдѣнія и признашельности. Потому надѣмся мы, что господа Издашели Вѣспника Европы помѣстятъ въ листахъ своихъ слѣдующее извѣстіе:

Фельдмаршалъ Князь Александръ Александровичъ Прозоровскій, скончавшій дни свои за Дунаемъ, бывъ Главнокомандующимъ арміею,

постановилъ послѣднюю свою волю, дабы иждивеніемъ его поспроенъ былъ въ Кіевѣ инвалидный домъ, въ которомъ навсегда придесять воиновъ изъ офицеровъ, унперофицеровъ и рядовыхъ, прославившихъ себя подвигами, проливая кровь за Ошечество, будуще покоишься на собственномъ Фельдмаршала иждивеніи.

Исполненіе благошворительнаго завѣщанія предоспавлено имѣющему въ супружествѣ единородную дочь Фельдмаршала, Княгиню Анну Александровну, Дѣйствительному Каммергеру Князю Ѳедору Сергеевичу Голицыну, назначенному и Директоромъ сего заведенія. Они, прибывъ для того изъ Песербурга въ Кіевъ, 5го Іюля положили основаніе оному дому и церкви при немъ во имя Святаго Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго. Извѣстный Спарецъ Протоіерей и Кавалеръ Леванда съ свойственнымъ ему дарованіемъ произнесъ приличную сему случаю рѣчь.

При освященіи мѣста присутствоваль здѣшній г - нъ Военный Губернаторъ, Генераль отъ инфантеріи Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, почетнѣйшіе военные и гражданскіе Чиновники, и сто опличенныхъ знакомъ Св. Георгія воиновъ, выбранныхъ къ торжеству сему изъ полковъ, лагеремъ близъ города расположенныхъ. Воины сии, по краткомъ, но по вліянію своему весьма значительномъ разговорѣ съ ними г-на Военнаго Губернатора о воинскихъ добродѣтеляхъ, которыми и виновникъ благошворительнаго сего заведенія былъ исполненъ, угощаемы были Княземъ Ѳедоромъ Сергеевичемъ Голицынымъ на открытомъ полѣ близъ заложенаго дома.

Во время угощенія получены Его Сіяшельствомъ стихи, присланные отъ неизвѣстнаго (*).

2.

Изъ Скопина.

Благодарность подвигнула меня отъ лица несчастныхъ моихъ согражданъ просить васъ сообщить почтенной публикѣ сіи спроки:

Городъ Скопинъ бышемъ своимъ одолженъ Великой ЕКАТЕРИНѢ. По мѣстоположенію своему, невыгодному для промышленности, онъ не заслуживалъ особеннаго вниманія, и только дѣйствиемъ единой Монаршей премудрости изъ волостнаго селенія въ 1778 году пославленъ на степень городовъ уѣздныхъ. Дѣятельною торговлею, общественными пожертвованіями, приумноженіемъ жилищей и зданіями Скопинъ въ скоромъ времени оправдалъ Монаршее о себѣ благоволеніе, и чрезъ нѣсколько лѣтъ успѣлъ сравниться со старшими и лучшими Рязанской Губерніи уѣздными городами.

Въ 24й день минувшаго Мая большая часть города сего испреблена пожаромъ. О жестокости и быспрошѣ пламени и о гибельныхъ послѣдствіяхъ его публика увѣдомлена письмомъ, напечатаннымъ въ 12 Нумерѣ Вѣстника Европы сего года.

Хотя вмѣсто прежней дѣятельности распроспранилось было глубокое уныніе и опчаяніе; хотя лишившіеся капиталовъ своихъ жилища поперяли было духъ бодрости и на-

(*) Они будутъ напечатаны въ слѣдующей книжкѣ Вѣстника. *Изд.*

дежду продолжать прежніе свои промыслы : но не до конца гнѣвающійся , ниже въ вѣкъ враждующій Богъ благоволилъ ко ушѣшенію бѣдствующихъ воздвигнуть мужей по сердцу своему . Почтенный соотечественникъ гласомъ и примѣромъ своимъ подвигнулъ другихъ къ возстановленію сего , прежде процвѣтавшаго и населеннаго , а нынѣ пепломъ и развалинами покрытаго города . Предвѣщанія его сбылись , и Россы никакому народу не уступаютъ въ великодушіи . Сосрадашельныя особы отъ своихъ избытковъ охотно вспомошествоуютъ погорѣвшимъ бѣднымъ и сиротамъ ! Кромѣ вспоможеній , о копорыхъ уже извѣстно по прежнимъ книжкамъ вашего Журнала , получено : отъ Любимскаго купца Нила Спорожева 25 руб . ; изъ Старобѣльска отъ Ивана Исаева 10 р . ; отъ Епифанскаго купца Андрея Моисѣева 500 р . ; отъ неизвѣстной особы чрезъ Скопинскую купчиху Анну Кисшеневу 500 р . ; изъ Рязани чрезъ Скопинскаго господина Уѣзнаго Казначей Маркова 240 р . Сверхъ того отъ разныхъ особъ роздано : отъ Его Превосходительства Михайла Степановича Коробьина около 40 четвертей ржи и пшена ; отъ Его Высокоблагородія Петра Федоровича Козлова и отъ господина Бунина довольное количество печеныхъ хлѣбовъ . И такъ пожертвованія великодушныхъ благотворителей нынѣ простираются уже до 2 тысячъ рублей . Имѣю честь быть и проч . Подписано : *Федоръ Пономаревъ , Скопинскаго Городоваго Магистрата Ратманъ .*

ПОЛИТИКА (*).

О прежнихъ перемѣнахъ въ Голландіи и о нынѣшнемъ ея присоединеніи ко Франціи.

Въ 9 день Іюля 1810 года исчезло имя Голландіи; Батавцы выступили изъ ряда самобытныхъ націй и сдѣлались Французами. Левъ со связкою стрѣлъ, прежній символъ республиканскій, который съ 1806 года былъ защищаемиъ пѣвнью вѣнца Королевскаго, занялъ мѣсто подѣ обширными крылами мощнаго орла Французской Имперіи. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ столь же поспѣшно рушатся старыя государства, какъ и составляютъ новыя:

Семнадцать областей Нидерландскихъ, которыя имѣли разныя правленія, перемѣны и конституціи, со времени отдѣленія южныхъ провинцій отъ сѣверныхъ, по есінь съ 1578 года, когда смѣшливый Александръ Пармскій симъ отдѣленіемъ показалъ свѣту мастерской оборотъ политической, нынѣ опять соединились, содѣлавшись частями необъятной Французской Имперіи. По Кампо-Формійскому пракшапу 17 Октября 1797 Бургундскіе Ни-

(*) Съ нынѣшняго времени Вѣспникъ Европы будетъ содержать въ себѣ и Политику; по прежнему. *Изд.*

дерланды достались Франціи, а спустя 13 лѣтъ, соединенные Нидерланды, превращенные въ Королевство 24 Мая 1806, Наполеоновымъ декретомъ 9 Іюля 1810 присоединены ко Франціи.

Съ 430 по 840 годѣ всѣ Нидерланды составляли часть Франкскаго, а съ 855 по 925 часть Лотарингскаго государства. Въ половинѣ десятаго столѣтія Белгія, какъ часть герцогства Лотарингскаго, соединена съ Германіею. Мало по малу въ землѣ сей возникли наследственные Герцоги и Графы. Ихъ было семнадцать, и всѣ они, за исключеніемъ только Фландрскаго и Артуа, признавали надъ собою Нѣмецкое господство. Изъ сихъ областей отъ 1363 по 1536 годѣ, подъ управленіемъ сперва Валоискаго дома, потомъ Габсбургскаго, составилось могущественное и процвѣтавшее государство Бургундское. Когда поколѣніе Валоиское въ Бургундіи пресѣклось смертію Карла Смѣлаго, копорой палъ 1476 при Монре на сраженіи противъ Швейцаровъ; въ то время единственная дочь и наследница Карла принесла своему супругу Максимилиану, сыну Императора Фридриха III, въ приданое за собою четырнадцать провинцій, копорыя сыномъ и внукомъ Маріи Бургундской приумножены были до семнадцати.

Весьма справедливо одинъ историкъ называетъ сіе Ново-Бургундское государство драгоценною жемчужиною короны Австрійскаго дома. Но жители государства сего, которое Карлъ V навсегда присоединилъ къ Нѣмецкой Имперіи, были народъ самой безпкойной, самой заботливой о правахъ своихъ, и

господствовать надъ ними было трудно. Жестокой пустошью Филиппъ очень скоро узналъ на самомъ дѣлѣ, какъ Нидерландцы любятъ права свои и обычаи, которыхъ почитали они святынею, доставшеюся въ наследство имъ отъ предковъ. Огонь подъ пепломъ спаившійся незапно вспыхнулъ, и проливая кровь Герцога Альбы немогла потушить сего пламени.

Сія достопамятная война подданныхъ противъ государя, имѣетъ три главные періода. Съ 1568 по 1572, Нидерландцы сражались подъ предводительствомъ Принца Вильгельма Нассау. Съ 1575 по 1581 они составили союзъ, ошреклись отъ повиновенія Испанской коронѣ и объявили себя свободными. Къ союзу въ Ушрехтѣ заключенному принадлежало только семь провинцій сѣверныхъ: Гелдернъ, Голландъ, Зееландъ, Ушрехтъ, Фриссландъ, Обериссель и Греннингенъ; а южныя провинціи, въ которыхъ спорона католическая имѣла перевѣсъ, 1578 года отдѣлились отъ сѣверной Белгіи. Жители земли сей еще долго послѣ того сражались для полученія свободы. Наконецъ *Республика соединенныхъ Нидерландъ* въ девятой годѣ семнадцатаго столѣтія заняла мѣсто на ряду независимыхъ областей, и была признана всѣми Европейскими государсвами. Въ семъ качествѣ главное направленіе силъ ея клонилось къ утвержденію могущества своего посредствомъ мореплаванія, торговли и промысловъ.

Начиная со времени перваго Принца Вильгельма, которой предпринявъ освободить Нидерланды, недожилъ до совершенія великаго

ею дѣла, до самаго конца 1794 года, когда зима, какъ союзница Генерала Пишегрю и Французскаго оружія, покорила Голландію, домъ Оранскій непрерывно управлялъ республикою, имѣя при себѣ достоинство Шпатагальшерства, хотя и восплавали сильныя антиоранскія партіи. Исторія считаеишь четыре такихъ партій, изъ которыхъ послѣдняя съ 1776 по 1787 годъ дѣйствовала; однакожь могущество Оранскаго дома снова было возстановляемо. Два раза сіе случалось въ осмнадцатомъ столѣтіи, 1747 и 1787, когда Фридрихъ Вильгельмъ II вступился за права зятя своего, послѣдняго Шпатагальтера Вильгельма V, и когда Прусское войско, подъ предводительствомъ Герцога Брауншвейгскаго вступившее въ Голландію, въ нѣсколько недѣль прекратило внутрення смятенія и возстановило прежнюю конституцію. Сія конституція и преимущества Шпатагальтера обезпечены тогда были тройнымъ союзомъ, заключеннымъ между Нидерландами, Англією и Пруссією. Какое государство не испытало на себѣ вліянія Французской революціи? Однимъ изъ важнѣйшихъ ея слѣдствій было превращеніе Голландіи, которая неминуемо должна была участвовать въ анархическихъ произшествіяхъ Франціи. Национальный Конвентъ 1793 года нечаянно объявилъ войну Шпатагальтеру, какъ вѣрному союзнику Сенъ-Джемскаго Кабинета, и Голландія вмѣстѣ съ Англією, которая также вызвана была на брань, выступила на позорище державъ, противу Франціи восставшихъ. Въ то же время Генералъ Дюмурье съ помощію антиоранской партіи снаружу вторгнулся въ Голландію, однакожь ищественно. Уже на другой годъ Генералъ Пишегрю воз-

друзилъ республиканскія знамена на берегахъ Мааса и Вааля. Когда опъ чрезвычайной стужи сіи и другія рѣки въ Голландіи замерзли; по Французы 19 Января 1795 безпретяпспвенно вступили въ Амстердамъ, уничтожили прежнюю конспишуцію и заставили наследнаго Шпашгалтера съ фамилією своєю искать убѣжища въ Англіи.

И такъ пятнадцать уже лѣтъ съ половиною продолжается союзъ Голландіи съ системою Франціи, союзъ нынѣ окончившійся совершеннымъ соединеніемъ. Однакожь до сей поры Бапавцы много разъ принимали новыя конспишуціи. Марта въ 1 день 1796 появился Національный конвентъ; за нимъ слѣдовали законодательныя собранія; послѣ того, въ Маѣ 1798, учреждена Директорія и Совѣтъ изъ 60 членовъ; еще послѣ многихъ перемѣнъ, по руководству Французскаго Императора, въ Маѣ 1805 Голландія получила новую конспишуцію, а начальникомъ своимъ, подъ ипшумомъ Ратъ - Пенсіонера, находившагося въ Парижѣ Бапавскаго посла Шиммельпенника.

Сія конспишуція открыла путь къ учрежденію наследственнаго Королевскаго достоинства, которое въ свою очередь послужило средствомъ къ присоединенію Голландіи къ Имперіи Французской. Въ 5 день Іюня 1806 Наполеонъ объявилъ брата своего Лудовика Королемъ Голландскимъ. Не безъ затруднительности принялъ сію корону Принцъ Лудовикъ, котораго здоровье было разстроено, и которой, какъ и въ посланіи Наполеоновомъ упомянушо, неимѣлъ никакого личнаго честолюбія. Въ то время какъ Ратъ - Пенсіонеръ

Шиммельпенникъ по причинѣ глазной болѣзни не могъ имѣть надлежащаго участія въ дѣлахъ государственныхъ, и когда Верховная коммиссія Голландская, коея органомъ былъ Адмиралъ Вергюель, дабы уничтожить прежнюю ненадежность, произнесла желаніе представителей Голландскаго народа, чшобы Наполеонъ дозволилъ брату своему быть начальникомъ республики или Королемъ Голландскимъ, для обезпеченія спраны сей отъ будущихъ опасностей и для возведенія оной на степень славы и благоденствія; но Принцъ Лудовикъ на торжественной аудіенціи въ Парижѣ объявилъ, что ему прискорбно разсваваться съ братомъ своимъ, но что жизнь и воля его принадлежатъ Императору, и что онъ отправляется въ Голландію царствовать для того, чшобы исполнить желаніе народа и повелѣніе Его Величества. (*J'irai regner en Hollande, puisque ce peuple le desire, et que Votre Majesté l'ordonne.*)

Такимъ образомъ Нидерландская республика назадъ пому чепыре года превращена въ Королевство. Недолжно удивляться, что сія великая перемѣна произвела глубокое впечатлѣніе въ такой землѣ, коея жители съ дикою яростію проливали кровь свою за независимость. Народные голоса не были собираемы, и республиканскіе ошзывы, кошорые предполагаемы были въ Гарлемъ и другихъ городахъ, оштались въ неизвѣстности. Крошкій Лудовикъ съ самаго начала упошребилъ всѣ силы свои на приобрѣтеніе всеобщей любви, и скоро достигъ вождельной цѣли. Его правленіе началось 10 Іюня, когда Рашъ - Ценсуреръ Шиммельпенникъ сложилъ свое до-

достоинство. Юня 23 младый Король имѣлъ торжественной вѣдь в свой в Гагу, гдѣ за четырнадцать дней передъ тѣмъ обнародована была конституція, изъ четырехъ отдѣльных состоявшихъ, и которая равнымъ образомъ теперь получила право на древность.

Она несоотвѣтствовала намѣреніямъ Императора Французовъ. Не смотря на союзъ между коронами Франціи и Голландіи, горизонтъ покрылся облаками.

Небо, по видимому, опять - было прояснилось. Подписанный 16 Марша в Парижѣ Дюкомъ Кадорскимъ и Адмираломъ Вергюлемъ пракшамъ прекратилъ продолжавшіяся тамъ весьма жаркіе переговоры и пренія.

Думали, что сей пракшамъ навсегда возстановилъ согласіе между Франціею и Голландіею. Однакожь онъ только на три мѣсяца съ половиною продлилъ бытіе сего государства. Находившееся тамъ подъ начальствомъ Маршала Удино, Дюка Реджійскаго, Французское войско, ежедневно становилось многочисленнѣе, и одинъ корпусъ онаго двинулся къ столицѣ. Еще до вступленія Французскаго войска в Амстердамъ, 1 Юля Король Лудовикъ отрекся отъ своего достоинства и отъ управления Голландіею, предоставляя то и другое старшему сыну своему Гроссѣ Герцогу Бергскому Наполеону Лудовику, а в случаѣ кончины его, другому своему сыну же Принцу Карлу Лудовику Наполеону, и наименовалъ супругу свою, Королеву Голландскую, по болѣзни в Шломбьерѣ находящуюся, правительницею Королевства, назначивъ ей в помощь

совѣтъ правительсва и препоручивъ ее за-
щитѣ Французскаго Императора. Послѣ се-
го совѣтъ неожиданнаго поступка, Лудовикъ
оставилъ Королевство, и отправился въ Гар-
лемъ, гдѣ подписавъ 1 Юля акты отреченія,
поѣхалъ черезъ Девентеръ и Дрезденъ въ Те-
плицъ, что въ Богеміи. Сюда прибылъ онъ
15 Юля подъ именемъ господина Сенъ - Ле,
въ качествѣ посѣщителя водъ цѣлительныхъ.

Спустя три дни послѣ отреченія Лудо-
викова, въ 4 день Юля Герцогъ Реджійскій
съ корпусомъ Французовъ вступилъ въ Ам-
стердамъ, гдѣ принятъ былъ Оберъ - Штал-
мейстеромъ Генераломъ Бруно, Бургомиспроу
города и другими чиновниками, а 9 числа
Императоръ подписалъ въ Рамбульетскомъ
дворцѣ Указъ *о присоединеніи Голландіи
къ Имперіи Французской*. Наполеонъ по-
слалъ Архи - Казначей Имперіи (Лебрюна) На-
мѣстникомъ въ Амстердамъ для управленія
Голландіею до учрежденія Французскаго поряд-
ка, которой восприметъ начало свое съ 1
Января 1811 года. Намѣстникъ Императора
прибылъ въ Амстердамъ 14 Юля и тогда же
уничтожилъ неутвержденный совѣтъ прави-
тельства, которой составленъ былъ подъ
предсѣдательствомъ Министра Фанъ Деръ
Гейма.

Такимъ образомъ прекратилось полити-
ческое бытіе Голландіи, бывшей республикою
болѣе двухъ сотъ лѣтъ и королевствомъ че-
тыре года. Вольперъ называлъ Голландію
фрегатомъ, которой всегда плыветъ за ли-
нейнымъ кораблемъ Англіею. И въ самомъ
дѣлѣ Соединенные Нидерланды въ послѣднія

времена исторіи крѣпко держались Англійской (системы, отъ которой ожидали для себя многихъ выгодъ торговыхъ, и отъ которой отторгнувъ ихъ было можно шолько чрезъ присоединеніе ко Франціи.

Ни одного королевства бышіе небыло короче Голландскаго. Лудовикъ Наполеонъ былъ первымъ и послѣднимъ Королемъ сего государства. Число жителей во Франціи приумножено почти двумя милліонами. Въ недавно изданномъ календарѣ Императорскомъ населеніе Голландіи показано состоящимъ изъ 1,880,000 душъ.

(Изъ Гамб. Полит. Журн.)

О надеждѣ къ миру между Франціею и Англіею.

Хотя по расчетамъ безпристрастныхъ наблюдателей довольно уже давно удостовѣрился можно было, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ нѣтъ никакой надежды къ миру между Франціею и Англіею; однакожь въ продолженіе переговоровъ въ Мореи многіе политики еще неопытавались въ семъ важномъ событіи. Происходившій въ Верхнемъ парламентѣ 13 Іюня споръ, нынѣ, въ сожалѣнію, уничтожаетъ сію надежду. Лордъ Грей въ ешотъ день сдѣлалъ предложеніе, въ которомъ по обыкновенію противной министерству стороны оуждалъ поступки людей, держащихъ въ рукахъ своихъ великаго государства правленія. Лордъ Ливерпуль,

одинъ изъ числа министровъ, въ защищеніи своемъ коснулся пеперешнихъ военныхъ об-
сстоятельствъ. „Сколь ни различны были
прежде, сказалъ онъ, мнѣнія о семъ предме-
тѣ, но пеперь всѣ умные люди думающъ о
немъ одинаково: *желать должно мира,*
когда онъ выгоденъ; но парламентъ и
нація вообще увѣрены, что въ нынѣшнее
время такой миръ невозможенъ. Намъ
совѣтуюшъ непрашишь своихъ вспомо-
гательныхъ способовъ и всячески уклоняшъ
въшняго содѣйствія. Но ежели система
въшняго содѣйствія доставляетъ намъ тор-
говя и другія выгоды, коихъ иначе полу-
чимъ мы не можемъ; то не предписываетъ
ли намъ здравая полишика держашъ такой
системы? Если бы почтенный Графъ отпра-
влялъ министерскую должность въ то вре-
мя, когда Испанцы подняли оружіе; не уже ли
и тогда проповѣдывалъ бы онъ тѣ же правила?
не уже ли и тогда отвѣчалъ бы имъ: пеперь
мы слѣдуемъ системѣ бережливости и ниче-
го не можемъ дать ни Испаніи, ни Португал-
ліи? Нѣтъ, онъ не посмѣлъ бы сказать того,
и нація на то бы несогласилась. Почтенный
Лордъ желаетъ, чшобы предложенъ былъ на
разсужденіе вопросъ: надобно ли намъ выве-
сти войска свои изъ полуострова? Нехочу
никого манишь надеждами, очень пріятными, но
можешъ быть и щещными; могу однакожь
открышъ въ увѣренности своей, что прави-
тельство навлекло бы на себя нареканіе, вы-
звавши войска изъ полуострова. Мы подадимъ
Испаніи способы сопротивляшъ; только
успѣхъ большею частію зависилъ отъ упо-
требленія сихъ способовъ, равно какъ отъ ис-
кусства и честности тѣхъ людей, коимъ оныя

ввѣрены. Но ежели Англія тогда только должна помогать, когда просящая сторона соединяетъ въ себѣ мудрость и добродѣтель въ высочайшей степени; но по видимому никогда не будетъ имѣть случая подавать свою помощь. Съ пособіемъ Англіи, сказалъ далѣе Лордъ Ливерпуль, война продолжается была въ Испаніи два года, и теперь жители земли сей разгорячены не восторгомъ отъ удачи, но опытами бѣдствій. Пока будетъ продолжаться въ нихъ сіе расположеніе духа; до тѣхъ поръ мы должны оное поддерживать и дѣлать для нихъ все возможное. Пока жаръ сей не погаснетъ въ Испанцахъ; до тѣхъ не исчезнетъ въ насъ надежда видѣть возникающихъ новыхъ противниковъ. Лордъ Ливерпуль заговорилъ до томъ о непріятельскихъ дѣйствіяхъ въ Копенгагенѣ, и сказалъ: „Онѣ справедливы и основаны были на правилахъ политики. Мы знали, по крайней мѣрѣ сколько знать можно по человѣческой опытности, что непріятель намѣренъ былъ флотомъ Копенгагенскимъ и другими тогда приготовляемыми средствами воспользоваться для нападенія на нашу землю, и мы должны были предупредить намѣреніе непріятели.“

Предложивши еще нѣкоторыя мысли свои въ отвѣтъ на замѣчанія Лорда Грея касательно мѣрѣ, нынѣшнимъ правительствомъ приемлемыхъ, Министръ сослался на докуменшы, въ сіе засѣданіе представленные парламенту, и доказывалъ, что нація не только далека еще отъ упадка, но что она теперь находится на высочайшей степени благосостоянія по части своихъ финансовъ и торговли, и что источники народнаго богат-

ства ежедневно прибавляются!!! Пошомъ входилъ онъ въ разныя подробности для удостовѣренія, что государственный доходъ въ послѣдніе годы увеличился, и что сухопутныя и морскія войска шеперь многочисленнѣе прежнихъ!!! „Королевскій Браганцскій домъ, говорилъ Министръ, въ безопасности; Португалія защищена; Лиссабонская гавань свободна; Англійскіе солдаты вмѣстѣ съ Испанцами охраняютъ Кадиксъ и Цейшу.“

„Вотъ состояніе дѣлъ нашихъ (симъ кончилъ онъ свое слово) въ такое время, когда порицаютъ министровъ. Если бы послѣ однолѣшняго управленія тѣмъ министерствомъ, къ которому принадлежалъ почтенный Лордъ (Грей), еслибы я сдѣлалъ подобное предложеніе; то сколько могъ бы насчитать неудачъ и бѣдствій! Сравните нынѣшнее состояніе націи съ тѣмъ, въ которомъ она тогда находилась: при всѣхъ уронахъ нашихъ перевѣсъ клонится на сторону шепершняго времени (!!!).“

И Министръ вѣшнихъ дѣлъ, Маркизъ Веллеслей, при спорѣ 8 числа о войнѣ въ Испаніи, рѣшительно ошозвался въ пользу войны. При семъ случаѣ онъ шоржественно воззвалъ къ Англійской націи, и совѣтовалъ продолжать въ Испаніи войну дошолъ, пока въ землѣ сей не погаснетъ послѣдняя искра, шакъ называемаго, патриотизма.

Такого мнѣнія были Англійскіе министры въ половинѣ Іюня мѣсяца. При сихъ обстоятельстввахъ можно ли думать о заключеніи мира?

(Изъ Архив. Минервы.)

Обозрѣніе заграничныхъ произше- ствій.

Ф р а н ц і я.

Императорскимъ указомъ отъ 5 Іюля позволено Американскимъ купеческимъ кораблямъ изъ Чарльстовна и Новаго Йорка привозить во Францію хлопчатую бумагу, рыбій жиръ, красильное дерево, соленую рыбу, треску, кожи и мѣха; а изъ Франціи вывозить вино, водку, шелковыя матеріи, полотна, сукна, галантерейныя вещи, домашніе приборы и другія произведенія Французскихъ фабрикъ. — Въ Парижѣ получено донесеніе отъ Князя Ессингенскаго, Маршала Массены, что вѣрнополь Цивидадъ-Родриго по шестнадцати-дневномъ ужасномъ бомбардированіи Французскими войсками, 10 Іюля сдалась безъ всякихъ условій, тогда какъ осаждавшіе готовы были начать приступъ. Въ городѣ почти все разрушено и неосталось ни одного цѣлаго дома. Изъ охраннаго войска и жителей побито болѣе 2000 человекъ. Плѣнные, коихъ число простирается отъ 6 до 7 тысячъ, отведены будущѣ во Францію. Побѣдители получили: 125, болѣею частию мѣдныхъ, пушекъ, 6 знаменъ, 200,000 фунтовъ пороху, 1, 200,000 патроновъ и множество разныхъ снарядовъ артиллерійскихъ. — Россійскій Императорскій Посолъ Князь Куракинъ выздоровѣлъ совершенно. — Въ Монитерѣ напечатано письмо Французскаго Министра иностранныхъ дѣлъ къ Американскому Посланнику Армстронгу. Въ немъ между прочимъ сказано, что данныя Императоромъ въ Берлинѣ и Медіоланѣ указы отменяются, и что съ 1 числа Ноября дѣйствіе оныхъ

прекратится, если только Англичане также опмѣнятъ кабинетскія свои повелѣнія и откажутся отъ новой своей блокадной системы, или когда Конгрессъ заставитъ Англичанъ уважать права, Американскимъ областямъ присвоенныя. Извѣстно, что изданнымъ 21 Ноября 1806 года въ Берлинѣ указомъ повелѣно: все Великобританскіе острова почитать содержащимися въ осадномъ состояніи и неимѣть съ Англичанами никакой торговли и никакого сношенія: всехъ Великобританскихъ подданныхъ, находящихся въ земляхъ, занятыхъ Французскими войсками, почитать военноплѣнными; всякую собственность принадлежащую Англичанамъ конфисковать; никакого корабля идущаго изъ Англіи не впускать во Французскія гавани и проч. А указомъ изданнымъ въ Медіоланѣ 17 Декабря 1807 года повелѣно: всякой купеческой корабль, коимъ былъ осматриваемъ Англійскимъ военнымъ кораблемъ или каперомъ, объявлять законною и справедливою добычею; каждое судно, какой бы націи оно ни принадлежало, пришедшее изъ Англіи или ея колоній, равномерно почитать законною добычею и проч.

Неаполитанское Королевство.

Король Іоакимъ съ 4 Іюля находится въ Піальскомъ лагерѣ въ двухъ миляхъ отъ Сциллы. Его Величество осматривалъ дивизію Генерала Ламарка, изъ 10,000 человекъ состоящую. Изъ Неаполя многія знапныя особы ѣдутъ въ Сциллу и Реджію, чпобы съ тамошнихъ высотъ смотрѣть на сшибки, почти ежедневно происходящія въ Мессинскомъ

проливѣ. Весь берегъ между Тропеею, Нилосперою, Дейоиею, Банверою, Сциллою и Реджіо уставленъ тяжелою артиллеріею. Оба прошивулежащіе берега Калабріи и Сициали окружены судами и уставлены бапареями, лагерями и войсками.

Вестфальское Корблевство.

Осправляющійся въ Мадридѣ Россійско-Императорскій Посланникъ Генералъ Майоръ Князь Репнинъ, на отпускнуой аудіенціи въ Касселѣ получилъ въ подарокъ отъ Короля Іеронима золотую, богато осыпанную брилліантами шабакерку съ портретомъ Его Величества. Новый Россійскій Посланникъ Дѣйствительный Каммергеръ Яковлевъ уже находится въ Касселѣ, и 30 Іюля былъ у Его Величества на пріемной аудіенціи.

Ш в е ц і я.

Въ Орebro созваны государственныя чины для назначенія наслѣдника Шведскаго престолоа. Его Величество Король, по прибытіи туда, повелѣлъ при звукѣ трубъ возвѣстить объ открытіи чрезвычайнаго сейма. Соборная церковь будетъ служить залою собранія. Іюля 30 по окончаніи литургіи Е. В. произнесъ къ государственнымъ чинамъ весьма протгательную рѣчь, послѣ которой Канцлеромъ Барономъ Ветшершеномъ прочитано Королевское предложеніе касательно сословія и нуждъ государства, а потомъ Королевское письмо къ государственнымъ чинамъ о немедленномъ назначеніи тайнаго Комитета, ко-

шорому Е. В. сообщитъ объясненія, относящіяся до избранія преемника престолоа.

(Изъ Журн. Имлеріи и Гамбургск.
корреспонденца.)

31 Августа.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

*Старый башмачникъ бѣдной жи-
жины и восемь лудировъ.*

Было Воскресенье. Въ разбѣянныхъ дере-
венскихъ церквахъ благоувспили къ
обѣднѣ; вездѣ слышался колокольный звонъ;
на всѣхъ дорогахъ попадались толпы бого-
мольныхъ поселянъ, спариковъ, спарушенъ,
юношъ, дѣвушекъ и дѣшей, идущихъ по-
спѣшно въ сельской храмъ слушать Божіе
слово. Всѣ были очень нарядны; машери,
пешушки и бабушки ослѣпляли глаза сво-
ими подвѣчными плащами, освобождае-
мыми только по праздникамъ и воскресень-
ямъ изъ започенія сундуковъ, въ копо-
рыхъ, благодаря крѣпкому присмотру,
онъ совсѣмъ ничего не потеряли изъ пре-
жней свадебной красоты своей, хотя неволь-
ко и ушарѣли покроемъ. (Владычествю мо-

ды не споль обременительно въ деревнѣ, какъ въ городѣ; но и въ деревнѣ его чувствуюшѣ, и молодая поселянка въ черномъ корсетѣ своемъ съ красною выкладкою, съ пышными корошенькими полошнанными рукавами и въ легкой соломенной шляпкѣ, наклоненной на лѣвое ухо, педшучивая изъ подпшпка надъ длиннымъ лифомъ своей сороколѣтней шетки, надъ рукавами ея, вокругъ которыхъ вѣютъ широкія манжеты, и надъ ея чепцомъ съ обширными лопснями и крыльями, не думаетъ о своихъ дѣтяхъ, которыя нѣкогда въ свою очередь будутъ коварно улыбаться, смотря на спранность ея убора.) Въ рукахъ у богомольцевъ были молишвенники; одни украшенные серебряными скобками, которыя очень ярко блиспали на солнцѣ; другіе, не споль великолѣпные, размаринными вѣпками и шемнокрасными гвоздиками. Казалось, что добрые поселяне спѣшили на праздникъ; и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ лучшаго праздника для людей простодушныхъ и добрыхъ, какъ начинать пріятный день опдыха молишвою Существу Всевышнему.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги между орѣховыми кущами мелькала бѣдная хижина, до половины развалившаяся, и въ бѣдной хижинѣ, передъ узкимъ окномъ

съ разбитыми стеклами, заклеенными бумагою, стоялъ старичокъ; подгорюнившись посмапривалъ онъ на веселыхъ поселянъ, идущихъ въ Божію церковь.

И долго слѣдовалъ онъ за ними глазами; наконецъ послѣдній изъ нихъ вошелъ въ церковныя двери; онъ зашворились, колоколъ замолчалъ, и черезъ минушу послышались въ церквѣ соединенные голоса, поющіе хвалебную пѣснь Спасителю. Старикъ посмопрѣлъ на свое разодранное рубище, слезы покaпились по щекамъ его, покрытымъ морщинами; онъ обшпръ ихъ украдкою, гашомъ посмопрѣлъ на свою жену, которая плакала навзрыдъ, сидя на худой скамьѣ, положивъ голову на доску, служившую имъ вмѣсто стола, и закрывши глаза передникомъ, такимъ разодраннымъ и вешкимъ, что не было на немъ почти мѣсна, на которое могли бы падать ея слезы.

Не плачь же, Берта, сказалъ Марсель (имя старика). Хорошо ли такъ себя морить? ни оскорбляешь ли въ Господа Бога; Ему угодно, чтобы мы терпѣливо сносили посылаемые Имъ искушенія. Онъ знаетъ, что мы не отълѣни сидимъ дома въ такое время, когда всѣ добрые Христiяне призываютъ Его великое имя во святомъ храмѣ. Онъ знаетъ, что мы спыдимся по-

казаться на глаза людей въ эпномъ разодранномъ рубищѣ, которое не совсѣмъ покрываетъ и наготу нашего плѣа. Было время, Берта, когда и мы не пропускали ни одной проповѣди, а церковь тогда находилась въ двухъ миляхъ отъ нашей деревни; мы любили слушать Божіе слово, попому что наша совѣсть чиста и спокойна — но теперь! горькая бѣдность! что же дѣлать, мой другъ! Господь чистаетъ въ глубинѣ сердецъ; Онъ знаетъ, что наши сердца Ему покорны и здѣсь, въ убогой хижинѣ, какъ и прежде въ Его священномъ храмѣ; не плачь же Берта — въ слезахъ нѣтъ пользы; а лучше опыщи молишвенникъ мой. Я умѣю читать молитвы не хуже священника, и мы споемъ нѣсколько псалмовъ такъ же хорошо какъ и пѣвчіе.

Берта вспала, сняла съ полки молишвенникъ въ вѣпхомъ, разодранномъ переплещѣ, и подала его Марселю. Я гопова съ побою молишься, сказала она; но пѣшь псалмы — нѣтъ, Марсель! я этого сдѣлать теперь не въ силахъ. Когда посмопрю на эшихъ веселыхъ спарушекъ, идущихъ въ церковь съ своими дѣтьми и внуками . . .

Марсель. На ихъ праздничныя платья, Берта? Не правда ли, что эти разрываетъ

пвою душу? Какъ невспомнишь пвоего прекраснаго подвѣвечнаго плашья изъ пунцовою обѣяри, которое всегда было шебъ шакъ къ лицу, и оно сгорѣло со всѣмъ прочимъ! Чпо же дѣлать! шакъ было угодно Богу! Мы сами шакже могли сгорѣть; но Онъ насъ помиловалъ.

Берта. Помиловалъ, но для шого чпобы мы погибли отъ бѣдности! Ахъ! во што крашъ было бы лучше, когда бы я умерла вмѣстѣ съ моею Жеоржешиною.

Марсель. Вотъ, Берта; эшаго я не ожидалъ отъ себя услышать. А чпо бы мнѣ бѣдному спарику оспалось на свѣтѣ, когда бы я потерялъ себя, послѣднее мое ушѣшеніе?

Берта. (подавая ему руку) Правда швоя, Марсель, я виновата! я неподумавъ эшо сказала. Съ побою и горе не шакъ для меня шяжко; но ты видишь нашу нужду; плашья у меня уже нѣтъ, а хлѣба оспалось на одинъ шолько день.

Марсель. Будемъ надѣяться на Бога и на добрыхъ людей. Завпра не воскресенье, и мы опять примемся за работу. Вотъ чешыре пары башимаковъ; зачинивъ ихъ, возьми за каждую пару по пяпи су — и будешъ ихъ двадцать. А швоя самопрляка? развѣ она устала вершиться? Господь изба-

видѣ насѣ отъ голодной смерти, хопя мы быди и очень къ ней близки; по сію пору мы еще ни у кого не просили подаянїя, а эщо, правду сказашь, было бы для меня тяжель смерти. Принимаешь подаянїя бѣдному человѣку не трудно. Кпо самъ приходишь въ щемную, всѣми забытую хижину, чщобы ушѣшишь въ ней или убогаго, или больнаго; пошь вѣрно имѣешь доброе сердце, и бышь ему благодарнымъ не тяжело, а сладко; но требовашь милоспыни, и требовашь ея можешь бышь у такога человѣка, копорый оцкажешь тебѣ съ обидою — вотъ мученїе, отъ котораго прошу Господа избавишь меня при спарости!

Ахъ! можно ли угадать будущее? сказала Берта, оцядь заплакавъ; и за чпо можно опивѣчать на свѣшъ? Кпо бы подумаль, чщо сынъ нашъ умретъ въ гошцищаль?

Марсель. И прежде насѣ, Берта! Вотъ прямое несчастїе! Чпо же касается до гошцищаля, копорый пакъ ужасаетъ тебѣ, шо мало ли добрыхъ людей, мало ли храбрыхъ солдатъ, служившихъ вѣрою и правдою, безногихъ и безругихъ въ немъ умирающихъ? развѣ изъ гошцищаля нѣшъ дороги въ Царство Небесное? Шшъ, другъ мой, Берта, я вѣрю, и ты вѣрь имѣешь со мною, чщо швои дѣши причисены

къ лику праведныхъ милосердымъ нашимъ Создателемъ! Они призваны къ Нему въ лѣта невинности, не заслуживъ Его гнѣва никакимъ пропускомъ; они чисты предъ Нимъ, какъ эшопъ прекрасный день. И кто бы могъ опвѣчать, чшобы швоя дочь не оспавила шебя для перваго милovidнаго обольспшпеля, а швой сынъ для первой шляпы съ кокардою? А шакое несчастіе, надобно признашься, было бы гореспше для меня самой ихъ смерпи. Переспанемъ же плакашь и оскорбляшь милосердаго Бога. Слушай, я начинаю чищать молишвы.

Берша вздохнула и не опвѣчала ни слова. Бѣдная мать не могла пріучить себя къ мысли, чшо она имѣла двухъ прекрасныхъ дѣшей и чшо ихъ уже неимѣетъ; чшо спарось свою должна она провести въ нищепѣ, а можетъ быть и въ спрашномъ одиночеспвѣ. Марсель не менѣ жены сожалѣлъ о своихъ дѣшяхъ, о прежней спокойной жизни своей; но гореспь мущины различеспвуешъ въ характерѣ съ гореспію женщины — она сокровенная, внуспренная и рѣдко обнаруживается словами. Мущина спрадаешъ и молчипѣ; напрошивъ женщица на любитѣ слезами и жалобами облегчаешь свое сердце. Вотъ почему шижкая гореспь бываешъ не рѣдко пагубна для мущины, и ошъ чего напрошивъ оженциивъ говоряшь:

она живётъ своею горестію. Какъ бы то ни было, но Марсель не умеръ отъ печали своей, которая однако была тяжела для его сердца, нежели для сердца Берты; онъ боялся ей предаваться, испытавъ уже много разъ, сколь она для души его мучительна, и его главное попеченіе состояло въ томъ, чтобы съ припворнымъ спокойствіемъ духа обращать разговоръ на другой предметъ, какъ скоро Берта начинала вспоминать о своихъ дѣтяхъ и о прежней пріятной жизни. Сынъ ихъ Лудовикъ, прекрасной молодой человѣкъ, показывалъ большую охоту и способность къ столярному ремеслу. Марсель отдалъ его на двенадцатомъ году въ ближній городъ, къ хорошему мастеру; онъ учился прекрасно, былъ повяшенъ, но вдругъ занемогъ опасною и прилипчивою болѣзнію. Мастеръ принужденъ былъ отдалъ его въ госпиталь, гдѣ онъ черезъ короткое время и умеръ. Берта не могла думать безъ ужаса объ этомъ госпиталѣ. Ахъ! материнское сердце твердило ей безпрестанно, что сынъ ея умеръ отъ худого присмотру чужихъ людей; онъ можетъ бытъ воскреснулъ бы на рукахъ нѣжной матери. По крайней мѣрѣ она благословила бы его въ послѣднюю минушу. — У нихъ оставалась одна дочь, умная, добронравная, пріятная лицомъ. Вышедъ за мужъ за хорошаго человѣка, она возвратила бы имъ

Лудовика ; но ихъ постигло другое несчастіе. Огнь небесный сошелъ на ихъ хижину : все ихъ имущество , весь хлѣбъ ими собранный (ибо это случилось поспѣшчѣ послѣ жатвы) деснались въ добычу пламени ; а Исорженна , милая дочь ихъ , умерла черезъ нѣсколько времени отъ болѣзни , приключившейся отъ жестокаго испуга. Опець и мать остались на старости лѣтъ сиротами. Увы ! они имѣли несчастіе пережить свою поперю. И скоро послѣ эшаго несчастія настала ужасная семилѣтняя война ; вмѣстѣ со многими другими они сдѣлались ея жертвою : надобно было давать поспѣй солдатамъ , плащить консприбуціи ; поля и луга ихъ были опустошены ; скотъ расхищенъ ; они вошли въ неоплачивимый долгъ , за который наконецъ опняли у нихъ и землю и хижину , которыя проданы были съ молошка : такимъ образомъ лишились они послѣдняго пристанища и способа въ пропитанію. Они оставили свою родину и пошли искать убѣжища въ другомъ мѣстѣ. Нѣкоторые изъ добрыхъ сосѣдей сложились и дали имъ нѣсколько денегъ , на которыя купили они другую хижину , но бѣдную и почти разрушенную , неподалеку отъ одной деревеньки , въ десяти миляхъ отъ прежняго жилища. Берта съ утра до вечера пряла на поселянъ шерсть , а Марсель , устарѣвъ уже для шягоспной

земляной работы, зачинивалъ старые башмаки, сидя подлѣ жениной самопрялки. Поселяне называли его *старымъ башмачникомъ бѣдной хижинѣ*, и онѣ никогда не сидѣлъ безъ работы. Но выручаемыхъ ими денегъ едва доспавало на хлѣбъ насущный, и уже ничего невозможно было имѣ опкладывать на одежду; рублище ихъ совсѣмъ обвещало; они уже не смѣли ходить въ Божію церковь, и спрашились приближенія зимы. Но зима еще была далеко; мѣсяцъ Іюнь только что начинался, а Марсель прочипалъ Берштѣ въ своихъ молитвахъ, что Богъ даеши пицу ппицамъ неопереннымъ и лиліямъ въ полѣ одежду.

Марсель закрылъ молитвенникъ свой въ то самое время, какъ поселяне выходили изъ церкви. Эта минута была тяжела для его сердца. Передъ церковью разстилась прекрасная зеленая полянка, окруженная густыми липами — на ней обыкновенно собирались послѣ обѣдни всѣ богомольцы. Молодые мужчины весело играли съ молодыми дѣвушками; а спарики, опцы и машери смотрѣли съ удовольствіемъ на ихъ игры. Ахъ! эта картина семейственныхъ радостей мучила душу Марселя; онѣ думалъ о своемъ поперяномъ счастьи. Мало по малу поселяне разошлись — но Марсель ошался въ задумчивости передъ ок-

номъ , погруженный въ свои воспоминаія. По шу спорону дороги передъ самую хижину находилъ зеленый холмъ , обнесенный прекрасными вязами; подъ однимъ изъ этихъ вязовъ опдыхалъ путешественникъ; на плечахъ у него висѣла копомка, въ рукѣ держалъ онъ палку; а пыль на башмакахъ показывала, что онъ былъ скромный пѣшеходецъ; однако по плащю его, чиспому и довольно нарядному, можно было заключить, что онъ имѣлъ достатокъ. Опдохнувши нѣсколько минушъ въ тѣни, онъ положилъ на праву свою палку, снялъ съ плеча копомку, вынулъ изъ нее кусокъ блага хлѣба, нѣсколько сухихъ плодовъ и началъ за-впираться. Марсель, который совсѣмъ не завпиралъ, охотно согласился бы раздѣ-лить съ нимъ эту умѣренную порцію. Потомъ путешественникъ вынулъ изъ копомки кусокъ шелковой матеріи, развернулъ ее, нѣсколько минушъ ею любовался, опять ее свернулъ и спрячалъ въ копомку; вынулъ изъ кармана серебряные часы, посмотрѣлъ который часъ, взглянулъ на дорогу, вспалъ и снова отправился въ путь.

Счастливая тебѣ дорога, добрый человекъ! подумалъ Марсель; ты показался мнѣ споль счастливымъ на этомъ мѣстѣ, что и меня берешь охота опдохнуть нѣсколько минушъ подъ тѣнью прекрасной

липы: можешъ бышь въ спокойномъ снѣ и позабуду на нѣсколько времени свое горе.

И Марсель, не сказавши ни слова Берпѣ, которая тошнила между шѣмъ пряжу для слѣдующаго упра, оставилъ хижину и взошелъ на пригорокъ. На помѣ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ путешественникъ, лежало чпошо бѣлое. Марсель наклонился — это былъ свершокъ бумаги; Марсель его поднялъ; почувствовалъ тяжесть; развернулъ бумагу — въ ней лежало восемь луидоровъ и при нихъ въ другой бумажкѣ золотой крестъ на золотой цѣпочкѣ. Такое сокровище было рѣдкимъ явленіемъ для Марсея. Онъ долго разсматривалъ луидоры, побрякивалъ ихъ, веселясь звукомъ золота; потомъ опять очень бережно завернулъ и крестъ и деньги въ бумагу. Онъ уже не чувствовалъ никакой охоты спать, но смотрѣлъ на дорогу, по которой пошелъ путешественникъ, и изрѣдка поглядывалъ на свою хижину; Берпа между шѣмъ спояла у окна и искала его глазами; онъ далъ ей знакъ рукою, чпобы она къ нему вышла. Чпо ты здѣсь дѣлаешь? спросила спарушка, взбираясь съ прудомъ на пригорокъ.

Марсель. Смощри, какая находка, Берпа! — Онъ развернулъ передъ нею бумагу.

Берта. Царь Небесный! золопья деньги! Это луидоры — одинъ, два, семь, восемь! Восемь луидоровъ! и въ шакой маленькой бумажкѣ! А эштошъ крестъ? Золопой или мѣдной? какъ ты думаешь?

Марсель. Я думаю золопой, и цѣпочка также золопая!

Берта. Ахъ! Боже, какое сокровище! Небесный Ангелъ положилъ его на эшомъ мѣстѣ для насъ несчастныхъ. Ты, Марсель, угодилъ Господу Богу своею молишвою, и Онъ послалъ бѣднымъ пленцамъ ихъ лищу: теперь мы опять богаты. Послушай, Марсель! одного луидора достанетъ намъ на покупку плашья; а плашье надобно купишь шеплое, чшобы не замерзнуть зимою; на луидоръ купимъ хлѣба; еще на луидоръ кое-какихъ нужныхъ домовыхъ вещей — посуды и прочаго; хорошо бы завести и корову — но эшихъ денегъ будетъ уже и мало — шакъ коровы не надобно; ибо зашѣвать излишнее не къ спати. . . . къ шому же не худо сберечь кое-чшо и на всякой случай . . . кшо знаешъ, чшо можешъ случиться — занеможешь, вздумаешь . . . но ты смѣешься, Марсель! конечно такъ; теперь и смѣяться не грѣхъ, если бы шолько было можно. . .

Марсель. Берта, я смѣюсь надъ тобою! Ты располагаешь чужимъ добромъ какъ собственнымъ.

Берта. Чшо ты говоришь? чужимъ добромъ! развѣ не ты нашелъ эти деньги? Развѣ ты знаешь, кому онѣ принадлежали? На деньгахъ нѣтъ подписи; пошѣ и владѣшѣ ими, у кого онѣ въ рукахъ.

Марсель. А если я знаю, кому принадлежатъ эти деньги!

Берта. Какъ можешь ты это знать?

Марсель. Онѣ принадлежатъ одному путешественнику, который очень недавно опдыхалъ на этомъ мѣстѣ подъ липами, и копораго я самъ своими глазами видѣлъ изъ окна: онъ вынималъ изъ кошомки шелковую машерію, развертывалъ ее, а въ это время выронилъ и свои луидоры.

Берта. Надобно же думать, что у него такихъ луидоровъ очень много; въ противномъ случаѣ онъ обходился бы съ ними ошпорожнѣе, и не рассыпалъ бы ихъ по большимъ дорогамъ: потеряшь ихъ для него бездѣлица, а для насъ такая находка все.

Марсель. Правду говоришь, Берта, все; ибо она можетъ и погубить и спасти нашу душу. Намъ остается не много про-

жишь на свѣтѣ; на что же возлагаешь на совесть свою тяжелое бремя эгихъ осьми лудоровъ? Ты думаешь, что они могутъ принести намъ какую нибудь пользу? Ты ошибаешься! Оставивъ ихъ у себя, мы будемъ спо разв несчастнѣе прежняго. У насъ будетъ хорошая посель, но мы потеряемъ спокойный сонъ; сошьемъ опрятное платье, но въ этомъ платьѣ не будетъ ли спыднѣе, нежели въ эгихъ опретьяхъ показаться намъ въ люди! а когда наступитъ день страшнаго суда, Берша, что скажемъ передъ пресполомъ Божимъ въ оправданіе нашего поступка? Бѣдность не оправданіе! Напротивъ бѣдной человекъ обязанъ прилѣжнѣе другихъ заботиться о своей честности, потому что онъ чаще другихъ впадаетъ въ искушеніе, потому что онъ имѣетъ одно только единственное сокровище, спокойную совесть и чистоту душевную. Ободришь, мой другъ! мы не умремъ съ голода; взгляни на эти изобильныя поля! наступитъ жатва; мы пойдемъ подбирать падающіе колосья. Нашъ деревенскій судья человекъ добрый; онъ имѣетъ обширное поле; онъ дастъ намъ собрать нѣсколько сноповъ; и нашъ священникъ жалостливъ сердцемъ — все это гораздо лучше того богатства, которое у насъ въ рукахъ и на которое мы неимѣемъ никакого права.

Берта. (печально) Правда швоя; пицца у насъ будешъ, но чѣмъ же одѣвашься?

Марсель. Богъ милосливъ. Развѣ не слыхала ты онѣв меня, что Онѣв даетъ одежду и полевымъ лиліямъ, и что не надобно забѣшиться о завпрашнемъ днѣ? Эшоуѣ прохожій можешъ бышь вздумаешъ сдѣлашь мнѣ какую нибудь награду; хошя, сказашъ правду, я и не спою награды, ибо дѣлаю долгъ свой; но если бы онѣв подарилъ что нибудь тебѣ на плашье, Берта, шо я оспался бы очень доволенѣв.

Берта. Все эшо очень хорошо; но гдѣ же ты его найдешъ?

Марсель. Я догоню его: онѣв пошелъ по дорогѣ, а я пойду прямо черезъ поле — здѣсь вдвое ближе, и мы безъ сомнѣнія съ нимъ встрѣшимся.

Берта. А если не встрѣшишесь?

Марсель. Тогда — тогда — я знаю что сдѣлашь. . . .

Берта. Оспавишь деньги у себя?

Марсель. Нѣтъ! иди въ городъ — такъ и бышь: дорогою буду пимашься подаянїемъ — и заплашишь нѣсколько денегъ за нанешашенїе въ Вѣдомосныхъ объявленїя. Подай, мнѣ поскорѣ мою палку,

Берпа; я побреду; ты не беспокойся, если я несколько и промѣшкаю. Ноги мои слабы, а идти надобно далеко. Берпа побѣжала въ жижины; ей было спѣшно передѣ собою, что она такъ неудачно поняла мысли честнаго Марселя. Послѣднїя слова его пробудили въ ея душѣ всѣ добрыя чувства, усыпленные неожиданнымъ появленїемъ золопа. Она подала мужу своему палку. Иди скорѣе, Марсель, сказала она, это золопо мнѣ опостыѣло; оно едва не довело меня до грѣха; надобно поскорѣе сбыть его съ рукъ. Марсель пошелъ; но дряхлыя ноги, оледенѣвшїя отъ старости и сидячей жизни, худо ему повиновались: онъ шелъ съ трудомъ и очень тихо; въперѣ развѣвалъ на головѣ его остатки съдыхъ волосъ и бѣдную его одежду. Берпа слѣдовала за нимъ глазами съ пригорка, и какъ будто хопѣла придашь ему взглядами своими скорости и силы. Онъ недогонишь прохожаго, думала она; а послѣ надобно будетъ идти въ городъ. Шестъ миль, легкое ли дѣло! бѣдный старинушка измучится. Но я сумасшедшая! для чего бы вмѣсто его непойши мнѣ самой! онъ старѣе меня и гораздо слабѣе. Чего же думаешь, побѣгу за нимъ въ слѣдъ; онъ идешь такъ тихо, что я догоню его въ одну минуту. И вошь Берпа, шестидесятилѣтняя старушка, воображаетъ, что она еще передѣ мужомъ.

жемъ своимъ робенокъ и бѣжитъ за нимъ, какъ молодая, съ пригорка. Она догнала его на концѣ поля; взяла подъ руку и сказала: садись старикъ и отдохни, я пойду вмѣсто тебя.

Марсель. Нѣтъ, Берта; этого нельзя сдѣлать! Ты не видала путешественника; ты его не узнаешь, или можешь встрѣпшишься съ какимъ нибудь побродягою, который выманилъ у тебя деньги, сказавши, что онъ принадлежитъ ему.

Берта. Это правда, я неподумала: но скажи мнѣ, каковъ собою этотъ прохожій, въ чемъ онъ одѣтъ, старъ или молодъ, черноволосой или блондинкой, какого цвѣта его плащъ?

Марсель. Я не видалъ его вблизи, но конечно его узнаю — человекъ средних лѣтъ, высокой ростомъ, плотной и очень смуглой — — но, Берта, пойдѣмъ лучше вмѣстѣ, мы будемъ другъ другу помогать и менѣе устанемъ.

Старикъ взялся за руки и пошли скорымъ шагомъ по пропикѣ черезъ поле. Вышедъ на большую дорогу, они остановились, начали осматриваться, и наконецъ, въ великому своему удовольствію, увидѣли въдалекѣ идущаго къ нимъ путешественника.

Вотъ онъ! воскликнулъ Марсель, пойдёмъ къ нему навстрѣчу. Незнакомецъ, увидя ихъ прямо къ нему идущихъ, вообразилъ, что они хотѣли просить милоспныи (такъ показались они ему бѣдными и дряхлыми!) и уже положилъ руку въ карманъ, чтобы подать имъ нѣсколько денегъ, недожидаясь ихъ просьбы.

Верта. Намъ ничего не надобно; благодаримъ васъ за милоспнь; мы сами напросивъ кое-что намѣрены дать вамъ.

Прохожій. Мы, добрые люди? какъ это могло случиться?

Марсель. Жена моя ошиблась, сударь; она хотѣла сказать *возвратилъ*. Не вы ли за полчаса передъ этимъ опдыхали подлѣ большой дороги на холмикѣ въ тѣни густой липы?

Прохожій. Я, мой другъ. Теперь помню; я видѣлъ тебя подъ окномъ въ бѣдной хижинѣ, находящейся по ту сторону дороги между орѣховыми кустами.

Марсель. Вы разбирались въ своей копмкѣ; не правда ли?

Прохожій. Точно такъ; я былъ голоденъ и вздумалъ позавтракать; мы казались, что завтракъ на чистомъ возду-

хѣ, подѣ пѣвню прекрасной липы, долженѣ бышь вдвое вкуснѣе.

Марсель. Я и самѣ замѣшилѣ, что на лицѣ нашемѣ написано было удовольствіе ; послѣ завтрака вы разсматривали какую-то шелковую матерію, которую спрятали въ свою кошомку ; и въ это время, какѣ должно думашѣ, выронили вы бумагу. . . :

Прохожій. Съ осьмью луидорами и еще золошымѣ крестомѣ на цѣпочкѣ, завернутымѣ въ другую бумажку, на кошомкой написано нѣсколько словѣ ?

Марсель видѣлѣ эти слова, но онѣ не могѣ ихѣ разобрать, потому что оспавилѣ въ молитвенникѣ свои очи. Прохожій снялѣ кошомку съ плеча, началѣ ее обыскивать и не нашелѣ въ ней денегѣ. Я зналѣ напередѣ, что вы не найдете ихѣ въ этой кошомкѣ, сказалѣ Марсель ; ибо онѣ у меня въ рукѣ. Вотѣ, сударь, ваши восемь луидоровѣ, золошой крестѣ и цѣпочка ; спрячьте ихѣ опять въ свою кошомку и берегите прилѣживѣе. — Прохожій поглядѣлѣ съ видомѣ почтенія и благодарности на Марсея, и сильно жалѣ его руку. Ты не знаешь, добрый человекѣ, сколь велика сдѣланная шобою мнѣ услуга ! Если швое наружность не обманчива, то я обязанѣ

благодарить себя болѣе нежели другаго. Ты кажешься мнѣ очень бѣднымъ.

Берта. Охъ, государь мой! не лзя и бытъ насъ бѣднѣе! мы . . .

Марсель. Чѣо говоришь о бѣдности! слава Богу, чѣо намъ удалось возврапитъ вамъ этъ дорогя вещи, копорыя немогли бы намъ самимъ ни на чѣо пригодиться! Не по ишнему соспоянью имѣшь въ карма-нѣ своемъ шакъ много золоша.

Прожой. Но въ ваши лѣща пройши болѣе мими единственно для шого чѣо-бы ошдашь мнѣ эшо маленькое сокровище! Развѣ неимѣете вы дѣшей? —

Берта. Дѣшей! Ахъ! мы уже неимѣ-емъ дѣшей! Были у насъ прекрасныя — сынъ и дѣчь! но Богъ разсудилъ взять ихъ къ себѣ! и эшо ешь величайшее на-ше несчастіе.

Марсель. За шо мы шерпимъ одни — а эшо легче! Но, Берта, пора иди; мы задерживаемъ эшаго добраго человекъ! сча-спливаго пуши вамъ желаемъ, государь мой; будьте оспорожиѣе, опяшь непоше-райше свои деньги.

Пушешеспвенникъ казался въ смуще-нїи. Нѣтъ, доброй спарикъ, сказалъ онъ, ошановивъ за руку Марсея, я не-

могу такимъ образомъ съ тобою распашься. Сядемъ и выслушай: Это золото для меня священо; я не имѣю никакого права располагашь имъ; когда узнаешь, кому назначено его отдашь, тогда согласишься, что я ничего немогу изъ этой суммы испрашивать. Оспыающихся у меня денегъ едва достаточнo будешь мнѣ самому на дорогу; ибо мнѣ надобно пройши еще около двенадцати миль до мѣста; но я увѣрю себя, что мы черезъ нѣсколько дней увидимся, и тогда расплачусь съ тобою какъ должно. Скажи мнѣ свое имя. Я желаю знашь его, хотя впрочемъ немогу забыть ни пригорка, ни хижины, въ которой живуть такіе честные люди. Имя твое, спаривъ? прибавилъ незнакомецъ, вынувъ записную книжку и карандашъ изъ кармана.

Марсель. Спросише просто о старомъ башмачникѣ бѣдной хижины; въ нашей деревнѣ всѣ называютъ меня эшимъ именемъ. Я очень радъ буду, если вы объ насъ вспомнише. Впрочемъ, ежели и невспомнише, то мы съ женою непереспанемъ объ васъ молишься; ибо вы доставили намъ нѣсколько минутъ радостныхъ; а наша жизнь весьма небогата радостями. Проспише.

Прохожій. Ахъ , добрый спарикъ ! я былъ бы недоспоинъ того счастья , котораго ищю , и котораго ненайти спрашуся , когда бы могъ о небѣ забыть . Прошло болѣе пятнадцать лѣтъ , какъ я покинулъ свое семейство ; съ тѣхъ поръ немѣю объ немъ , никакого извѣстїя ; отецъ и мать починающъ меня мертвымъ , а можешъ бытъ ихъ и самихъ уже нѣтъ на свѣтѣ — но какое для меня счастье , если они еще живы !

Берта. (въ слезахъ) О великое счастье ! и счастливы тѣ , которые могутъ еще находить на землѣ милыхъ своихъ дѣшей ! . . . А мы увидимся съ своими на небесахъ , не прежде .

Марсель. Не правду ли я говорилъ , Берта ? И живыя дѣши бывающъ причиною великаго огорченїя . Въ честный человекъ ! а онъ пятнадцать лѣтъ не видался съ своими родителами , и во все это время они объ немъ не слышали — не хуже ли это смерти ?

Прохожій. Я былъ виноватъ , это правда ; по молодости лѣтъ повѣрилъ я рекрутскому наборщику , который обольстилъ меня пышными обещанїями . Не сказавшись моимъ родителамъ , я записался въ военную службу . Но въ оспальномъ на-

добно винишь одну мою судьбу. Полкъ нашъ былъ поспѣшнѣ посаженъ на суда и отправленъ въ Батавію; меня послали во внутренность острова, гдѣ я промышлялъ своимъ сполярнымъ ремесломъ, и нѣсколько лѣтъ немогъ найти случая переслать письмо въ Европу. Возвратившись въ Батавію, я началъ писать, посылалъ письмо за письмомъ, и ни на одно не получилъ отвѣта. Между тѣмъ я наживалъ и деньги; но это не утѣшало меня; на что богатство, когда невесело на сердцѣ! а сердце мое жило въ Европѣ. Я безпрестанно думалъ о своей родинѣ, ибо въ ней оставилъ все то, что было драгоцѣннѣйшаго для меня на свѣтѣ: отца, мать и сестру. Наконецъ я рѣшился возвратиться, сѣлъ на корабль и веселилъ себя мыслию, что у меня есть достатокъ, нажитый честно, собственными моими трудами, что я успокою родителей моихъ на старости лѣтъ, и что минута радостнаго соединенія наградишь ихъ за нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ въ печали. Я счастливо прибылъ въ Гамбургъ. Въ семъ городѣ случилось мнѣ встрѣтиться съ тѣмъ мастеромъ, у котораго я учился сполярному искусству: онъ жилъ уже въ Гамбургѣ, имѣлъ многихъ работниковъ, и былъ человекъ достаточный. Я узналъ его; но онъ никакъ немогъ меня вспомнить, ибо я очень загорѣлъ отъ Батавскаго солн-

ца. И онъ очень удивился, когда я сказалъ ему свое имя, обнялъ меня какъ роднаго, и повелъ къ себѣ въ домъ; плушъ увидѣвъ я его дочь, которую оставилъ еще робенкомъ: она выросла и была прекрасна лицомъ; словомъ сказать, съ первой минушы полюбилась она мнѣ чрезвычайно. Я хотѣлъ вѣхать на свою родину; но Жюльешта уговаривала меня остаться, на день, на два — и я остался, ибо неимѣлъ силы противиться желаніямъ Жюльешты. Между тѣмъ я написалъ къ отцу моему письмо, и въ ожиданіи отвѣта жилъ въ домъ стариннаго своего мастера; но отвѣтъ не приходилъ, я потерялъ первыя, пришелъ къ отцу Жюльешты и сказалъ ему: ты меня знаешь; Жюльешта меня любитъ; я имѣю достатокъ; отдай мнѣ свою дочь — я иду къ своимъ родителямъ, буду просить у нихъ благословенія; но прежде хочу быть увѣренъ, что ты согласишься сдѣлать мое счастье. — Мы ударили по рукамъ; я оставилъ въ Гамбургѣ свою невѣсту, и теперь иду на свою родину къ добрымъ своимъ родителямъ. Жюльешта моя имѣетъ рѣдкое сердце. Изъ двадцати чепырехъ луидоровъ, данныхъ ей на приданое, отложила она восемь на перевзѣ отца моего изъ деревни въ Гамбургъ. Золотой крестъ, который носила обыкновенно на шеѣ, послала мнѣ въ

подарокъ мой сестрѣ съ дружескою запискою. Мнѣ было очень весело воображать, какъ я обрадую родныхъ своихъ этими подарками; судишь ли самъ, какъ бы я огорчился, когда бы ихъ поперялъ, и какъ велика должна быть въ глазахъ моихъ ваша услуга! Но, Боже мой! если уже у меня нѣтъ ни сестры, ни отца, ни матери... сердце мое обливается кровью! Сестру надѣюсь еще найсти живою; она была моложе меня пятью годами. Но мой отецъ, этакъ добрый и честный человекъ, который для всякаго бѣдняка имѣлъ въ запасъ порядочный запасъ вина и нѣсколько денегъ! но моя мать, которую всѣ сироты, всѣ бѣдные и печальные называли своимъ утѣшеніемъ!... Добрые люди! скажите мнѣ, не удавалось ли вамъ слышать о Марселѣ Пильницѣ и женѣ его Бернѣ?

О Царь небесный! воскликнулъ спарикъ, поднявши къ небу руки: не во снѣ ли я? Берна! слышишь ли, Берна! не воскресъ ли нашъ Лудовикъ! не его ли мы видимъ... О Боже!

Какъ описать чашапелю эту минуточку! — Они обнимали своего Лудовика, своего милаго сына, котораго сколько лишь почитали мертвымъ. Берна немогла гово-

ришь, смотрѣла ему въ глаза съ неизъяснимою нѣжностію, прижимала къ сердцу его руку, и называла его своимъ ангеломъ.

На колѣни, Берта! воскликнулъ наконецъ спаривъ, и упавъ ницъ на землю. Создатель! Создатель! Ты хочешь показать намъ еще на землѣ Твоей рай небесный! Ты возвращилъ намъ нашего сына!

Но, нѣтъ! никому на землѣ не дано наслаждаться раемъ — земное счастье несовершенно. Они вспомнили о Жеоржешѣ, и живо почувствовали, что они люди. А сеспра моя, спросилъ Лудовикъ, а добрая моя Жеоржешта? Вы говорили, что не имѣете болѣе дѣшей; что сдѣлали вы съ Жеоржешою? — Ахъ! ея нѣтъ уже на свѣтѣ, сказала Берта, залившись горькими слезами — она умерла на рукахъ моихъ. Ей не носили твоего прекраснаго золотого креста. Лудовикъ, не опрѣчая ни слова, надѣлъ его на шею мащери. О! я увѣренъ, воскликнулъ Марсель, что она въ эту минушу смотритъ на насъ съ высоты небесной. Онъ поднялъ къ небу глаза, какъ будто видя въ опдаленіи знакомый, любезный образъ. Она тамъ, въ этой свѣтлой дали, въ вѣнцѣ непорочныхъ Ангеловъ. . . Цѣсколько минушъ царствовало между ими молчаніе; сердца ихъ бы-

ли наполнены сладостнымъ благоговѣнїемъ; казалось, что Промыслъ небесный явился передъ ними во всей восхищительной своей благости.

Бертца! сказалъ наконецъ Марсель, теперь ты видишь, что и въ гошпипаль выдвораивающъ люди — напрасножъ шавъ мучила ты свое сердце, думая объ этомъ гошпипаль.

Лудовикъ разсказалъ имъ, какъ онъ лежалъ больной подлѣ одного раненаго сержанта, и какъ былъ обманутъ его обольстительными обещанїями. Масперъ, у котораго онъ тогда учился, узнавши о его побѣдѣ, и опасаясь, чтобы его родители не сжали дѣлать ему упрековъ, разсудилъ сказать имъ, что сынъ ихъ опъ своей болѣзни умеръ; впрочемъ онъ и самъ могъ искренно быть въ этомъ заблужденїи.

Спарики разсказали въ свою очередь о несчастїяхъ, съ ними случившихся. Лице ихъ переобнилось опъ нищеты и гори, а лице Лудовика опъ пламеннаго солнца Баварїи. — И шавъ не удивительно, что они не узнали другъ друга. Взявшись за руки пошли они въ бѣдную хижину. Лудовикъ со слезами благословилъ пошъ холмъ, на которомъ въ первый разъ увидѣлъ его

опецѣ. Провидѣніе вело меня на это мѣсто, сказалъ онъ; здѣсь опредѣлило Оно показашъ меня спраждущему моему родителю. Онъ хотѣлъ освятить его благошвореніемъ: купилъ у поселянъ по мѣсто, на которомъ находился пригорокъ, и вмѣстѣ съ бѣдною хижиною подарилъ его одному несчастному семейству, назначивъ однако условіе, чшобы хранишь какъ нѣкоторую святыню шѣ липы, подѣ копорыми добрый теній зашавилъ его искашь опдохновенія; и сдѣлашь подѣ шѣню ихъ сидѣлку для спранника, упомяннаго путешествіемъ и лѣшнимъ зномъ.

Марсель и Берша провели послѣднія лѣта жизни своей спокойно и весело. Жюльетта была передѣ ними почтительна, также какъ и Жеоржетта, а Лудовикъ казался ангеломъ хранишелемъ ихъ спарости; и Марсель; радуясь на прѣкрасныхъ внуковъ своихъ, часто говорилъ: Это рай! лучше не можешъ бышь и въ раю небесномъ!

Съ Французскаго. А.

Поэвальное слово сну.

(*Говореніе въ общество лѣннихъ.*)

Пока еще сладостный сонъ не сомкнулъ рѣсницъ вашихъ, и полуоткрытые глаза могутъ взирать на оратора, лежащаго на мягкомъ пуховикѣ, почтенныя слушатели и прекрасныя слушательницы! приклоните ухо ваше къ словамъ моимъ. Не грозныя битвы, не шумъ воинскій, не гибельные подвиги героевъ, подвиги клонящіеся къ опнишю сна у бѣдныхъ челоуковъ, пѣть! я хочу выхвалять способность спать — и ежели душа есть источникъ прекрасныхъ мыслей, по повѣрьте, что рѣчь моя, испекающая изъ оной, должна вамъ нравиться, ибо душа моя дышетъ любовію къ благодатному богу лѣсовъ Кимверинскихъ.

Вы улыбаешесь, слушатели; вы опдѣляете медленно головы свои опъ мягкихъ подушекъ, чшобъ не пропустишь ни одного слова краснорѣчиваго вишїи, — и я, ободренный симъ геройскимъ подвигомъ, смѣло выступаю на обширное поле краснорѣчїя!

Кто не спить, кто не вкушаетъ сладости сна? Злодѣй, преступникъ; ибо и невинный приговоренный къ смерти, и несчастный спрадалецъ подѣ бременемъ бѣдъ

ности и зла, и они смыкають вѣжды свои, омоченныя слезами, и они усыпляютъ свои горести. Сладостное усыпленіе! истинный даръ небесъ, оставшійся на днѣ сосуда неоспорожиной Пандоры! ты вмѣстѣ съ надеждою украшаешь бытіе несчастнаго! ты украшаешь жизнь его прелестными мечтами! . . . Ахъ, сонъ есть свидѣтельница нашей совѣсти! *Сонъ, надежда и добрая совѣсть* неразлучны; они сущь братья и сестры одного семейства. Брось же взоръ свой на сего спящаго младенца: епо ангель, который покоится на лонѣ невинности; розы, райскія розы горятъ на ланинахъ малютки; усна его улыбающа. . . они ищутъ поцѣлуевъ матери; дыханіе его легко и сладостно. Спи, малютка! нова спрасти и люди, *ненавистники сна*, не лишили тебя способности спать! . . .

Взгляните на сонъ благословительнаго человека: онъ тихъ и спокоенъ, какъ ночь весенняя. Душа его, которой ни что не препяшсвуетъ излишья наружу, дышетъ на его устахъ, на ясномъ челѣ его, даже на опущенныхъ рѣсницахъ. Сердце его упоаетъ въ веселіи, пульсъ его ударяетъ тихо и ровно — онъ счастливъ, ибо онъ учинилъ доброе дѣло, ибо сонъ напоминаетъ ему несчастнаго, котораго онъ извлекъ изъ пропасти, съ которымъ по-

дѣлился послѣдними крохами, съ копорымъ плакалъ наединѣ. Кажется, что Ангелъ-хранитель присущивуешъ у ложа праведника, и отгоняетъ благовонными крилами ужасныя мечпы и призраки. Надежда сыплетъ на него цѣвпы свои обильною рукою, и онъ просыпается едва ли столько счастливъ; ибо первой взоръ его часто, очень часто встрѣчаетъ неблагогодарнаго! — Чшо нужды? — онъ ужъ наслаждался во снѣ! — Я жалю, жалю онѣ искренняго сердца о томъ, что не заснулъ послѣ добраго дѣла!

Взгляните теперь на орапая, копорой засыпаетъ на жесткомъ ложѣ, въ объятіяхъ супруги своей; взгляните на поденьщика, копорый, окончивъ трудъ свой, бросается на голый камень; взгляните на рашника, ушружденнаго походомъ, дождемъ, холодомъ: онъ нѣсколько дней сряду сражался, кровь и потъ лились ручьями, голодъ изнурялъ его — но онъ заснулъ — и все забыто, и онъ счастливѣе сапрана, засыпающаго понкимъ сномъ на персяхъ воспочной красавицы. Скажите мнѣ теперь, что награждаетъ спрадалицевъ сихъ за труды, потъ и раны? — *Сонъ!*

Кто изъ насъ не былъ влюбленъ и кто не спалъ вопреки любви своей? — Сладоспешъ сонъ любовника; онъ видитъ или

бархатные луга, орошенные журчащими ручьями; или прохладные сады, гдѣ все шашѣ и нѣжился; или Луну, царство Сильфовъ... Но всѣ сїи предметы украшены присущимъ его возлюбленной. Вездѣ она съ нимъ ходилѣ рука съ рукою, вездѣ неразлучна, и въ хижинѣ и во дворцѣ. Сонъ и самыя печали улаждаетъ. Любовница шебѣ измѣнила — или она новая Галапея, невнимательна къ своимъ пѣснямъ — цѣломудренна какъ Циншя — или, какъ Зеновїя, копорая даже супругу своему на условїи позволяла раздѣлять брачное ложе, какъ Зеновїя, едва, едва склоняетъ къ шебѣ суровые взоры... Упѣвшись, печальный спрадалецъ! я не спану шебѣ совѣповашь вооружаешь шерпѣнемъ Споика, или пстопляешь любовь свою въ чашѣ вина (*), или забышь вѣроломную; *первое* не ешь дѣло невозможное (ибо въ какой странѣ любовники шерпѣливы?) *другое и третїе* прошивно нравамъ. Но никшо не опнималъ у шебя сна? Никшо не лишалъ шебя способности усыплять сердце швое посредствомъ сладостныхъ мечпанїй? Спи же, любовникъ, спи же опѣ вечера до упра, опѣ упра до вечера, и — къ наказанїю швоей каменной Лауры — шы вѣрно когда-нибудь проснешься

(*) Ou bien buvez : c'est un parti fort sage. *Voltaire.*

съ прежнимъ спокойствіемъ, съ прежнимъ равнодушіемъ; ибо сонъ, успокоивая спрассти, испребляешъ даже ихъ вредное начало. Чшо есть сердце наше? Море. Удержи дыханіе въпрровъ, и оно спокойно.

Природа, благая мать смертныхъ! ты начинаешъ наказывать преслупника, рушителя правъ ивоихъ, прежде законовъ чловѣческихъ. Взгляните на юношу, копорый въ первый разъ нарушилъ ея священныя права: взоръ его пасмуренъ, неперѣливъ — онъ ищешъ чего-шо, ибо убѣгаетъ самага себя; онъ ищешъ разсѣянїя въ шумномъ свѣтѣ, въ опасныхъ удовольствїяхъ — и горе ему, если новыя преслупленїя изглядяшъ слѣды первыхъ! Но если, ведомый рукою совѣсти, онъ скроешся на минупу онъ взоровъ чловѣческихъ, и шамъ въ безмолвномъ уединенїи предаспся размысленїю; шо слезы — вѣспники добраго сердца — слезы раскаянїя омочашъ его ланцшы, душа его успокоишся, подобно мушной водѣ, прошекающей по ровному песчаному долу; душа его придетъ въ лучшее соспоянїе, и сонъ, награда всякаго добраго дѣла, сонъ заключишъ его въ *мягкія объятїя* (*); ибо сонъ, вопреки всѣмъ наблюдашелямъ спрасшей чловѣческихъ, идешъ

(*) Выраженїе Гомерово.

непосредственно за первымъ раскаяніемъ: явная премудрость небеснаго Провидѣнія, которое врачуемъ язвы сердца нашего посредствомъ благошворнаго усыпленія!

Но какія ужасныя картины представляются взорамъ нашимъ? — Преслупникъ, преслупникъ, закоренѣлый въ злодѣянїяхъ. Гласъ оскорбленной Природы подобно грому раздался въ его сердцѣ; и гласъ сей былъ ужасенъ: *Злодѣй! ты не будешь славъ* (*)! Вотъ приговоръ пиранамъ, сласполюбцамъ, рушителямъ священныхъ правъ человечества. Приведемъ на память сильныя слова Лапинскаго стихошворца: (**)

„Уже ли страшный ревъ быка Фаларидова, уже ли мечъ, прицѣпленный къ злошуму крову и висящій надъ главою увѣчаннаго пирана, ужаснѣе грызеній совѣспшого несчастнаго, который, блѣднѣя говоривъ — и споль пихо, чшо жена, лежащая съ нимъ на одномъ ложѣ, слышашъ не можешъ — *я бѣгу, бѣгу къ погибели?*“ Знали ли сонъ Діонисій Сиракузскій и сіи изверги Природы, сіи ряды увѣчанныхъ злодѣевъ Рима, копорыхъ, какъ говоритъ Расинъ (***) *одно имя есть ужасная обида ужасному тирану?* Вку-

(*) Шекспиръ. (**) Персій. (***) Расинъ, см. Бришамника.

шалъ ли сонъ и сей счастливый злодѣй Бришанѣи (*), котораго жизнь была загадка, которъй, подобно древнему ширану, укрывался всякую ночь въ новомъ убѣжищѣ своего лабиринта? — Между шѣмъ какъ Герой Сѣвера, сѣй великѣй Мужъ, котораго жизнь достойна пера Плутархова, ибо малѣйшее его дѣянѣе естъ подвиговъ великаго ума, — между шѣмъ, говорю я, какъ Суворовъ спалъ на плащѣ, подъ открытымъ небомъ, въ виду огней непрѣяельскихъ, и на канунъ рѣшишельнаго сраженѣя!!! —

Такъ, почтенные слушатели! способность спать во всякое время естъ признакъ великой души. Древность, неизчерпаемый источникъ истины и басенъ, древность, хранилище опытности, развертываетъ предъ нами свои харшѣи. Примѣры обильны и убѣдительны. Александръ на канунъ ужасной битвы съ Дарѣемъ засыпаетъ ввечеру. Парменѣонъ принужденъ его будить, ибо знамена Персскѣя блиспали уже вблизи спана Греческаго. Канонъ имѣлъ привычку засыпать при наступленѣи опасности, ибо ни что не могло поколебать великаго духа героя Споеиковъ. *Meditis tempestatibus placides.* Августъ

(*) Кромвель.

спитъ мертвымъ сномъ во время упорнаго морскаго сраженія, происходившаго у береговъ цѣвущей Сициліи. Марій — и что еще чудеснѣе — засыпаетъ подъ деревомъ во время послѣдней битвы съ Силою, и тогда только сонъ покидаетъ предпріимчиваго вождя, когда сонмы непріятелей обратили въ бѣгство его воинство. Гибельный сонъ, но не менѣе того славный! — Мудрый Епименидъ, если вѣришь испорикамъ, проспалъ 57 лѣтъ сряду, и Геродотъ, опещъ лѣтописцевъ, свидѣтельствуетъ, что народы сѣвера спятъ въ теченіи шести зимнихъ мѣсяцовъ, подобно суркамъ, не просыпаясь.

Изъ всего мною сказаннаго ясно извлекается слѣдующее заключеніе: Сонъ есть признакъ великаго духа и доброй души. Доброй души — ибо сонливый человекъ не способенъ дѣлать зло, которое требуетъ великихъ усилій, безпокойства и безпрестанной дѣятельности. Лафоншенъ, жертвовавшій ему половиною жизни своей, посмотрите, съ какимъ удовольствіемъ говоритъ о безпечномъ снѣ вездѣ, гдѣ можешь сказать, что — нибудь въ пользу его:

Je ne dormirai point sous de riches lambris:
 Mais voit on que le sommeil en perde de son prix?
 En est-il moins profond, et moins plein de délices?
 Je lui voue au desert de nouveaux sacrifices .

Fab. du Mogol.

А добродушіе Лафроншена, какъ извѣстно вамъ, вошло въ поговорку. Сонъ естъ стихія стихотворцевъ. Отъ чего же предающся оному даже до излишества? Вопросъ важный, достойный вниманія мудрецовъ, и котораго я, хотя и могъ бы, разрѣшить не смѣю, боясь вооружить противъ себя высокопарнаго Мевія и неусыпнаго, но усыпительнаго Бавія, копорые — о свяпопапштво! — и самое божество ночи оскорбляютъ кропаніемъ стиховъ (*). Но поэты всегда прославляли сладость сна, начиная отъ Омира; всѣ они, всѣ до одного описывали менѣе и болѣе, хуже и лучше, сіе успокоеніе души и тѣла. Тибуллъ, котораго вся жизнь была поэзія (простиле мнѣ сіе выраженіе), Тибуллъ не въ одномъ мѣстѣ выхваляетъ сонъ. — Я всегда съ живымъ удовольствіемъ привожу на память стихи его:

Подъ тѣнію древесной отдыхаю,
 Которая меня прохладю даритъ.
 Сквозь солнце иногда дождь мѣлкій чуть шумитъ:

Я слушаю его, по малу погружаюсь
 Въ забвеніе — и сномъ пріятнымъ наслаждаюсь.

Джнт.

Какая истинная любовь къ наслажденіямъ стихимъ! — какая любовь ко сну! — Далѣе: —

(*) Древніе не смѣли нарушать безмолвія ночи. Битвы прекращались съ закатомъ солнца.

Иль въмрачну, бурну ночь въ объятіяхъ драгой
 Не слышу и грозы, шумящей надо мной.
 Вопъ сердца моего желанья и ушѣхи!

Дмит.

Первые два списа показываютъ маспера наслаждаться. Послѣдній принадлежитъ къ малому числу стиховъ, написанныхъ ошѣ души.

Ахъ! — почтенное сословіе сонныхъ! — еслибъ я не боялся прапы времени, которое можно посвятить съ такою пользою на сонъ; еслибъ томные глаза ваши не показывали, что онъ вамъ спановишься нужнѣе краснорѣчивѣйшей похвалы: то вѣрнобъ сдѣлалъ убѣдительное и многорѣчивое сравненіе двухъ народовъ: одного воинспвеннаго, другаго мирнаго, одного провождающаго дни и ночи на спражѣ съ копьемъ въ рукахъ, другаго изгнавшаго изъ предѣловъ своихъ все, что клонится къ нарушенію сна, и пѣшуховъ вѣспниковъ упра, и шумныя художества, и снаряды воинспвенные. Я бы сдѣлалъ сравненіе Спарпанъ со счастливыми Сибаритами, и сравненіе мое клонилось бы въ пользу послѣднихъ. Я бы доказалъ, что счастья нѣтъ въ дѣятельности народной, и чрезъ то открылъ бы неисповѣдимыя истины и новое поле полипикамъ, поле вовсе неизвѣстное. Но я вижу, что Мор-

фей сыплеть на васъ зернистый маѣкъ
свой! — Я ощущаю и самъ пайное при-
сущствіе бога Киммеринскаго. Крилъ его
сопрясаятъ благовонную росу на любим-
цевъ... перстъ его смыкаетъ уста мои...
языкъ коснѣетъ... и я засыпаю.

Любитель сна.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

*Къ Князю Федору Сергіевичу
Голицыну.*

*(На случай заложенія Инвалиднаго
Фельдмаршала Князя Прозоровскаго
дома въ Кіевѣ.)*

Когда надъ прахомъ завѣщаютъ
Воздвигнуть мраморъ и металлъ;
Чего тогда, о Князь! желаютъ?
Тоголь, чтобы не преставалъ
Умершій жить между живыми?
Напрасно! — Твердыми своими
Руками время все сопретъ. —
Попускнетъ бронзы блескъ прелестный,
И мраморъ, жилками чудесный,
Мхомъ дикимъ, чернымъ оброснетъ. —

*

Какія же спези возможны
 Въ попомство имя преселишь,
 Чтобы слова его неложны
 Могли надъ прахомъ слышны бытъ:
 „Хотя составъ и плабтъ бранный;
 „Есть памятникъ вовѣкъ неплабный —
 „Живетъ и нынѣ оный мужъ.
 „Ни спрашна сила елементовъ
 „Не сокрушитъ сихъ монументовъ,
 „Ни клевета зависныхъ душъ?“

*

Межъ ратниковъ живетъ скончавшій,
 Фельдмаршалъ въ Кіевѣ воскресъ;
 Врага въ странѣ иной сражавшій,
 Здѣсь выше онъ себя вознесъ.
 Въ минушы живопа послѣдни
 Примѣръ далъ прочимъ самый вѣрный,
 И въ смерти какъ не умирашь?
 Но въ незабвеннѣ благодарномъ
 И чувствѣ о себѣ опрадномъ
 Заславивъ имя прославляшь.

*

Воишель, въ брани упомянутый,
 Въ доспѣхахъ вѣкъ проведши свой,
 Бывъ язвенъ, но непобѣжденный,
 Желанный вкусилъ здѣсь покой.
 Онъ мысленно во дни кровавы,
 На поприще грозы и славы,
 Переносясь къ друзьямъ, речетъ:
 Мы раны, горести шерѣбли,
 И смерть лицомъ къ лицу мы зрѣли;
 Теперь, друзья, не видимъ бѣдъ.

*

Отъ ранъ, сѣдинъ мы не герои,
 Не можемъ въ спрояхъ иверды бытъ;
 Вождя, чредивша наши спрои,
 Щедротами здѣсь будемъ жить;

И воинамъ еще цвѣшущимъ,
И шверду грудь на рать несущимъ
Мы шако будемъ возвѣщать:
Тѣ, кои насъ на брани водятъ,
Евъ сѣдинахъ послѣ здѣсь покоятъ;
Покой и васъ здѣсь будетъ ждатъ.

*

Тебѣ оставлена ша честь,
О Князь, родствомъ соединенный
Съ Фельдмаршаломъ, чшобы привесить
Къ концу завѣтъ его священный;
Опцемъ бышь воиновъ сѣдыхъ
Лѣшамъ преклоннымъ, ранамъ ихъ
Подашь цѣлебно утѣшенъе.
Родствомъ, породой и душой
И Богомъ званъ шы къ чести сей,
Чшобъ бышь главою учрежденъя.

Кіевъ , 5 го Іюля 1810 года.

II. НАУКИ И ИСКУССТВА.

~~~~~  
ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.  
~~~~~

О муравьяхъ.

Незанимающіеся разсмаприваніемъ жи-
вопныхъ, въ особенностіи же нравовъ ихъ и

способовъ пропитанія, вбродягнѣ спанушѣ удивляшсья, какъ можно было написать о муравьяхъ цблую книгу (*). Покажите дбшямъ картинную галерею. Сб первого взгляда вниманіе ихъ успремится на разнообразіе красокъ, на богатыя рамы; спашсья можешъ, онѣ замбшашъ нбкопорыя большія челоувческія фигуры: но отношенія между сими фигурами, расположеніе ихъ, совершенство опдблки будущъ для нихъ предметами совершенно поспоронными. Таковы почно и мы бываемъ на обширномъ позорищѣ Нашуры. Занимаясь шбмъ, чпо непосредственнѣ кб намъ относится, мы все прочее оспавляемъ безъ вниманія. Мы взираемъ сб удовольствіемъ на прекрасное мбсположеніе, на испещренную цвбпами долину, на покрывное жапвою поле: но сѣ удовольствіе продолжается одну минушу. Совокупность предметовъ поражаетъ насъ; мы удивляемся, и черезъ минушу переспаемъ занимашсья ею. Сколько же еспь мблочей, копорыхъ мы не видимъ, и копорыхъ замбчашъ не умбемъ! Мохъ, попираемый ногами нашими, еспь живое, удивительнымъ образомъ успроенное расшбнѣе. Разсмотримъ его, разсмотримъ виды его,

(*) Въ Парижѣ недавно вышла изъ печати весьма любопытная книга о муравьяхъ, сочиненная Гюберомъ. Здбсь предлагается извлеченіе изъ оной. *Изд.*

многочисленные и разнообразные. Одинъ, прямой и низкой, выходитъ подобно маленькимъ сполбикамъ; онъ приноситъ плодъ, копорой хранился на вершинѣ спвола въ сосудѣ подѣ крышкою. Другой продолговатой спелется по землѣ. Есть порода моха, коего листочки сложены съ удивительнымъ искусствомъ. Есть еще иная порода моха, распускаго маленькими кусточками, похожими на пучки развѣвующихся перьевъ. Распительность сихъ прозябеній, тайный способъ сочешанія ихъ, изящное устройство сосудовъ, въ которыхъ сокрыты бывающъ сѣмена ихъ — вошъ предметы, по разнообразію своему достойные всего любопытства и прилѣжнѣйшихъ наблюдений. Куда бы мы ни обратили взоры свои, вездѣ найдемъ удивительныя произведенія Натуры; надобно, только разсмапривать оныя. Но когда перейдемъ къ существамъ болѣе усовершенствованнымъ; когда спанемъ разбиратъ соспавъ живошныхъ, ихъ дѣйствія принужденныя или свободныя, ихъ способы доставатъ себѣ пищу, ихъ стараніе охранять дѣшей своихъ: то какое чудесное зрѣлище предспавишся нашимъ взорамъ!

Прилѣжное наблюдѣе надъ живыми существами послужитъ можемъ къ объясненію и самаго человека, не въ физиче-

скомъ только, но и въ моральномъ его отношеніи. Я увѣренъ, что опыты надъ инстинктомъ животнохъ суть надежнѣйшее средство къ познанію дѣйствию нашего разума. Изъ числа философовъ, которые старались проникнуть сію пайну, одни хотѣли все изъяснить опвлеченными предположеніями, сославившимися единственно въ ихъ воображеніи и въ томъ понятіи, какое сами они сдѣлали о человѣческомъ разумѣ; такъ поступали нѣкоторые древніе философы и большая часть нынѣшнихъ Нѣмецкихъ метафизиковъ. Другіе, на примѣрѣ Малбранша и Локка, хотѣли опредѣлить разумъ по наблюденіямъ надъ сею способностію души человѣческой; но и симъ средствомъ не объяснилась трудная задача. Кондильякъ выдумалъ спашую, одаренную чувствами и способностію мыслишь, и старался угадывать, какія дѣйствія должны происходить въ ней отъ разныхъ впечатлѣній. Способъ очень хорошій, обещающій великія открытія; но по несчастію такой спашуи никогда не было въ Природѣ и быть не можетъ; спашуя молчала, и философъ долженъ былъ самъ опвѣчать на свои вопросы; а кто поручится, что точно то же опвѣчала бы и спашуя?

Выдуманную Кондильякомъ спашую замѣнить можно наблюденіемъ надъ животно-

ными. Съ сей почки зрѣнїя надобно смотрѣть на предлагаемую здѣсь выписку изъ сочиненїя г-на Гюбера о муравьяхъ, сочиненїя, содержащаго въ себѣ множество почныхъ наблюденїй, любопытныхъ замѣчанїй и новыхъ открытїй.

За нужное почитаемъ напередъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнїя о наружномъ образованїи муравья, прежде нежели спанемъ говорить объ упражненїяхъ, нравахъ и пропитанїи сихъ живошныхъ.

Съ помощїю увеличительнаго стекла или микроскопа находимъ, что шло муравья имѣетъ при главныя части: голову, грудь съ шестью ножками и брюхо, у нѣкоторыхъ породъ вооруженное оспреемъ, а у другихъ содержащее въ себѣ кислую влагу, которую насѣкомое извергаетъ въ случаѣ надобности обороняться. Голова имѣетъ видъ преугольника; по сторонамъ ея видны два глаза, большїе и круглые; а на верху еще при глаза меньшей величины. Не лзя упвердительно сказать, можетъ ли насѣкомое посредствомъ сихъ орудїй видѣть въ темноб; сіе однакожь кажется весьма вѣроятнымъ, ибо муравьи большею частїю должны работать въ подземельяхъ. Приспально разсмапридая голову, можно замѣтитъ въ ней ротъ, языкъ и два полсные

серпообразные зубы, которые, какъ щипцы, сдвигаются и разводятся по произволу насѣкомаго. Симъ орудіемъ оно беретъ вещи, переноситъ тяжесть и сжимаетъ своего непріятеля. Еще на передней части головы есть два рога или усика. Они состоятъ изъ множества колецъ, и обращаются во все стороны весьма удобно. Усики суть осязательныя орудія, употребляемыя насѣкомымъ для оцупыванія предметовъ, для испытанія земной поверхности, для узнаванія пути и, скажу смѣло, для *разговора*; ибо какъ иначе назвать дѣйствіе, посредствомъ котораго взаимно сообщаются чувствія дружественныя или враждебныя, возлагаются разные препорученія, выражаются нужды или желанія, узнаются соотечественники послѣ долговременнаго отсутствія, и взаимно различаются среди толпы непріятельской и на самомъ полѣ сраженія?

Все сіе легко покажется баснею; однакожь я говорю здѣсь о томъ, что подтверждается наблюденіями г-на Гюбера, и ничего о себѣ не прибавляю. Ни остроумныя сказки и выдумки, ни мечпы воображенія не имѣютъ здѣсь мѣста; дѣло идетъ о самыхъ достоверныхъ опытахъ человека, извѣстнаго уже и по другимъ изслѣдованіямъ, въ которыхъ онъ показалъ и правдолюбіе свое и дарованія. Изъ всего, что раз-

сказываетъ онъ объ употребленіи рожковъ или усиковъ, я предложу здѣсь только два случая, оставляя прочее до того времени, когда говоришь буду о сраженіяхъ между муравьями.

Г. Гюберъ въ комнатахъ своей на полу рассыпалъ часпъ небольшого муравейника. Ужасное смяшеніе! муравьи бѣгали въ крайнемъ замѣшательствѣ шуда и сюда, пока не нашли удобнаго для себя мѣста. Одинъ муравей нашелъ въ полу сиважину; онъ возвратился къ поварищамъ своимъ, движеніемъ усиковъ показалъ имъ дорогу къ опкрытому убѣжищу, и повелъ нѣкоторыхъ за собою. Сіи, возвратившись назадъ къ муравейнику, были для другихъ пушепроводителями. Муравьи, повстрѣчавшись одинъ съ другимъ, каждой разъ оспанавливались, прикасались взаимно своими усиками, и по видимому симъ средствомъ освѣдомлялись о пуши, по которому иди имъ надлежало. Такимъ образомъ весь муравейникъ скоро очутился подъ поломъ.

Теперь упомяну о другомъ случаѣ. Для большей удобности дѣлать наблюденія надъ муравьями, г. Гюберъ держалъ ихъ въ стекляныхъ сосудахъ, похожихъ на стекляные ульи, употребляемые охотниками наблюдать работу пчелъ. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ

принесъ домой изъ лѣсу цѣлой муравейникъ; но какъ въ немъ было муравьевъ очень много, то г. Гюберъ одну только часпъ ихъ помѣспилъ въ спеклянѣ своемъ снарядѣ, а прочимъ далъ свободу, высыпавъ ихъ въ саду подѣ кашпановымъ деревомъ. Запертые въ сосудѣ муравьи четыре мѣсяца спояли въ комнашѣ, гдѣ онъ дѣлалъ надъ ними разныя наблюденія; цопомъ онъ перенесъ ихъ въ садъ, и посспавилъ въ двенадцати или пшпнадцати шагахъ отъ кашпановаго дерева. Раздѣленные муравьи никакъ не могли имѣть сообщенія между собою; ибо ножки спѣла, на которѣмъ сосудъ находился въ комнашѣ, спояли на шарѣлахъ наполненныхъ водою. Не смѣря на долговременную разлуку, муравьи узнали своихъ спощестспвенниковъ. Они взаимно ласкали одинъ другаго своими усиками, и послѣ многпхъ переговоровъ свободные муравьи перевели къ себѣ все общеспво изъ искусспвеннаго муравейника. Здѣсь ненужны подробныя извѣненія; замѣчу только, что муравьи различныхъ породъ такъ дружески не общались бы между собою, и никакъ не ужились бы въ одномъ муравейникѣ.

Изъ сихъ примѣровъ видно, что усикп суспъ необходимое орудіе, и муравей безъ усиковъ по же что глухо-нѣмой между нами. Одинъ изъ прилѣжнѣйшихъ наблюда-

шелей, г. Лапрейль рассказываетъ, что когда онъ опрѣзаль усики у муравья, по другіе, собравшись около больного, намащали раны какою-то прозрачною влагою, которою выпускали они изъ рта.

Qu'on m'aille foutenir, apres un tel récit,
Que les bêtes n'ont point d'esprit (*). *La Fontaine.*

И такъ муравьи одарены самымъ тонкимъ чувствомъ осязанія, заключающимся въ усикахъ, которыми служатъ у нихъ средствами сообщать свои желанія; но въ некоторыхъ случаяхъ средства сии для нихъ недоспашочны. На примѣръ, когда муравью удалось найти новое мѣсто для поселенія своей націи, удобнѣйшее и безопаснѣйшее прежняго, или когда замѣтилъ онъ богатой запасъ пищи, которою можно воспользоваться; въ такомъ случаѣ насвемое поспѣшно бѣжитъ къ своимъ поварищамъ, уведомляя ихъ объ открытіи сей новой Америки, подходитъ по къ одному, по къ другому, ласкаетъ всѣхъ своими усиками; и кажется будто предлагаетъ имъ путешествіе. Но какимъ способомъ указать имъ дорогу? вести всѣхъ за собою? Невозможно; муравьи разбрелись бы, потерявъ другъ

(*) Т. е. Пускай и послѣ сего еще утверждающъ, будто животные не имѣютъ смысла!

друга изъ виду на неровномъ мѣстѣ, усѣянномъ крупнымъ пескомъ и камешками. Чшожь они дѣлають? одинъ муравей кладетъ себѣ на спину другаго, и такимъ образомъ оба отправляются въ дорогу. Прибывши, куда надобно, осматривають мѣсто, возвращаюся домой, и оппуда приносятъ на себѣ двухъ поварихей. Всѣ четверо оная возвращаюся и дѣлають то же. Такимъ образомъ число выходцевъ возрастаетъ по геометрической пропорціи, и мене нежели въ двадцать путешествій миллионъ муравьевъ можетъ переселился на новое мѣсто.

Приступимъ теперь къ здѣшнему. Нѣкоторыя муравьи выдалбливають себѣ жилища въ деревѣ. Другіе спрячя гнѣзда свои подъ землею, употребляя разные способы накрывать свои обипалища. Одни складываютъ въ кучу всякую мѣлочь, какъ-то соломинки, камешки, зерна, кусочки дерева, и дѣлають дорожки и выходы наружу, копорые въ каждой вечерѣ обыкновенно бывають заперты. Иные, на примѣръ дерновые муравьи, въ подземельяхъ своихъ дѣлають изъ мокрой земли настоящіе своды, весьма прочные. Вотъ какъ производятъ они сию работу: каждой муравей выноситъ изъ внутренности подземелья по одной земляной часпицѣ, копорый

и кладетъ у опверзшя. Мало по малу изъ наношенной земли составляется примѣшная полоса или борозда, съ возвышенными по обѣимъ сторонамъ краями. Часпицы влажной земли складываются попомъ очень плотно и спановящаяся спѣнками весьма пвердыми. На послѣдствѣ дѣлаются своды. г. Гюберъ однажды примѣтилъ, что сдѣланные разными муравьями спѣнки, въ прочемъ параллельныя между собою, несоощвѣпствовали одна другой въ разсужденіи высоты, такъ что сводъ низшей спѣнки непримкнулъ бы ко своду высшей. Въ то самое время, какъ наблюдатель думалъ о семъ запрудненіи, одинъ вновь пришедшій муравей осмопреблѣ работу, и по видимому очень забопился о способахъ унищожить неудобство. Онъ попчасъ разрушилъ часть свода на одной сторонѣ, поднялъ пропивуположной сводъ повыше, и попомъ соединилъ оба передъ глазами разумнаго существа, наблюдавшаго удивительное дѣйствіе насѣкомаго. Какъ теперь сію догадливость муравья извяснить махинальнымъ инстинктомъ? Ежели инстинктъ побудилъ его сперва разрушить сводъ, попомъ соединить; то какимъ образомъ попъ же инстинктъ побудилъ другихъ муравьевъ дѣлать спѣнки по неровному направленію?

г. Гюберъ многими наблюденіями удостовѣрился, что каждой муравей дѣй-

спвуеть независимо ошъ прочихъ своихъ поварищей. Одинъ изобрѣшаетъ планъ и пошчасъ дѣлаетъ расположеніе; другіе продолжаютъ начашое. Вновь пришедшіе, говоритъ Гюберъ, осмошрѣвши начашую работу, вдругъ догадываются, за что приняшься имъ должно. Они умѣютъ начинать, продолжаютъ, оканчиваютъ и поправляютъ, смотря по надобности; ясные скажутъ, у муравьевъ нѣтъ ни начальника, ни главнаго маспера; однакожь въ работѣ ихъ видно общее намѣреніе. Ежели оно есть инспиктъ, то названъ его должно инспиктомъ *общественнымъ*, побуждающимъ каждого муравья спремиться къ совокупному благу. Такой инспиктъ не презрѣнїя, но уваженїя достоинъ; онъ былъ бы полезенъ и для человѣческаго рода.

Ежели кому-нибудь случится разрыть сїи споль искусно усшроенныя жилища; то усшрашенные муравьи бѣгаютъ во всѣ спороны въ великомъ замѣшательствѣ. Особенно бываютъ замѣшны тѣ изъ нихъ, копорые во ршу своемъ носятъ маленькіе, бѣлые капочки, спараясь спряшатъ оныя въ подземельи. Ешо яйца; въ нихъ содержатся зародыши муравьевъ и такъ называемыя куклы (*пупы*), уносимыя тѣми, коимъ оныя вврены для сбереженїя. Преслѣдуйте ихъ, спавьте для нихъ пре-

грады, безпокойше ихъ сколько угодно; они непокинутъ драгоценной своей ноши. Г. Гюберъ увѣряетъ, что муравьи, лишенные всей задней части своего тѣла, покидали куколъ, но уносили ихъ въ подземелье. Недумаю, чтобъ нашлись многіе охотники повторять сей мучительный опытъ!

Ежели хотите рассмотреть куку, то не теряйте времени; ибо черезъ минуту ни одной не увидите. Открывши съ осторожностью яйцо, найдете въ немъ червячка подъ тонкою оболочкою. Сей червячокъ черезъ нѣсколько времени будетъ муравьемъ. Въ нѣкоторыхъ уже сзрѣвшихъ яйцахъ найдете насоящихъ муравьевъ, готовыхъ выйти изъ своей темницы. Однакожъ сами они выходить не могутъ: надобно, чтобъ ихъ выпасили опшуда. Въ каждомъ муравейникѣ есть определенное число муравьевъ, занимающихся сею работою. Они знаютъ пору, когда надобно разорвать оболочку и выпустить на свѣтъ новаго прищельца, котораго тотчасъ начинаютъ кормить, гладятъ его, чистятъ и опводятъ въ жилище. Между тѣмъ другіе питаютъ молодыхъ муравьевъ, еще невышедшихъ изъ оболочки; иные переносятъ куку въ мѣста болѣе нагрѣтыя, или кладутъ ихъ на нѣсколько минутъ противъ солнца; наконецъ еще иныя, возвратясь домой съ добычею, раз-

даютъ вѣрнымъ спражамъ пищу, въ коей они нуждаются.

Въ одномъ муравейникѣ живутъ муравьи не одной касты. Между ними есть самцы и плодородныя самки. Послѣднія родятся съ крыльями. Прочіе муравьи суть бесплодныя самки, рабочія. Сіе раздѣленіе на три касты такое точно какъ и у пчелъ, но въ подробностяхъ есть несходства. На примѣръ, многія плодородныя самки могутъ жить въ одномъ муравейникѣ, не ссорясь между собою и не причиняя зла другъ другу. Каждая самка водить за собою свиту, но неимѣетъ никакой власти въ обществѣ; по видимому начальство принадлежитъ рабочимъ. Напрошивъ пого у пчелъ плодородная самка есть верховная повелительница въ ульѣ. Она перить не можетъ совѣспницы, и безпрестанно спарается истреблять куклы въ ячейкахъ маточныхъ, изъ копорыхъ со временемъ вышли бы такія же матки и лишили бы ее господства. При сихъ только покушеніяхъ встрѣчаетъ она сильное упорство со стороны пчелъ рабочихъ, копорымъ вверены ячейки. Досада матки на соперницъ бываетъ причиною отдѣленія роя. Спарая матка оставляетъ улей и улетаетъ съ пчелами изъ своихъ подданныхъ, копорыхъ удастся ей слонить къ переселенію. И

муравьевъ пѣснопа заспавляетъ переселять-ся; но у нихъ только самки и самцы, имѣющіе крылья, могутъ оставить свое общество. Они улетають всѣ вдругъ, и подобно пчеламъ соединяются на воздухъ. Плодородныя самки никогда уже не возвращаются въ прежній муравейникъ, и не собираются въ одно мѣсто; каждая, опустившись на землю, какъ по наблюденію г-на Гюбера оказалось, потчасъ лишаетъ себя крыльевъ, которыхъ уже болѣе для нее не нужны; потпомъ врываея во влажную землю, дѣлаея для себя гнѣздо, кладетъ яйца, пишаея своихъ червяковъ, имѣея попеченіе о куклахъ, выводитъ ихъ въ надлежащее время, и такимъ образомъ доставляетъ себѣ семейство и подданныхъ. Тогда уже самка свободна отъ всѣхъ заботъ хозяйственныхъ: не печетъ ни о пицѣ, которую приносятъ ей, ни о воспитаніи дѣшей, которое поручается рабочимъ.

По причинѣ удаленія роевъ, остающееся общество должно бы въ одинъ годъ перевеситься, какъ-то бываетъ со шмелями; однакожъ муравьи сему несчастію неподвержены. Прежде удаленія роя всегда бываетъ въ муравейникѣ нѣсколько оплодотворенныхъ самокъ. Рабочіе муравьи хватаются за нихъ своими лапками, уводятъ въ подземелье, лишаютъ ихъ крыльевъ и

держатъ какъ настоящихъ пльнниковъ. Но о сихъ пльнникахъ имьютъ великое попеченіе: кормятъ ихъ, водятъ по разнымъ часпямъ муравейника; однакожъ всегда при надзирашеляхъ, и ни на минупу невыпускаютъ изъ виду. Свобода имъ опдается не прежде, какъ замьчены явные признаки беременности; но тогда уже прошла охота спранспововать. Самкамъ не дьблается никакого принужденія; однакожъ все еще за ними присматриваютъ. Каждую самку провожаетъ одинъ рабочій муравей, предупреждаетъ всь ея желанія и наблюдаетъ всь шаги ея: сей спражъ иногда садится на заднихъ лапкахъ, поднявши вверхъ голову, чшобы, какъ говоритъ Гюберъ, лучше видьшь всь движенія самки. Рабочіе муравьи опправляютъ должность часовыхъ, смьняясь поочередно. Наконецъ, когда самка вывела дьшей, то опредьляютъ къ ней свишу, состоящую изъ двьнадцати или пьнадцати муравьевъ, которые вездь провожаютъ ее, служатъ ей, носятъ ее по разнымъ опдьленіямъ муравейника, и опдаютъ ей такія почести, какія получаютъ машка между пчелами.

Теперь сльдуетъ упомянуть о средствахъ, употребляемыхъ муравьями для полученія себь пищи какъ внутри, такъ и внь муравейника. Не умья дьблать запас-

ныхъ магазиновъ, какіе бывають въ пче-
линыхъ ульяхъ, муравьи не могутъ нахо-
дить свѣсннхъ припасовъ внутри обипа-
лица; слѣдственно тѣ изъ нихъ, которые
сидятъ дома, должны получаць пищу отъ
рабочихъ, выходящихъ искаць добычи. И
дѣйствительно рабочіе дѣлается съ ними
всѣмъ, что достаютъ сами; иногда при-
носятъ они маленькихъ насѣкомыхъ или
другихъ живошныхъ; добыча раздѣляется
на часпи. Но нашедши зрѣлый плодъ или
что нибудь такое, чего не можно переша-
пцить домой, рабочіе муравьи вбирають
въ себя сокъ, и возвратившись въ мура-
вейникъ, дѣлается имъ съ шоварицами, ко-
торые насыщаясь съ жадностію, ласкають
пишашелей своихъ быспрымъ помаваніемъ
усиковъ, какъ думаетъ должно, въ знакъ
удовольствія и благодарности.

Нѣкоторыя муравьи совсѣмъ неработа-
ють, неходятъ на добычь и даже неберуть
пищи, которая лежитъ подлѣ нихъ очень
близко. У нихъ есть *рабы*, муравьи другой
породы, которые пишашють ихъ, служатъ
имъ, носятъ ихъ и имѣють объ нихъ по-
печеніе. Для пріобрѣтенія сихъ рабовъ пред-
принимаются трудные походы въ соседніе
муравейники. Нападеніе бываетъ внезапное
и обыкновенно удачное. Всунувши въ не-
пріятельскую обласць, воинственные му-

равьи стараются захватить не пльвиниковъ, копорые разбѣжались бы, но яйца и куклы *рабочихъ* муравьевъ. Принесли домой сію добычу, они опдають ее подѣ надзорѣ своимъ рабамъ. Молодые муравьи, родившіеся въ землѣ непріятельской, привыкають почищать ее своимъ опечесивомъ; ибо незнають другаго. Живучи съ родными, они защищали бы ихъ; но будучи воспитываемы въ рабствѣ, спановиаяся врагами насущающему своему опечесиву. Теперь спрашивается: какимъ образомъ военные муравьи знаютъ, что въ непріятельской землѣ похищать надобно не взрослыхъ муравьевъ, но яйца и куклы, копорыя немогутъ еще чувствовашь привязанности къ своей родинѣ?

Г. Гюберъ находилъ шакіе муравейники, въ копорыхъ есть рабы двухъ породъ различныхъ. Но они принадлежатъ къ опдѣленію рабочихъ; самцы же и самки обыкновенно соспавляютъ опдѣленіе военное.

Желая узнать, умбють ли военные муравьи опсправлять какую-нибудь работу, Гюберъ посадилъ ихъ подѣ стекляной колоколь, положивши шамъ нѣсколько меду для пици, влажной земли для поспроенія жилищъ, и куклы для размноженія рода. Чтожь вышло? военные муравьи ни за что

приняшься неумѣли; они не могли даже пишаться и многіе уже умерли съ голоду; умерли бы и всѣ, еслибъ г. Гюберъ не впустилъ подѣ колоколъ одного полько муравья рабочаго изъ каспы невольниковъ. Сей пришлецъ возстановилъ порядокъ, накормилъ муравьевъ, вырылъ жилища, переносилъ въ нихъ яйца, вывелъ дѣшей и оживилъ все общество. Однакожъ военные муравьи прежде были способны къ такимъ работамъ; ибо поелику власи ихъ не проспирается на взрослыхъ, то и нужно необходимо, чѣобы при первоначальномъ успроеніи общества сами они выводили дѣшей изъ яицъ похищенныхъ у непріятеля. Выше замѣчено подобное несходство, когда говорено было о дѣйсвіяхъ оплодотворенныхъ матокъ въ то время, когда онѣ начинаютъ заводитъ новое семейство.

И такъ нападеніе на жилища и опнианіе богатства между муравьями, точно какъ и между людьми, служащъ и поводомъ къ войнѣ и причиною. Войны бывающъ продолжительныя и жестокія, и между муравьями одинакой породы оканчивающя не иначе какъ испребленіемъ одной стороны или переселеніемъ на другое мѣсто. Г. Гюберъ прилжно замѣчалъ военныя дѣйсвія и описалъ ихъ съ точносцію. Разныя хитрости, употребляемыя муравь-

ими, военное искусство и мужество почти невброяны. „Всего удивительнаго въ сихъ войнахъ, пишемъ г. Гюберъ, инстинкты, по которому каждой муравей узнаетъ своего соотечественника. По какимъ признакамъ сіи насекомыя одинакаго цвѣща, одинакаго роста, одинакаго запаха, наконецъ одинакой породы, узнаютъ другъ друга въ безчисленной толпѣ, гдѣ они бѣгаютъ, встрѣчаются, нападаютъ, защищаются, опшодятъ плѣнныхъ? Они ходятъ недовѣрчиво даже и тогда, когда приближаются къ своимъ поварищамъ; иногда нападаютъ и на своихъ, но узнавши другъ друга, тотчасъ перестаютъ драться, и даже ласкаютъ взаимно одинъ другаго своими усиками. Что думаетъ надобно о союзѣ однородства между сими крошечными живыми и о нѣжности чувствъ ихъ?

Разсмащриваніе столь малаго насекомаго, едва занимающаго пространство въ мѣрѣ, можетъ подать намъ случай къ важнымъ размышленіямъ объ устройствѣ собственнаго нашего тѣла и о свойствахъ разума нашего. Сколько же есть въ мѣрѣ предметовъ намъ неизвѣстныхъ, но достойныхъ всего любопытства? Въ какомъ уголѣ земли нѣтъ ихъ?

Изъ того, что выше написано о муравьяхъ, можетъ быть нѣкоторымъ чина-

шелямъ угодно будетъ заключить, будто здѣсь разумъ челоѳческой хошяшъ почиташъ за одно съ инстинктомъ, и будто полагаешся никакого различїя между челоѳкомъ и живошными. Совсѣмъ напротивъ. Работы муравьевъ и бобровъ нынѣшнихъ совершенно сходны съ работами муравьевъ и бобровъ, жившихъ передъ симъ за двѣ тысячи лѣтъ. Къ умѣнью ихъ ничего неприбавилось, между тѣмъ какъ рѣка челоѳческихъ знанїй, увеличившаяся изобрѣшенїями и опкрыпїями всѣхъ ѳковъ, непереставала и неперестанешъ прибавляшся.

Labitur et labetur in omne volubilis aevum.

Сїе приращенїе въ количествѣ знанїй и способовъ ешъ исключительная принадлежностъ челоѳка. *М.*

III. К Р И Т И К А.

Изъясненіе проливъ критики, помѣщенной въ Вѣспникъ Европы на книжку, изданную подъ заглавіемъ: Исслѣдованіе баннаго строенія, о копоромъ повѣспвуешъ Лѣшописецъ Неспоръ. Смол. Но 1 Генварь 1810, стран. 60 ().*

Весьма уважительныя причины воспріяспсвовали сочинителю сказаннаго исслѣдованія поспѣшить симъ изъясненіемъ пакъ скоро, какъ бы того ожидать можно

(*). Сія спашья получена изъ Санктпетербурга при письмѣ слѣдующаго содержанія: „Помѣщенная въ издаваемомъ вами Вѣспникъ Европы критика на мою книжку, пребуешъ изъясненія, копрое ни гдѣ приличіе не можетъ бытъ напечатано, какъ въ вашемъ же Вѣспникѣ. Сіе побудило меня, ошправить свое изъясненіе къ вамъ и искашь ему вашей благосклонности. Напечатаніемъ онаго доставите мнѣ пріятную обязанность бытъ вамъ признательнымъ.“ Охотно помѣщаемъ сіе *Изъясненіе* въ своемъ Журналѣ, хошя и не знаемъ, кого должны мы благодарить за участіе въ шу-

было. Желая однако воспользоваться представившимся случаемъ, онъ имѣетъ честь свидѣтельствовать г. Крипику признательность свою за то вниманіе, кошорымъ почилъ изслѣдованіе баннаго строенія, неупустивъ замѣнить и *лоненькой печальной тетрадки* въ громадѣ изданныхъ книгъ.

Созиданіе градовъ никогда не относилось у насъ въ обязанностямъ Архіереевъ, такъ сказалъ сочинитель Изслѣдованія и не видя въ нужды поправлять себя въ ономъ: ибо сіе сказано о градѣ сошвѣтственно извѣщеніямъ большей части приведенныхъ историковъ, а не о градскихъ сѣнахъ, присоединенныхъ г. Крипикомъ. Изслѣдованіе не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія, если доказываетъ, что слово городъ означаетъ огражденіе, а не градъ. Осприцавъ же возможность Епископу Ефрему въ построеніи града, не значить осприцавъ возможность въ построеніи какого нибудь огражденія: но приписывать Ефре-

дахъ нашихъ. Сочинитель крипики, *коротко знакомый* издавателямъ Вѣстника Европы и читавшій въ рукописи *Извѣстие*, обѣщался мнѣнія свои подтвердить новыми доказательствами, а мы обѣщали ему дать нѣсколько страницъ въ своемъ Журналѣ. *Изд.*

му поспройку градской спѣны пошому шолько, что, спуспя два съ половиною вѣна, подобное спроенїе произвелъ Новгородскїй Архїерей — епо спранная Логика.

Сказано въ Изслѣдованїи, что въ 1089 году и самая *Печерская Лавра* обведена *можелтъ былтъ* была проспымъ деревяннымъ заборомъ. Напротїивъ того г. Крипикъ говоритъ: *весьма сомнительно*, чтобы въ 1089 году *Печерская большая церковь* обведена была проспымъ деревяннымъ заборомъ. Извѣстно должно бытъ г. Крипину, что Лавроу называется монастырская вся обитель, а не одна церковь: почему изъ двухъ пространствъ, занимаемыхъ Лавроу и церковїю, одного вмѣсто другаго брать не должно. Но когда одинъ говоритъ можеть бытъ, а другой сомнѣвается; то сіе согласить не трудно. За всѣмъ тѣмъ, по изясненїю Неспоровой лѣтописи о нападенїи въ 1096 году на Печерскїй монастырь Половцовъ, кой высквали монастырскїя двери, не лзя рѣшительно полагать, чтобы въ сіе время обведенъ уже былъ оной монастырь каменною стѣною, тѣмъ болѣе въ 1089е лѣто; свидѣтельство же Синописа есть свидѣтельство несвременное Лѣтописцу.

Слово *баня* безъ сомнѣнія всѣмъ знакомо, какъ въ значеніи того зданія, въ коемъ люди моются, или парятся, такъ и въ духовномъ значеніи, которое конечно есть метафорическое. Но сіе же самое слово, въ мѣстахъ пребыванія Неспора, не менѣе знакомо въ смыслѣ церковной главы или купола, а дѣйствительное употребленіе онаго въ семъ смыслѣ, понынѣ продолжающееся, должно почтись выше всякихъ справокъ и выписокъ.

Далѣе написалъ г. Крѣпикъ: *сказать банное строеніе о цѣломъ зданіи гораздо приличнѣе, нежели о малой части, каковы на примѣръ глава храма.* Епо правда, ибо общее слово строеніе приличествуетъ всякому зданію; но какъ и часть зданія есть также строеніе, то и къ оной слово сіе по приличію прилагается. Почему Неспоръ, желая замѣнить новую зданія часть, куполы, употребилъ общее слово и, для показанія опличительнаго оной части свойства, далъ прилагательное заимствованное изъ народнаго нарѣчія, написавъ *банное строеніе*, къ чему и слово *знаменіи* также относится. Лв-поппсецъ не употребилъ даже словъ *церковная глава*, или *куполъ*, безъ сомнѣнія по тому, что словами *банное строеніе*

иіе замѣнилъ оныя, или по нарѣчію спранны предпочелъ сіе выраженіе. Если бѣ же онѣ говорилъ о парильной банѣ; то не спарался бѣ оной выказывать съ поличкою опличительностію въ словахъ: *и спроеіе банное каменно*, но сказалъ бы просто *и баню каменну*, какъ просто написалъ Новгородскія бани древяны:

Между прочимъ г. Крипикъ сказалъ: *куполы же; повторяемъ еще разъ, банями не называются въ Малороссіи*. Охотнобѣ уступили столь рѣшительному увѣренію; если бѣ только повсирѣчалось оное въ другомъ случаѣ; но тушѣ въ виду историческая истина; которая пребуешъ охраненія. Слѣдуешъ за симъ извѣщеніе, основанное на самовѣрнѣйшемъ наблюденіи. Нашколенный сколько нибудь Малороссіининъ безъ сомнѣнія будешъ говорить вамъ съ нѣкопорымъ раздѣленіемъ о баняхъ, о верхахъ; о куполахъ. Надобно спроситъ протсгаго Малороссіинина; который дышенѣ чиспымъ, такъ сказашъ; провинціальнымъ воздухомъ: онѣ безъ всякихъ околичностей скажешъ вамъ, что церковный куполъ есть церковная баня; а когда много на одной церквѣ покажете ему куполовъ, то скажешъ вамъ не обинуясь, что на ней много еспѣ бань; церковную же главу, или верхушку;

надъ куполомъ поставленную, назовемъ или банею, или банькою. Въроятно г. Крипикъ заимствовалъ свое увѣреніе отъ жищелей, прилежащихъ къ Великороссійскимъ губерніямъ уѣздовъ, коихъ нарѣче соспавляешъ нѣкопорый переходъ отъ Великороссійскаго къ Малороссійскому и обратню ; но говоря собсвенно о Малороссійскомъ наспоящемъ выраженіи, куполы почно банями называються, какъ сіе можно видѣшь и въ Малороссійской Енеидѣ г. Копляревскаго.

Сочинишель Изслѣдованія опдалъ самъ собою справедливосшь Болшину за его шрудъ, не будучи убѣжденъ въ испинѣ его мнѣній. Но когда г. Крипикъ даетъ перевѣсъ его воображенію, не желая принимашъ чистаго изложенія смысла Неспорова сказанія за испинное, шо въ помѣ его ешь добрая воля. Въ дополненіе сомнѣній г. Крипика можно сказашь, что нѣкопорые люди предспавляли себѣ Ефремовы бани въ видѣ Греческихъ и Римскихъ общенародныхъ бань. Они могушь предспавляшь себѣ ихъ, если угодно, въ видѣ самыхъ удивительнѣйшихъ, шольно все сіе не можешъ болѣе соспавишь, какъ однѣ сказки.

Неспорово преданіе о банномъ спроенїи ешь коренное, кошорое беретъ пре-

имущество предъ Россійскою Вивлѳеикою. Всѣмъ извѣстно, какое иногда снискиваетъ уваженіе самая погрѣшность, въ древность времени погруженная. Епископъ Ефремъ почтенъ Мишрополипомъ по одной ошибкѣ переписчиковъ. При всемъ томъ банное строеніе имѣетъ свое мѣсто, какъ монастырскія бани имѣютъ свое. Парильныя бани чѣмъ обыкновеннѣе въ Россіи, сколько судить можно изъ самой Лѣтописи Нестора, тѣмъ менѣе могли быть Несторомъ пошавлены въ числѣ замѣченныхъ имъ знаменій. Монастырскими банями въ позднѣйшія времена и тѣ почивались, кои частными людьми построены были на принадлежностяхъ монастырскихъ, имѣвшихъ почти всегда лучшія предъ прочими угодія. Въ послѣдствіи вкрадывались по монастырямъ такія плошюугожденія, какихъ въ строгимъ временамъ иноческой жизни Ефрема и Нестора относишь никакъ не лзя. Все же открываетъ ясно, что по упоминаемымъ въ Вивлѳеикѣ монастырскимъ банямъ, не должно принуждать насильно, какъ Епископа Ефрема, чтобъ онъ вмѣсто куполовъ конечно спроилъ парильную баню, такъ и Лѣтописца Нестора, чтобъ непременно говорилъ о той же самой банѣ, которая не была построена.

Куполъ не составляетъ еще такой принадлежности церкви, безъ которой бы она существовать не могла. Покой, въ часномъ домѣ опредѣленный для оппавленія божественнаго служенія, пакъ же называется церковію, какъ и воздвигнутое для прихода или собора огромное зданіе. При всемъ великолѣпномъ убранствѣ церкви и при всемъ ея богатствѣ въ ушваряхъ, она можетъ имѣть просную крышу и существовать безъ купола. Свидѣтельствуютъ бывшіе не весьма давно въ чужихъ краяхъ и въ самой Италіи досповѣрные люди, что они шамъ прочно видали подобныя церкви, какъ и мы у себя таковыя находимъ можемъ. Самъ г. Крипикъ знаетъ безъ сомнѣнія, что славнѣйшая церковь святаго Петра въ Римѣ долго просцолла безъ купола. Говоря же о церквахъ прежде 1089 года построенныхъ и замѣченныхъ Неспоромъ, когдабъ г. Крипикъ нашелъ въ его лѣтописи точное знаменованіе куполовъ, могъ бы указать мѣсто и выраженіе, гдѣ и какимъ образомъ Лѣтописецъ отличилъ сїю важную часть церковнаго строенія, дабы взирая на то, всякъ могъ увѣрился, что собственное преданіе Пещора опровергавшъ объясненный смыслъ помѣщенныхъ въ 1089 году словъ его: *строеніе банное каменно, сего же не блнсна пре-*

жде въ Руси. Но когда открышь онаго ни какъ не лъзя, вромъ того свидѣтельства, что церкви созидаемы и украшаемы были иконами, и златомъ и серебромъ, и сосудами, слѣдовательно вещами обыкновенными и необходимѣйшими; по недолжно усиливаться и къ ослабленію доказательствъ, въ Исслѣдованіи приведенныхъ; ибо усиліе въ помъ не сполько будетъ опноситься къ Сочинишелю Исслѣдованія, который смотритъ на сіе весьма равнодушно, сколько къ Неспору, который и безъ того поперивалъ уже довольно.

Прибѣгая къ покровительству Пресвященныхъ Митрополитовъ Кипріяна и Макарія, изъ коихъ первый былъ спустя три, а второй спустя четыре слишкомъ вѣка послѣ Ефрема и Неспора, г. Кришкѣ, сполько свѣдущій въ Россійскихъ древностяхъ, какъ судить можно изъ его примѣчаній, не могъ не чувствовашь, что рѣшается погрѣшность однихъ, въ разсужденіи *Ефремовымъ* врачевъ и больницъ, прикрывать погрѣшностию другихъ; по произвольной недовѣрчивости къ исслѣдованію баннаго строенія, о которомъ повсвувешъ Лѣтописецъ Неспоръ.

Неспоръ есть отецъ Россійской Истори по вездѣ извѣстнымъ его ли-

саніямъ; о чемъ напамяшовано въ самомъ Изслѣдованіи. Въ такомъ уваженіи всякая позже возникшая дѣлопись, разнорѣчущая въ бытіяхъ Руси, Неспоромъ описанныхъ, коихъ онъ самъ былъ очевидецъ и наблюдашель, должна уступитъ неминуемо, слѣдовательно и Разговоры о Новгородскихъ древностяхъ.

Такимъ образомъ Сочинитель Изслѣдованія ласкаетъ себя пріятною надеждою, что почтенный любитель историческихъ испинъ, давъ достойное уваженіе коренному преданію Неспора, Папернику, собсвенному житію Епископа Ефрема, народному нарѣчію, мѣстнымъ наблюденіямъ и соображеніямъ обстоятельствъ, опличивъ существенный смыслъ опъ погрѣшительнаго, почтешъ опкрытіе въ Изслѣдованіи объясненное достовѣрнымъ. Впрочемъ всякой безпристрастный читатель увидитъ ясно, которому мнѣнію слѣдуетъ отдасть справедливосшь.

ПОЛИТИКА.

О причинахъ, имѣющихъ наибольшее вліяніе на судьбу государствъ.

Чѣмъ рѣже въ послѣдніе годы являлись во Франціи сочиненія, содѣржащія въ себѣ общія сужденія политическія; тѣмъ большее любопытство заслуживаютъ оныя. По сей причинѣ мы сообщаемъ читателямъ Минервы (*) отрывокъ изъ одного недавно изданнаго въ Парижѣ сочиненія, подъ титуломъ: *Souvenirs historiques* (Историческія воспоминанія). Въ немъ болѣе говорится о прошедшемъ, нежели о настоящемъ; только вступленіе частію относится къ послѣднему.

Девятнадцатое столѣтіе съ самыхъ первыхъ часовъ своихъ отличилось такими происшествиями, какихъ не обрѣтаемъ въ испоріи временъ отдаленнѣйшихъ. Въ лѣтописяхъ міра я нахожу только двѣ эпохи, которыя можно сравнивать съ нынѣшнею. Первую эпоху представляетъ намъ завоевательный Римъ, вторую счастливая Франція, двукратно воззванная къ высокому назначенію; однакожь обѣ оныя отличаются отъ претей,

(*) Сія статья переведена изъ Минервы. *Изд.*

Народы Римлянами покоренные большею частию были варвары, и побѣдители во всемъ ихъ превосходили. „Римъ былъ великъ, говоритъ Монпескій, потому что окончивши одну войну, начиналъ другую, и что по непоспешимому счастью одинъ народъ нападалъ на него только тогда, когда другой былъ уже ослабленъ. Римъ былъ бы разрушенъ, когдабы все народы въ одно время противъ его ополчились.“ Когда Карлъ Великій принялъ на себя Императорское достоинство, для спокойствія Европы имъ возобновленное; въ то время народъ, служившій ему при порабоженіи другихъ народовъ, равнымъ образомъ имѣлъ отличное преимущество передъ послѣдними.

Разсмотримъ теперь, чѣмъ отличалась претъя эпоха. Она представляеть нашимъ взорамъ народы, имѣющіе свои законы, учрежденія, конечно несовершенныя, ибо совершенныхъ нѣтъ въ мірѣ, однакожъ мудрыя и принаровненныя къ счастью каждаго выгодамъ; народы, изъ которыхъ каждой имѣлъ свой періодъ славы, шакожъ оружіе, шакоюжъ пактиву, шаже права, шаже систему, шаже вѣру, шаже искусства и даже сполялъ на одинакой степенни усовершеннаго общежительнаго порядка. Изъ среды сихъ, равныхъ преимуществами, народовъ явлелся одинъ, побѣждающій всѣхъ, противъ него соединившихся. Такихъ примѣровъ нѣтъ въ исторіи.

Многія благоприятныя обстоятельства помогли Римлянамъ завоевать свѣтъ, а Карлу великому покорить землѣ. И Римляне и Карлъ умѣли воспользоваться своими выгодами: первые слѣдуя хорошо обдуманной си-

спемѣ; второй употребляя пособіе своего разума. Напронивъ шого націи, вознесшейся надъ прочими народами въ третью эпоху, подобныя обстоятельство ошнюдь не помогали; она преодолѣла тысячу такихъ препятствіевъ; копорыя казались непреодолимыми. И шакѣ несправедливо ли будетъ вывести заключение, что сіе важное событіе другими причинами приготоовлено, и не должно ли предполагать, что есть здѣсь одна главная причина, безъ копорой прочія оспались бы недѣйствительными? Кажется не бесполезно было бы разсмопрѣшь ихъ и изслѣдовать. Не лзя найти любопытнѣйшей для размышляющаго человека матеріи; она есть сравнительная исторія временъ и народовъ.

Наука, служащая руководствомъ для правителей народовъ и содержащая въ себѣ нужная для нихъ правила, названа *Политикою*. Несправедливо поступили шѣ, которые хотѣли правила сіи поставитъ на ряду съ правилами гражданскаго общежитія, подчинитъ ихъ одному судилищу и произноситъ о нихъ одинакіе приговоры. Здѣсь воображеніе пребуешь для себя обширнаго пространства. Рѣчь идеитъ не о мѣлкихъ выгодахъ общепительныхъ, копорыя легко согласитъ можно и привести въ порядокъ; но о дѣлѣ общемъ безчисленныхъ семействъ, копорыхъ взаимныя отношенія совсѣмъ не шаквы, какія бывають между лицами, и копорыя слѣдовательно не должны быть сравняемы съ послѣдними. Къ объясненію сего замѣчанія служить могутъ многія доказательствова. Пронивъ достоверныхъ событий возражать не чѣмъ; а они ведутъ насъ къ слѣдствіямъ

споль естественнымъ, что мы за лишнее починаемъ здѣсь объявлять объ оныхъ.

Разсмотримъ государствѣ Европы одно послѣ другаго; покажемъ начало ихъ, причины возвышенія и упадка. Мы будемъ упоминать о дѣйствіяхъ, съ причинами сопряженныхъ, не распространяясь объ нихъ подробно; а самыя причины изслѣдуемъ прилѣжиѣ.

Но разсмотримъ напередъ, какія причины могутъ имѣть вліяніе на судьбу государствѣ, и для лучшаго уразумѣнія раздѣлимъ ихъ на *внутреннія* и *внѣшнія*. Тѣ и другія послужатъ намъ поводомъ къ нѣкоторымъ общимъ сужденіямъ, которыя могутъ относиться къ предполагаемому нами обзорѣнію знаменнѣйшихъ государствѣ Европы (*).

Внутреннія причины. Есть одна главная причина, которая всѣ прочія или ослабляетъ, или усиливаетъ, и слѣдственно производитъ или возвышеніе, или упадокъ государствѣ; сія причина, всѣхъ сильнѣйшая, находится въ самомъ государѣ. Какова бы ни была конституція монархіи, поступки правителя всегда имѣютъ въ нее вліяніе и сила или слабость государствѣ отъ него исключительно зависятъ. Трудно опредѣлить степень высоты, до коей можетъ достигнуть народъ, управляемый государемъ великаго ума, государемъ, которой соображаетъ намѣренія свои со средспвами, и первыя подчиняетъ

(*) Въ семъ отрывкѣ предлагается только о причинахъ внутреннихъ и внѣшнихъ; прочее выпущено Нѣмецкимъ Журналистомъ. *Изд.*

послѣднимъ; государемъ, которой однимъ взглядомъ объемля всѣ возможности, умѣетъ ловить благоприятныя минушы; государемъ, которой зная цѣну времени и непостоянство людей, поспѣшно исполняешъ великія свои намѣренія; государемъ, которой безошибочно судитъ о своемъ вѣкѣ, вычисляешъ обстоятельства, и предусмапривая зависящія отъ судьбы случаи, готовишъ средства противъ злочлюченій; наконецъ государемъ, которой зная всю мощъ соревнованія и честолюбія, употребляешъ ихъ для достиженія своей цѣли, и пишаешъ въ себѣ желаніе вознести народъ свой превыше всѣхъ въ могуществѣ, благоденствіи, славѣ и богатствѣ. Небеса не часто низпосылаютъ такихъ правителей.

Государь, необдаренный потребными способностями, бываешъ причиною ослабленія своего государства, не умѣя пользоваться шѣми благоприятными обстоятельствами, которыя служатъ къ возвышенію онаго. Филиппъ II, овладѣвши въ 1580 году Португаллією, вдругъ увидѣлъ себя обладашелемъ всемірнаго богатства, хотя и не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ открытіи Индій. Онъ былъ тогда сильнѣйшимъ королемъ въ Европѣ. Будь на мѣстѣ недовѣрчиваго, медлительнаго, безпокойнаго, жестокаго и малодушнаго Филиппа другой государь съ великими качествами ума и сердца: вся Европа, содѣлалась бы его областью.

Иногда одна только ошибка бываешъ виною пагубы цѣлаго государства. Примѣромъ тому служилъ Себастьянъ, Король Португальскій, которой, какъ будто во времена кре-

сповыхъ походовъ, захотѣвъ исканіе славы своей въ ненависти къ магомешанамъ и нашелъ смерть въ Африкѣ, на сраженіи при Алкацарѣ. Не имѣвши у себя иныхъ наследниковъ, кромѣ одного кардинала, онъ погубилъ свою націю и подвергнулъ ее деспотическому скипетру Филиппову. Можно бы сослаться еще и на другіе примѣры, изъ которыхъ видно, какъ одно дѣйствіе влечетъ за собою пагубныя слѣдствія. Но мы остановимся на событіи нашего времени. Мы видѣли сильнаго Монарха, управившаго области свои и едва не лишившагося короны, пошому только, что онъ прислушался къ военному союзу, долго прежде не внимая дѣланымъ ему предложеніямъ. Ни войска, въ шеченіе дѣлаго сполѣтія славившіяся военнымъ искусствомъ, ни богатства, накопленныя во время продолжительнаго мира, коюрой былъ шѣмъ выгоднѣе, что въ дѣлой Европѣ свирѣпствовала пожаръ военный, не защитили государства его отъ нашествія и не предотвратили того изнеможенія, которое необходимо должно ствовало быть слѣдствіемъ онаго.

Географическое положеніе и климатъ принадлежатъ также ко внутреннимъ причинамъ. Полоса земли, на коюрой народъ обитаетъ, часто имѣетъ весьма сильное вліяніе на судьбу его, въ разсужденіи какъ пишины и благоденствія, такъ упадка и конечной гибели. Обширное пространство плодородной земли, подъ благословеннымъ небомъ лежащей, иногда бываетъ причиною военныхъ бѣдствій для своихъ обитателей, маня къ себѣ жителей странъ безплодныхъ. Суровой климатъ Нювергіи и Даніи не привлечетъ

къ себѣ людей, живущихъ на землѣ, щедро облагодѣшествованной природою, и не было еще примѣра, чтобы южные народы искали для себя убѣжища на сѣверѣ.

Швейцарію охраняютъ не столько утесы и пропасти, сколько бесплодная почва.

Прекрасной климатъ и плодоносная земля Италіи съ давнихъ временъ привлекали къ себѣ вышніе народы. Впрочемъ Италія представляетъ намъ примѣръ довольно странной: въ старину долгое время принадлежала она воинственному народу, подвергнутому власти своей всѣ прочіе; нынѣшняя же Италія безпрестанно была покоряема то одними, то другими, и служила сборнымъ мѣстомъ для народовъ, которые дрались на землѣ ея.

(Окончаніе въ слѣд. нум.)

Обозрѣніе заграничныхъ произшествій.

Ф р а н ц і я.

Августа 5 дня подписанъ Императоромъ Наполеономъ указъ, въ слѣдствіе котораго временный совѣтъ въ Римскихъ обласяхъ продолжится не далѣе 1 Января 1811 года, а съ того времени управлять будутъ департаментами Римскимъ и Тразименскимъ одинъ изъ первѣйшихъ чиновъ Французской Имперіи въ качествѣ генераль-губернатора. Въ день рожденія Императора представлены были его

Величеству въ пронной залѣ Тюльерійскаго дворца разныя особы, въ числѣ коихъ и Россійскій Посланникъ при Испанскомъ дворѣ Князь Ренницъ съ чиновниками своей свиты. Послѣ обѣдни Императоръ принималъ Голландскихъ и Иллирійскихъ депушатовъ и отвѣщивовалъ на произнесенныя ими рѣчи. — Въ слѣдствіе Императорскаго повелѣнія съ 1 Сентября текущаго года въ Голландіи должны оставаться только пять полковъ пѣхоты и четыре полка конницы; всѣ же прочія Французскія войска возвращаются во Францію. Всѣ остающіеся полки должны квартировать въ казармахъ, и ни подъ какимъ предлогомъ не помѣщаются въ домахъ обывательскихъ. — Императоръ повелѣлъ, чтобы въ каждомъ изъ департаментовъ Франціи, за исключеніемъ только Сенскаго, было издаваемо не болѣе одного журнала, которые сверхъ того выходили бы не иначе какъ по одобренію префекта. Всѣ ученые журналы не должны содержать въ себѣ постороннихъ матерій. — Въ слѣдствіе Императорскаго указа, ни одинъ корабль съ 1 числа Августа не можетъ изъ Французскихъ гаваней оплыть въ иностранныя безъ позволенія, подписаннаго самимъ Императоромъ.

Войска въ Испанію отправляются ежедневно. Августа 15, по естѣ въ самой день рожденія Императора, въ Парижѣ получено донесеніе отъ Князя Еслингенскаго, Маршала Массены, о происходившемъ 24 Іюля сраженіи между Французами и Англичанами близъ Алмейды въ Португалліи. Англичане потеряли 60 офицеровъ, 400 человекъ убитыхъ, 700 раненыхъ, 400 въ плѣнъ доставшихся, 1 пуш-

ку и два знамена; Французовъ убито и ранено 300 человекъ. По окончаніи сраженія Алмейда шотчасъ осаждена была Французами. Кваршира главнокомандующаго, Князя Еслингенскаго, находилась въ Саламанкѣ.

И с л а н і я.

Осада Кадикса продолжается весьма дѣлательно. Морпирныя и пушечныя батареи, поставленныя противъ сего города, уже готовы. Въ Гренадѣ, Касшилїи, Аррагонїи, Сорїи и Галиціи военныя дѣйствія продолжаются съ успѣхомъ.

Неаполитанское королевство.

Одинъ Неаполитанскій конвой, изъ 4 военныхъ судовъ состоящій, и присланные къ нему въ помощь отъ Короля 6 канонерныхъ лодокъ, по несчастію, достались Англичанамъ, или сожжены и зашоплены. — Августа 4 Англичане покушались напасть на флотилю при Реджіо; однакожъ были отражены съ урономъ.

Ш в е й ц а р і я.

Французскій посланникъ при Валлійской республикѣ, по возвращеніи своемъ изъ Парижа, далъ разумѣть государственному совѣту, что Императоръ Наполеонъ нашелъ конституцію сей республики недостаточною, а по тому и пригласилъ управляющихъ оною немедленно отправить депутацію въ Парижъ. Депутаты уже предприняли путешествіе.

А в с т р і я

Для уменьшенія государственныхъ расходовъ Е. В. Императоръ повелѣлъ убавить число регулярныхъ войскъ. Полки будущъ состоятъ, вмѣсто трехъ, изъ двухъ только батальоновъ, а роты вмѣсто 150 изъ 100 человекъ. Офицеры, имѣющіе оставаться за реформою, будущъ опредѣлены въ милицію, коея число увеличится.

Прусское королевство.

Е. В. Король 1 числа Сентября отправился изъ Берлина въ Силезію, сопровождаемый Государственнымъ Канцлеромъ Гарденбергомъ и многими другими особами.

Ш в е ц і я.

Е. В. Король 18 Августа соизволилъ объявить Государственнымъ чинамъ Шведскимъ, собравшимся въ Орбю, что тайнымъ Комитетомъ назначенъ наследникомъ престола Князь Карле - Корво. На слѣдующей недѣлѣ послѣ сего объявленія предложено приступить къ выбору.

(Изъ Журнала Имперіи и Гамбургскаго Корресп.)

У в ѣ д о м л е н і я .

Мы имѣли удовольствіе получить изъ Макарьева сто рублей отъ неизвѣстной особы, съ препорученіемъ раздать оныя деньги кому заблагорасудимъ. Чувствительнѣйше благодаря почтеннаго благодѣлителя, извѣщаемъ его, что 50 рублей мы отдали г-ну Шшабъ-Лѣкарю, Коллежскому Ассессору Алексѣю Якимовичу Попоцкому, для доставленія одной половины вдовѣ Майоршѣ Анисѣ Кузминишнѣ Рейховой (*), а доспальныхъ 25 р. неизвѣстной ему весьма бѣдной вдовѣ же, Капитаншѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Чубаровой. Еще 25 р. отправлены въ С. Петербургъ къ Его Превосходительству Кемру Федоровичу Герингу для врученія супругѣ покойнаго Боброва, шворца Тавриды (**). Послѣдніе 25 р. отправлены Пензенской Губерніи въ городъ Нижній Ламовъ къ опцу Архимандриту и Кавалеру Израилю, для врученія Типулярному Совѣтнику А. А. С. (***) .

*

А. Я. Попоцкій увѣдомилъ насъ, что онъ получилъ въ Москвѣ отъ Н. А. С. 25 рублей, отъ И. В. С. 10 р., отъ С. Е. И. 5 р. и отъ Е. И. К. 5 же р., да изъ Усшюжны отъ неизвѣстной особы 15 р. и что всѣ сіи деньги отданы имъ А. К. Рейховой.

*

(*) Смол. Вѣст. Евр. 1810. No. 16. стр. 329.

(**) См. Вѣст. Евр. 1810. No. 11. стр. 244.

(***) См. Вѣст. Евр. 1810. No. 12. стр. 326.

Опець Архимандритъ и Кавалеръ Израиль
изъ Нижняго Ламова увѣдомилъ насъ, что
присланные къ нему чрезъ Сѣвскую Почтовую
контору 10 рублей, по желанію благошвори-
теля, доставлены Типулярному Совѣшнику
А. А. С. *Изд.*

14 Сентября.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 19. ОКТЯБРЬ 1810.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Романической любовникъ, или веселость и старость.

Видя веселаго старика, я думаю съ удовольствіемъ о его молодости; эта пріятная веселость доказываетъ мнѣ, что онъ безъ угрызенія совѣсти можетъ вспоминать о прошедшемъ, и будущаго ожидаетъ безъ ужаса. Веселость въ молодомъ человѣкѣ не рѣдко происходитъ отъ легкомыслія: все кажется ему смѣшнымъ, потому что онъ еще ничего справедливо цѣнить не умѣетъ. Время приводитъ съ собою старости, а старости, научая размышлять, весьма не рѣдко оставляютъ послѣ себя уныніе, а иногда и шайные упреки совѣсти. Но видя старика, котораго на лицѣ своемъ, покрытомъ морщинами, умѣлъ сохранить и живость и

ясность веселаго юноши, я говорю: вопль честный человекъ, и онъ во всякое время жизни своей былъ честнымъ. Ровнымъ шагомъ прошелъ онъ по дорогѣ жизни; и воспоминаніе о собсвенныхъ заблужденіяхъ сдѣлало его снисходительнымъ къ заблужденіямъ ближняго. Спроси его были шиши; ибо слѣды, оставленные ими на его душѣ, не возмущаютъ ея спокойствія. Никогда не смотрѣлъ онъ глазами зависши на счастье своихъ ближнихъ; ибо и теперь, когда уже упрасилъ молодость, главную прелесть жизни, позволяешь еще молодымъ людямъ быть молодыми въ его присушствіи.

Такой любезный характеръ, и въ женщинѣ болѣе привлекательный нежели въ мужчинѣ, имѣла госпожа Бермонъ. Шестнадцать лѣтъ вышла она замужъ за человека, избраннаго ея сердцемъ, была богата, прекрасна лицомъ, нравилась не кокетствомъ, имѣла друзей, копорыхъ никогда не перяла, и пользуясь своими счастливыми преимуществами, ни въ комъ не возбуждала зависши, ибо умѣла пользоваться ими весьма скромно. Будучи легкомысленна въ нѣкоторыхъ желаніяхъ своихъ, она была постоянна во всякой привязанности сердца, и наслаждаясь удовольствіями разнообразными, не вредила нисколько сво-

ему счастію. Такимъ образомъ дожила она до глубокой старости непримѣтно ни для себя, ни для другихъ; ибо нечувствительно отъ легкихъ привычекъ молодого чело-вѣка переходила къ поспояннѣйшимъ, и болѣе важнымъ привычкамъ стараго.

Ей было восемьдесятъ лѣтъ. Она заключила себя въ кругу семейства и нѣсколькихъ добрыхъ, старинныхъ друзей; но эшотъ шѣсной кругъ былъ оживляемъ шюю неискусвенною, привлекательною веселостію, копорю она въ своихъ молодыхъ лѣтахъ восхищала многлюдное и блестящее сбщество свѣта. Мужъ ея давно уже умеръ, и главнѣйшими предметами ея привязанности были молодой Форланжъ, ея внукъ, копорого она при своихъ глазахъ воспитала, и молодая Амелія Виларъ, ввѣренная ея попеченіямъ умирающею матерью, копорой она была искреннимъ другомъ.

Амелія неимѣла никакого соспоянія. Госпожа Бермонъ любила ее какъ родную дочь, и она уже расположила въ мысляхъ своихъ соединить съ нею своего внука. Форланжъ и Амелія, зашвердивши съ малолѣтства, что имъ назначено быть супругами, пипали другъ къ другу нѣжнѣйшую привязанность, копорая подавала надежду, что они будутъ въ союзѣ своемъ

испипино счастливы. Форланжъ имѣлъ не болѣе двадцати лѣтъ, Амелія не болѣе осьмнадцати, и до сего времени еще ничто не возмуцало взаимной ихъ нѣжности. Но любовь, слишкомъ спокойная, обращается наконецъ въ привычку и дѣлается просто дружбою: любишь не думая, не увѣряя милого человека въ своей любви; душа полна, но воображеніе спокойно; а воображеніе Форланжа, по несчастію, имѣло нужду въ занятіи; оно было живо, дѣятельно, распалено чтеніемъ романовъ. Надлежало какимъ нибудь препяшствіемъ, почти непобѣдимымъ, опдалить Форланжа отъ Амеліи, чтобы опкрыть его сердцу ту сильную любовь, которая въ немъ таилась.

Таково было положеніе госпожи Бермонъ и ея семейства, когда замѣнили, что Форланжъ сдѣлался мраченъ, задумчивъ, молчаливъ болѣе обыкновеннаго. Онъ началъ весьма часто оплучаться, возвращался домой поздно ввечеру, и на лицѣ его яркими чертами написано было уныніе. Онъ мало говорилъ съ молодою Амеліею, и уже не показывалъ ей той дружеской довѣренности, которая становилась необходимою для нашего сердца, какъ скоро оно одинъ разъ ею насладицца. Амелія плакала и заключала печаль свою во глубинѣ души: „онъ переспалъ любовь меня; онъ начинаетъ

опѣ меня скрываеться“ такъ думала Амелія. — Чшо же касается до госпожи Бермонъ, по она была въ безпреспанномъ движеніи, въ безпреспанномъ безпокойствѣ. „Чшо онѣ дѣлаешъ? Гдѣ онѣ бываешъ? Мы его невидимъ? Для чего удаляется онѣ Амеліи? Не пересналь ли ее любить? Скорбе, скорбе женишь его. все пропало, если я хошя немного промедлю! Какая нибудь кокетшка сведетъ съ ума эшаго въпренника, эшу мечпашельную голову; онѣ совершенно удалится опѣ моей милой Амеліи; тогда проспшите всѣ мои веселые планы! тогда полно думающъ о его счаспій!“

Въ одно утро, когда Форланжъ по обыкновенію своему собирался идти со двора, госпожа Бермонъ оспановила его: Форланжъ, войди ко мнѣ въ кабинетъ; я имѣю нужду поговорить съ тѣбою нѣскольکو минутъ на единѣ.

„Извините меня! бабушка, опѣвчалъ Форланжъ съ видомъ нешерпѣнїя: совсѣмъ не имѣю времени! важное дѣло . . .“

Важное дѣло! сказала госпожа Бермонъ, усмѣхаясь: невѣрю, чшобы оно могло бытъ важнѣе шого дѣла, о которомъ я съ вами говорить намбрена, и которое, какъ видно, улешѣло изъ вашей памяти. Ска-

жите мнѣ, любезнѣйшій мой внукъ, развѣ уже вы нерасположены болѣе женишься? —

„Ахъ, бабушка! можно ли говоришь о женишьбѣ! мнѣ шолько двадцать лѣтъ!“

— Тѣмъ лучше! Хопише ли вы имѣшь пятьдесятъ? Но шакое слово на языкѣ вашемъ для меня удивительная новосшь! Вы прежде показывали чрезвычайное неперѣнїе. Если бы я захопѣла послушашься вашей премудрости, по вамъ женишься и на шестнадцатомъ году было бы не рано. Но шеперь вы имѣете важныя дѣла. . . . Между шѣмъ Амелїя шакъ добродушка, мила, чувствительна. . . .

„Все это совершенная истина, бабушка, я отдаю справедливосшь ея любезнымъ качествамъ; но“ . . .

— Амелїя не любитъ разсѣянности, не любитъ шого разорительнаго блеска, шоторый сводитъ съ ума молодыхъ вѣпреницѣ. Она имѣетъ рѣдкую скромносшь; будетъ занимашься хозяйствомъ, что шакже большая рѣдкосшь; будетъ хорошо воспиташельницею дѣшей своихъ, что и шого рѣже; будетъ всему предпочипашь своего мужа, чего вѣ наше время уже и не бываешъ! и вы по своему высокому благоумїю разсудили, что вамъ еще очень

рано бышь мужемъ шакой прелеспной женщины ! —

„Вы говорите правду , любезная бабушка. Амелія имѣетъ всѣ добродѣтели , могущія соспавить счастье мужа ; но“ ...

Но , но , но ! Я нехочу слышать эшаго несноснаго но ! ты долженъ женишься ! слышишь ли , мой другъ , женишься ? и чемъ скорѣе , тѣмъ лучше ! Я уже спара , девяносто лѣтъ порядочной возрашъ ; а мнѣ еще хочешся видѣть подлѣ себя двухъ или трехъ забавныхъ проказниковъ , копорые смѣшили бы меня своимъ лепешаньемъ , со мною рѣзвились бы , порпили бы у меня работу , били бы мои очки , заспавляли бы меня и ворчашъ и смѣяшся . Дѣло рѣшено ! черезъ недѣлю ты женишься на Амеліи ! —

— „Какая поспѣшность , бабушка !“

О ! мой другъ , поспѣшность весьма просипшельна спарымъ людямъ ; имѣ поздно надѣяшся и опкладавашъ . —

Эши послѣднія слова пронули Форланжа . Ахъ ! воскликнулъ онъ съ живостію , для чего не въ моей власпи исполнишь ваши желанія , милый другъ , бабушка ! Но пожалѣйте обо мнѣ : я спраспно влюбленъ въ другую !

— Въ другую!

„Прелесшную, какъ Ангелъ!“

— Но кто она? если позволите спросить?

„Не знаю.“

Гдѣ живешь? —

„Не знаю и того.“

— Кто ея родные? Каково ея соспо-
янїе?

„И эшаго ничего не знаю!“

Но гдѣ же ты ее видѣлъ?

„Нигдѣ!“

— По крайней мѣрѣ слышалъ объ ней
очень много отъ другихъ?

„Ни отъ кого ни слова!“

— При тебѣ хвалили ея красоту, лю-
безность, умъ . . .

„Никогда, бабушка!“

Поздравляю тебя отъ всего сердца,
любезной внучекѣ; но съ этой минушы
полно думать о швоей женишьбѣ! Я вижу,
что тебѣ надобна не жена, а доброе и спо-
койное мѣстечко въ сумасшедшемъ домѣ.
Проси; я немогу съ тобою говорить, по-

шому чшо шакв раздосадована , шакв сер-
дипа . . .

Госпожа Бермонв при эшомв словв ос-
шавила Форланжа , кошорый не могв не
признашся внушренно , чшо она имвла
причину бышь имв недовольною. „Эшо прав-
да , я сумасшедшій — сказалв онв — изб
любви кв неизввспной , кошорая можешв
бышь принадлежишв уже другому , или ешсь
существо мечшашельное , опказываюсь опш
Амелїи милой , одаренной пысячью преле-
спныхв качешств , любезной мнв св сама-
го раннего дбшспва. Но если оно сущес-
спвуешв эшо восхишительное шворенїе !
какой прелеспный должно оно имвшь ха-
ракшерь ! Можешв ли бышь обманчиво та-
кое очаровашельные лице , продолжалв онв ,
вынувв изб кармана поршпрешв и разсма-
шривая его пламенными глазами ! какое ос-
шпроумїе во взглядв ! какая прелеспная фор-
ма лица ! какая улыбка ! Боже мой ! св во-
спортсмв пожершвовалв бы я половиною
имвнїя и жизни , чшобы найши оригиналв
эшаго поршпреша !“

Эшотв спрасшный монологв былв
прерванв приходомв Оливьера , Форланже-
ва камердинера. Оливьерв былв очень умный
человкв ; госпожа Бермонв имвла кв нему
большую довврренность , и онв заслуживалв

ее по той благоразумной попечительности, съ какою надзиралъ за молодымъ своимъ господиномъ. Всѣ въ домъ оказывали ему уваженіе, и онъ имѣлъ полное право *говорить свободно* съ своими господами. Давно замѣшивъ, что нравъ молодаго Форланжа и его обхожденіе съ Амелією перемѣнились, и будучи увѣренъ, что госпожа Бермонъ чрезмѣрно огорчится, если ея намѣреніе соединить Амелію и Форланжа не будетъ исполнено, онъ очень желалъ проникнуть въ ту важную пайну, опъ копорѣй зависѣло спокойствіе цѣлаго семейства; но какъ это сдѣлать? Слишкомъ явное любопытство могло бы совершенно уничтожить довѣренность; но въ двадцать лѣтъ сердечная пайна всегда вершилась на языкъ; а Форланжъ очень чувствовалъ, что ему нужно кому нибудь опкрыться, и уже нѣсколько дней бродила въ головѣ его мысль сдѣлать повѣреннымъ своимъ Оливьера. Но вотъ Оливьеръ вошелъ къ нему въ горницу въ ту самую минушу, какъ вся душа его наполнена была нѣжнѣйшимъ мечпаніемъ о восхищительной незнакомкѣ, и пайна, какъ легкая Сильфида, спорхнула съ его языка. Онъ разсказалъ Оливьеру, что въ одинъ день, прогуливаясь по *Булоньскому лѣсу* съ госпожею Бермонъ, Амелією и нѣсколькими знакомыми, увидѣлъ онъ на правѣ что-то блестящее. „При-

ближаюсь — продолжалъ Форланжъ — и что же! вижу медальонъ съ женскимъ портретомъ. Ахъ, Оливьеръ! немогу извяснить, что почувствовалъ я въ своемъ сердцѣ, взглянувши на это ангельское лице. Я спряхалъ поспѣшно свою находку, опасаясь, чтобы ее въ рукахъ моихъ не увидѣли, и съ того времени мое воображеніе не можетъ ни на минушу отдѣлиться отъ милаго, мнѣ незнакомаго существа, въ которому сердце мое покорено теперь на вѣки; смотрю на ея лице, и всякой разъ нахожу въ немъ новыя совершенства, незамѣченныя мною прежде. Всякой день хожу на то мѣсто, гдѣ я нашелъ портретъ; бѣгаю по всѣмъ театрамъ, по всѣмъ публичнымъ гульбищамъ, ищу глазами моей восхищительной знакомки! Напрасной спрудъ — шеряю надежду, и чувствую, что счастье мое на всегда погибло!“

Оливьеръ, зная характеръ Форланжа, не спалъ огорчать его предсавленіями; но пришиворился, будто сердечно участвуешь въ его печали; полюбовавшись портретомъ, онъ далъ ему вѣрное слово упопробить всѣ силы свои для опысканія прелестнаго оригинала.

Онъ поспѣшилъ сообщить открытіе свое госпожѣ Бермонъ; честный Оливьеръ

не почиталъ этого предашельствомъ ; онъ былъ напропивъ увѣренъ, что поступаетъ согласно съ истинною пользою своего молодого господина, ибо ни кто кромѣ госпожи Бермонъ не могъ облегчить его сердца и привести въ порядокъ его разспроеннаго воображенія. Хотя открытіе Оливьерово не весьма было радостное, но госпожа Бермонъ по первому движенію своей веселости, соединенной однако съ нѣжнѣйшею чувствительностію сердца, начала громко смѣяться.

„Вошъ чудо ! восклицала она : мой внукъ , влюбился въ порипреть ! Теперь не имѣю , ли причины говорить , что молодость , сумасшество ? По крайней мѣрѣ скажи , мнѣ, Оливьеръ: каково это личико? восхи- , шительное ! очаровательное ! небесное !“ —

„Въ несчастію , вы опгадали , милосшивая , ,государыня ! Я никогда не видалъ лица , ,прекраснѣ ! не скажу , чтобы дѣвица Аме- , ,лія имѣла менѣе прелестей ; однако ду- , ,маю“ Амелія была уже въ ком- , ,натѣ и она слышала послѣднія слова Оли- , ,віера. Бѣдная не могла утѣшиться печали сво- , ,ей, и слезы пошекли изъ глазъ ея ручьями.

Въ эту минушу и въ госпожѣ Бермонъ прошла охота смѣяться; она взяла за руку свою милую воспитанницу, и старалась утѣ- шить ее убѣжденіями разсудка. Между тѣмъ она размыцляла о средствахъ изба- вить внука своего отъ сумасбродной спра-

спи. Я непременно хочу увидѣть эгого ужасный порпрешъ! сказала она Оливьеру. Предпріятіе было трудное, но Оливьеръ не отказался его исполнить.

На другое утро, вбѣжавши въ комнату господина своего, воскликнулъ онъ въ сильномъ волненіи: важное, важное извѣстіе! радуйтесь, благодарите Небо! —

„Что сдѣлалось, Оливьеръ?“

Великое открытіе — оригиналь опысканъ! вспавайте! —

Форланжъ безъ памяти спрыгнулъ съ постели. „Ахъ, Оливьеръ! другъ мой, говори скорѣе! умираю отъ неперпвнѣя.“

Дайте мнѣ опдохнуть! я такъ спѣшилъ . . . такъ успалъ! Еслибъ вы знали . . .

„Ты уморишь меня, сказывай ради Бога!“

Она бѣжала въ прекрасной Англійской карешѣ, запряженной чепырью лошадыми; я мчался за нею какъ сумасшедшій. По счастью кареша очень скоро оспановилась передъ крыльцомъ одного великолѣпнаго дома и изъ карешы вышла — она, почно она! Если бы вы видѣли, какой эго прелестный спанъ, какая пріятность въ движеніяхъ! Я былъ ослѣпленъ! Волосы темные; а

глаза — Боже мой, какіе эшо глаза! — короче сказать, подобныхъ можетъ быть не найдете вы въ цѣломъ свѣтѣ!

„Ахъ, другъ мой Оливьеръ! какъ много я тебѣ обязанъ! Узналъ ли ты ея имя?“

Имя ея? конечно узналъ — она — ее зовутъ Клеманшина де Романвиль — шакъ, Романвиль.

„Но, Оливьеръ! почто ли ты увѣренъ, что эшо она?“

Я немогу сказать, чтобы я былъ совершенно въ эшомъ увѣренъ! Но пеняйте, милоспивый государь, на самого себя; кто не велѣлъ вамъ опдать мнѣ портрета? я могъ бы сличить его съ оригиналомъ!

„Опдать тебѣ портретъ? . . о какая выдумка!“

Но развѣ боитесь вы, что я испорчу его глазами своими?

„Нѣтъ, я эшого не боюсь; но ты можешь хорошенько всмопрѣшься въ черпы лица; онѣ оспанутся у тебя въ памяти, и тебѣ уже не шрудно будетъ . . .“

У меня въ памяти! благодарю васъ за довѣренность къ моей памяти. Но я ни въ чемъ на нее не полагаюсь; ибо весьма

не рѣдко удаешься мнѣ забывать и собственное мое имя. . .

„Слушай, опишу тебѣ каждую черту. Спарайся не пропустишь ни одного моего слова!“

— Говорите.

И Форланжъ началъ описывать со всѣми подробностями красоты своей незнакомки. Оливьеръ повпорялъ за нимъ каждое слово, какъ ученикъ Лашинскую пему. *Высокой лобъ, бѣлый какъ слоновая кость и гладкій какъ полированное стекло; черныя брови дугою; прелестный маленькой носикъ, нѣсколько вздернутый вверхъ; волосы темнорусые; пунцовыя губки и верхняя выспавилась немного впередъ; черныя сверкающіе, исполненные остроумья и чувствительности глаза; на каждой щекѣ маленькая ямка; подбородокъ прелестно округленный, съ легкой, едва замѣтною впадиною по срединѣ.* Прекрасно, Оливьеръ! прекрасно! восклицалъ Форланжъ; ты знаешь урокъ свой очень швердо и повпоряешь его безъ ошибки.

— Въ самомъ дѣлѣ? я не ожидалъ эшаго отъ своей памяти! Но позвольте мнѣ пересказать ваше поученіе одному — и

вопѣ Оливьерѣ начинаешъ описывать красоту; но въ его описаніи всѣ черты ея перемѣнились: глаза сдѣлались голубыми, лобъ гладкимъ какъ слоновою кость и бѣлымъ какъ полированное стекло; подбородокъ вздернулся нѣсколько вверхъ; на носу очутились двѣ ямочки; а брови наполнились чувствительностию и оспроуміемъ. Форланжъ вышелъ изъ шептѣнія; но Оливьеръ напомнилъ ему, что памяши даровать себѣ невозможно. Прощу васъ имѣть ко мнѣ довѣренность, прибавилъ онъ; дайте мнѣ на короткое время эпощъ порпрешъ. Я возвращу вамъ его невредимымъ, а безъ порпреша не обещаюсь принести никакого вѣрнаго извѣстія, и вы никогда не узнаете своей незнакомки. Форланжъ принужденъ согласиться, и Оливьеръ, принимая порпрешъ, клянешся беречь его болѣе собственнѣйшей жизни.

Спустя нѣсколько дней, приходитъ онъ къ господину своему съ пріятнымъ извѣстіемъ, что ему удалось сличить копію съ оригиналомъ, и что теперь неосталось уже никакого сомнѣнія; потомъ начинаешъ онъ рассказывать, какимъ образомъ, съ помощію горничной дѣвки, спаринной знакомки своей, нашелъ онъ случай увидѣть дѣвицу де Романвиль. Она прекрасна какъ Ангелъ, прибавилъ Оливьеръ; но участь ея самая горестная. Она живешъ у своего опеку-

на, котораго имя Дюроше, человек жестокато, грубаго, ревниваго. Онъ спраспно влюбленъ въ свою воспитанницу, хочешъ на ней жениться, держишь ее въ заперши и обходишься съ нею такъ жестоко, что бѣдная умираешъ съ печали. Форланжъ, слушая эту повѣсть, плакалъ, восхищался, приходилъ въ бѣшенство. Оливьеръ рассказалъ потомъ, какимъ образомъ удалось ему познакомиться съ ужаснымъ Дюроше, и какъ онъ поправился этому жестокому человеку, одобряя главную спрасъ его, ревность. Я далъ ему почувствовать, продолжалъ Оливьеръ, что улица, на которой онъ живешъ, слишкомъ многолюдна, и что ему весьма было бы выгодно переселиться въ наше предместье, которое можно назвать пустынею. Вообрази же легковѣрие этого забавнаго ревнивца! Онъ пошчасъ попалъ въ мою западню — и что же? бросился нанимать, по совѣту моему, эшотъ каменный домъ, которой смеженъ заднею стѣною съ нашимъ, и который къ великому счастью ни кѣмъ не заняшъ. —

„Что я слышу! воскликнулъ Форланжъ: она будетъ жить подлѣ меня! я ее увижу, буду съ нею говорить, буду клясться ей въ вѣчной любви! О Боже! Оливьеръ. шы истинный другъ мой!“

— Въ самомъ дѣлѣ вашъ другъ; Но вы еще незнаете всего своего счастія. Эта прекрасная Клеманшина привязана къ вамъ почти такъ же сильно, какъ и вы къ ней!

„Что ты говоришь, Оливьеръ? Но гдѣ же могла она меня увидѣшь?“

— Въ Булоньскомъ лѣсу. Съ первой минуты почувствовала она къ вамъ сильную склонность, которая, по крайней мѣрѣ такъ увѣряла меня ея горничная дѣвка, сдѣлалась въ скоромъ времени спрашюю, и прекратилась не прежде какъ съ жизнью. —

„Ахъ, Оливьеръ! можешь ли это сказать?“

— Она удалась съ опчаянїемъ въ сердце, ибо вы не удостоили ее ни одного взгляда! —

„Безумецъ! гдѣ были мой глаза!“

— Но удаляясь, она уронила свой портретъ. . . .

„Съ намѣренїемъ, Оливьеръ?“ —

Съ намѣренїемъ въ той надеждѣ, что вы, увидя его, захопите сдѣлаться ея покровителемъ, если только черпы лица ея произведутъ нѣкоторое впечатлѣнїе на вашемъ сердцѣ. —

„Нѣкоторое впечатлѣнїе! Что за слово! сердце мое живетъ ею каждую минуту. . . .“

Часа черезъ два, милоспивый государь, легковѣрный ревнивецъ домой возвратился. Онъ нанялъ описанную мною кварширу и въ моемъ присутствіи объявилъ Клемантинѣ, что она завтра же поутру перемѣнитъ жилище. И такъ совѣшную вамъ до завтрашняго утра успокоить свое неперенѣе; а я между тѣмъ буду за васъ прудиться, и обѣщаю вамъ успѣхъ совершенный.

„Что ты говоришь, Оливьеръ? Молодому человеку, съ пылкимъ воображеніемъ, съ сильною спраштію, бышь спонойнымъ въ ту минушу, когда любезнѣйшее изъ всѣхъ желаніе его гошова исполнишься! Возможно ли это?“ И Форланжъ болѣе спа разъ обошелъ вокругъ того дома, въ который черезъ нѣсколько часовъ должна была переселиться его Клеманпина; спа разъ пересчиталъ онъ всѣ окна, всѣ двери и выходы; и уже сочинилъ нѣсколько планевъ, какъ обмануть гнуснаго ревнивца. Во всю ночь мечталась ему Клеманпина; иногда на глазахъ его наверхивались слезы: онъ думалъ о ея спраданіяхъ, и проклиналъ безчеловѣчїе припѣснишеля; иногда сверкало въ нихъ удовольствіе: онъ воображалъ себя ея избавителемъ и все уже было придумано къ ея похищенію; онъ собралъ всю свою казну, около спа луидоровъ, подаренныхъ ему на

канунѣ госпожею Бермонѣ, и эша сумма казалась ему сокровищемъ необъяннымъ.

На другой день рано поуспру Форланжѣ велѣлъ Оливьеру приготоовить веревочную лѣспницу, и около вечера поспавить въ ближнемъ переулкѣ почповую коляску. Во весь день ходилъ онѣ вокругъ дома дозоромъ, и не сводилъ глазъ съ окна поѣ горницы, въ которой, по увѣренію его помощника, должна была поселишься Клеманпина. Наконецъ замѣпилъ онѣ въ домѣ нѣкоторое движеніе, и Оливьерѣ пришелъ ему объявить, что Дюроше и его пипомица прибыли на новую свою кварпиру. Форланжѣ спановишься на караулѣ, прямо прошивъ окна Клеманпины; ждепѣ, вслушивается, кровь кипитъ въ его жилахъ, голова его пылаетъ, сердце ужасно бьется. Проходитъ часъ, проходитъ другой — наконецъ . . . о счастье неописанное! окно распворилось, изъ него вылепаетъ письмо, и падаетъ къ ногамъ восхищеннаго Форланжа. Онѣ подымаетъ его, цѣлуетъ, разверпываетъ, читаетъ :

„Надѣюсь, что гореспныя обспоятельствва извинятъ въ вашихъ глазахъ поспѣшность моего поспутка, могущаго показаться неспсорожнымъ и вѣпреннымъ! Я и сама не почиаю себя совершенно правою —

но къ чему не приводитъ челоѡвка опчаянїе, соединенное съ пѣжною любовїю! Такъ, Форланжъ, нехочу скрыватьъ передъ вами своего чувства. Сердце мое привязано къ вамъ съ той самой несчастной или счастливой встрѣчи въ Булонскомъ лѣсу, которая опредѣлила судьбу моей жизни. Мнѣ казалось — и я вѣрю своему чувству — что на лицѣ вашемъ изображена была прекрасная душа, способная согласоваться съ моею. Вопль избавитель швой, сказалъ мнѣ шайной, пророческій голосъ — и предвѣщанїе это сбывается! Судьба несчастнѣйшей сироты васъ пронула! Ахъ! поспѣшите разрушить ея оковы. Нынче въ одиннадцатомъ часу вечера приѣхалишпель мой долженъ уйти со двора; я имѣю свободу прогуливаться въ саду; но этошъ садъ окруженъ вокругъ стѣною — дверь запирается крѣпко, а ключъ въ карманѣ у моего жестокаго опекуна. Постарайтесь найти какое нибудь средство къ избавленїю моему отъ неволи; тогда переспану я думать, что мнѣ суждено быть вѣчно несчастною, ибо увижу себя подъ защитою того челоѡвка, который одинъ кажется мнѣ достойнымъ всей моей нѣжности!“

Какое письмо! воскликнулъ Форланжъ, безъ ума отъ восхищенїя, какой слогъ! какое прогапельное краснорѣчїе! Ахъ,

Оливьеръ! изъ одной жалости рѣшился бы я на все; но я люблю ее спраспно, и любимъ ею взаимно — какія же препяпспвїя могущѣ бытъ для меня ужасны? —

Ваша правда, сказалъ Оливьеръ . . . но садъ окруженъ высокими стѣнами —

„Мы черезъ нихъ перескочимъ!“ —

Мы! согласенъ! Но Клеманпина — для нее надобно опворить дверь, а дверь заперта на замокъ! —

„Мы ее разломаемъ!“

И надѣлаемъ шуму, Дюроще прибѣжитъ. . . —

„Мы его убьемъ!“ —

Убьемъ — очень хорошо; но развѣ нельзя выдумать другаго способа, пихаго, некропролишнаго? Если бы, на примѣръ, войши намъ въ садъ съ позволенїя хозяина, безъ шума и спора. — Нельзя ли какимъ нибудь средспвомъ доспать эпортъ драгоцѣнный ключъ? —

„Не возможно!“ —

Я эшаго недумаю. Споить познакомишь съ опенуномъ, а для эшаго надобно вамъ нѣсколько соспарѣшься; ибо нашъ грозный Аргусъ очень подозришеленъ и рев-

нивъ. Надѣньте свадебное платье вашего покойнаго дѣдушки господина Бермона и его огромный парикъ; вооружитесь его длиною просью, согните спину въ дугу, скрючте ноги, дрожите, кашляйте за каждымъ словомъ, и ключъ непременно будетъ у васъ въ рукахъ. —

„Но какъ показаться въ такомъ уборѣ на глаза Клеманшины! она будетъ смѣяться, найдетъ меня спящимъ.“ —

Стыдись! какое робячество! Клеманшина дѣвушка разсудительная! Она уважаетъ старыхъ людей, слѣдовательно и старыя моды. Къ тому же она увидитъ, что ваше смѣшное платье открыло вамъ дорогу къ ея жестокому припадку, и можетъ быть изъ благодарности вздумаетъ еще просить васъ, чтобы вы всегда его носили.

Наконецъ Форланжъ рѣшился. Въѣхавъ въ кладовую, выбираетъ изъ кучи старинныхъ платьевъ своего покойнаго дѣдушки самое старинное и величественное; Оливьеръ одѣваетъ его; любитъ имъ; называетъ его прелестнѣйшимъ изъ всѣхъ стариковъ девятнадцатая вѣка. Еслибъ вы знали, какъ вы хороши въ этомъ бархатномъ кафтанѣ, съ длинными кружевными манжетами и въ этомъ парикѣ

«В огромнымъ кошелькомъ и буклями! Теперь вы почная швнь господина Бермона, и бабушка ваша могла бы порядочно испугаться, когда бы въ эту минушу васъ увидѣла. Очень хорошо. Вы кашляете съ удивительною прїяпносшїю. Можно подумашь, что у васъ въ груди по крайней мѣрѣ при чахошци.

Кончивъ свой шуалешъ, Форланжъ отправился къ господину Дюроше, кошорого Оливьеръ заранѣе приготоовилъ къ прїяпшїю *почленного сосѣда*. Форланжъ, опасаясь пронцапельности ревнивца, спарался перѣмбнишь свой голосъ, морщился, дрожалъ, кашлялъ; но Дюроше, не воображая никакого обмана, прїяпль нашего въпренника съ швмъ уваженїемъ, кошорое обыкновенно производшъ въ насъ присушствїе девяностолѣтняго старца. Надобно замѣшшь, что онъ къ счастїю Форланжа былъ удивительно близорукъ. — Вы кашляете! сказалъ онъ съ видомъ дружескаго учасшїя.

„Очень кашляю, государь мой! Спарось! слабое здорovie! . . . Но я увѣрель, что ваше прїяпное знакомство засшавшъ меня позабышь о болѣзни!“ —

Благодарю васъ! Я самъ обѣщаю себѣ много удовольствїя въ вашемъ обществѣ.

Сосѣдѣ въ ваши лѣша и съ вашею спепенною наружностію естъ человекѣ для меня самый пріятный.

„Такой благосклонный пріемъ, государь мой, вселяетъ въ меня смѣлоспъ ожидать ошъ васъ одолженія. —

Одолженія? Прошу васъ покорнѣйше объясниться.

„Я сдѣлалъ привычку прохаживаться всякое утро и всякой вечеръ въ саду, принадлежащемъ къ вашему дому. Эша прогулка по моимъ лѣшамъ обратилась въ совершенную для меня необходимость. Ходить далеко мнѣ трудно — я слабъ ногами; а по сосѣдству нѣшъ никакого другаго сада — надѣюсь, любезнѣйшій господинъ Дюроше, что вы не откажете слабому старыку въ такомъ удовольствіи, безъ котораго ему пребыть почти невозможно!“ —

Дюроше не отвѣчалъ ни слова и нѣсколько нахмурился. Форланжъ, испуганный суровымъ его видомъ, продолжалъ (не забывая однако весьма часто и громко кашлять): „Даю вамъ слово не прикасаться ни къ одному кочану капусты.“

Государь мой! я беспокоюсь не о капустѣ . . .

„Не сорву ни одного цвѣшка. . .“ —

Боже мой! рвите цвѣшны, сколько вамъ угодно; я. . .

„Даю вамъ слово при входѣ и выходѣ запирашь двери на замокъ.“ —

Признайся, я нѣсколько боюсь, что вы иногда позабудете объ этой предосторожности. —

„Можно ли, господинъ Дюроше, опѣ старика въ девяносто лѣтъ ожидать шаковой вѣтренности? Въ эти лѣта переспачуютъ ребячиться!“ —

Девяносто лѣтъ! какая правда! это возрастъ благоразумія; соглашаюсь исполнить вашу просьбу: вотъ ключъ опѣ дверей сада! Не могу неимѣть довѣренности къ благоразумію девяностолѣтняго спарца. Онъ подалъ ключъ Форланжу, который едва неопорвалъ его съ рукою; поспѣшно вскочилъ онъ со спуда, и если бы Дюроше не подалъ ему изъ учтивости руку, сказавъ: осперегнись. . . идише пище. . . лѣспница круша. . . вы упадете, нашъ вѣтренный спаричокъ совершенно забылъ бы о своей дряхлости и въ два прыжка очутился бы за ворошами.

Оливьеръ ожидалъ его съ нетерпѣніемъ на улицѣ. Побѣда! побѣда! кричалъ Фор-

ланжъ! ключъ завоеванъ! Ахъ, Оливьеръ! какое удовольствіе обманывать спараго ревивца! Какой эпо легковѣрный глупецъ! Но правду сказашъ, и я божественно сыгралъ свою ролю. Я обманулъ бы и самаго Доктора Барголо.

Въ эту мѣнушу Форланжъ и Оливьеръ услышали шумъ — спрятались, и увидѣли господина Дюроше сходящаго съ крыльца; онъ заперъ за собою дверь, нѣсколько минушъ съ подозрительностію осматривался, попомъ удалился. Очень хорошо! сказалъ Оливьеръ: непріятель уступаетъ намъ мѣсто сраженія; вотъ къ спашу пробилло и одиннадцашъ часовъ — насъ ожидаютъ; все приготоовлено къ вашему опбвзду; кареша запряжена; въ четверть часа мы будемъ уже на большой дорогѣ! — „Мой другъ, Оливьеръ, спашъ въ ближнемъ переулкѣ и смопри, чпобъ меня не заспали; а я пойду въ садъ.“

Оливьеръ удалился. Форланжъ подходитъ къ садовымъ дверямъ; за спвною слышитъ ему шорохъ. Вы ли эпо, Клеманпина? спросилъ онъ въ полголоса. —

И, Форланжъ! опворите дверь! и уббжимъ! Форланжъ запрепешалъ, услышавъ голосъ незнакомки своей, который показался ему пріятнѣе флейпы. Онъ взялся за

ключь — но въ шу минушу — можно ли опи-
сать его досаду! — къ нему подошли два чело-
вѣка; одинъ схватилъ подъ лѣвую руку,
другой подъ правую; по были два стихо-
творца, комическѣй и прагическѣй; при
выходѣ изъ театра заспорили они о сво-
емъ искусствѣ; одинъ возвышалъ Комедію;
другой опдавалъ преимущество Трагедіи.
Что можеть быть прощупельнѣе, величе-
ственнѣе, и слѣдовательно совершеннѣе Тра-
гедіи! восклицалъ прагикъ. — „Неслыхан-
ное дѣло! гремятъ защитникъ Комедіи:
унижаятъ по искусству, которое возвысилъ
Мольеръ!“ — Такъ почто, государь мой,
я утверждаю рѣшительно, что Трагедія
превосходнѣйшее изъ всѣхъ произведе-
ній стихотворства! — „Написаешь хоро-
шую Комедію несравненно пруднѣе!“ —
Напрошивъ, Трагедію. — „Всѣ люди со
вкусомъ будутъ на моей сторонѣ.“ — Всѣ
люди съ умомъ перейдутъ на мою. —
„Спросимъ у перваго въспрѣпившагося намъ
человѣка? Я бьюсь объ закладъ, что онъ
будеть согласенъ со мною!“ — Вы оши-
баешесь: со мною. Но вопъ очень къ спаши
порядочной спаричокъ; если онъ не моложе
своего плашья, по вѣрно видалъ на вѣку
своёмъ не одну Комедію и Трагедію. Мо-
жетъ быть ему удавалось разсуждать объ
нихъ и съ самимъ Мольеромъ или съ бо-
жественнымъ Расиномъ. При эпомъ словѣ

жаргіе спорщики овладѣли бѣднымъ Форланжемъ. Государи мои! отвѣчалъ онъ имъ съ неописанною досадою: я неимѣю времени занимать васъ вашимъ вздоромъ! — Вздоромъ! воскликнули въ одинъ голосъ спиховорцы: можно ли такъ непочтительно говорить о двухъ важнѣйшихъ предметахъ спиховорческаго искусства! — „Прошу меня извинить, я совершенный невѣжда въ спиховорствѣ!“ — Но бѣдный Форланжъ напрасно надѣялся защитить себя своимъ незнаніемъ; спиховорцы усердно принялись осыпать его своими доказательствами; одинъ кричалъ въ правое ухо, другой ужасно шумѣлъ надъ лѣвымъ; Форланжъ бѣсился, наконецъ началъ браниться; прагикъ отвѣчалъ ему двумя жестокими спихами:

Когдабъ не сѣдины главышвоей почтенной,
Ябъ наказалъ тебя, ругашель дерзновенной!

И эта спиховорная угроза совершенно взбѣсила Форланжа; онъ вырвался изъ когтей своихъ мучителей, и началъ полкать ихъ отъ себя изо всей силы. „Какой же сердитый спаричонка! сказалъ комическій авпорб: онъ золъ какъ Сапирб.“ — О Мельпомена! воскликнулъ прагикъ:

Когда бы ярости моей я волю далъ,
Во преисподнюю безумца бы сослалъ!
Уйдемъ! я чувствую, что кровь во мнѣ клоко-
чешъ;
Что грозная рука сразитъ злодѣя хочешъ!

И они исчезли. Форланжъ побѣжалъ къ дверямъ, и онъ уже хотѣлъ оппираться замокъ, какъ вдругъ надъ самими его ушами что-то взвизгнуло дикимъ пронзительнымъ голосомъ. Форланжъ испугался, оборотилъ голову: длинный человекъ, худой и ужасной какъ привидѣнiе, пѣлъ Ипалiанскую арiю, кривлялся, и послѣ каждой рулады восклицалъ: прелестно! превосходно! истинно Ипалiанскiй вкусъ! Государь мой, сказалъ онъ Форланжу, имѣю честь свидѣтельствовать вамъ мое почтенiе. Если царя въ васъ меня необманываетъ, то вы должны быть хорошии знаменъ музыки; хочу пропѣть вамъ нѣсколько арiй изъ одной моей оперы, вопорую нынче поупру я кончилъ — слушайте! Содержанiе: *Полифемъ, лишенный глаза Улиссомъ*. Полифемъ, въ минути мучительной боли, причиненной ему головнею Улисса, поетъ. И нашъ музыкантъ заревѣлъ ужасную арiю. — „Я глухъ! воскликнулъ Форланжъ громозвучнымъ голосомъ.“ — Глухи или нѣтъ, какая нужда! прошу покорно выслушать! Вотъ прiо между Полифемомъ, его любимымъ бараномъ и мудрымъ Улиссомъ! И крикуи начиналъ уже прелюдировать; но грозное движенiе Форланжевой руки привело его въ ужасъ, онъ срылся.

Форланжъ вздохнулъ свободно — и было уже время. Дюроше могъ каждую минути

возвратишься; надлежало не пропустить благопріятнаго случая. Форланжъ какъ безумный бросается къ дверямъ, отворяетъ ихъ, и онъ уже готовъ перескочить черезъ порогъ, но въ эту самую минушу падаетъ къ нему въ ноги пьяный человекъ, роняетъ его, и они напяшя вмѣстѣ въ глубокой каналъ! Чшо ты здѣсь дѣлаешь? спросилъ пьяница, едва шевеля языкомъ. Какъ смѣешь ты нападать на Пророка Магомеша? — Форланжъ, не отвѣчая ни слова, ползъ изъ канала; но пьяный ухватился обими руками за полу его кавшана — я отвъ себя не отстану! ты не оказываешь уваженія къ священному Алкорану! — Форланжъ отшодкнулъ его и хотѣлъ идти въ садъ; но пьяный, схватившись за дверь, старался вломиться въ нее насильно, и кричалъ во все горло: Эшо мой рай; здѣсь живушъ мои гурій! Прочь, нечесливецъ! или сей часъ велю удавить тебя шелковою пеплею.

По счастію Оливьеръ, услышавъ крикъ, прибѣжалъ на помощь къ своему господину. Другъ мой, Омаръ, сказалъ ему пьяный, прикажи эшому беззаконнику выколошить спину; онъ обижаетъ Пророка Магомеша. — „Ахъ, Оливьеръ! воскликнулъ Форланжъ; я въ опчаянїи; на меня навязались два сумасшедшихъ спихотворца, одинъ музыкантъ и

эшоуъ проклятый пьяница, копорый величаешъ себя Пророкомъ. — Ошъ шрехъ я ошдѣлался; ради Бога избавь меня ошъ чешвертаго! — И Оливьеръ палъ ницъ у ногъ Магомета. О великій Пророкъ! всѣ повелѣнїя швои будущъ исполнены! сїю минушу прикажу удавишь сего нечеспивца! Но обявляю тебѣ, наперсникъ Божїй, что я въ ближнемъ шракширѣ пригошвилъ для тебѣ ужинъ; ешъ и вино, котораго можешъ пишь, сколько тебѣ угодно! — „Вино! вино! О мудрый Омаръ! я сдѣлаю тебѣ Калифомъ! Ты созданъ повелѣвашь вселенною! Вино! — Я умираю ошъ жажды!“ И Магометъ удалился, взглянувъ свирѣпымъ окомъ на Форланжа, копорый какъ сумасшедшїй бросился въ садъ. — Черезъ минушу явилась и Клеманшина. Онъ падаетъ передъ нею на колѣна, цѣлуешъ ея руку . . . но кшо опишетъ его блаженшво! Они выходятъ изъ сада! Клеманшина свободна! —

Слѣдуйте за мною, сказалъ Форланжъ въ полголоса, кареша наша въ двухъ шагахъ! мы ѣдемъ въ Лїонъ! . .

„Въ Лїонъ? ошвѣчала незнакомка, сбросивъ съ себя покрывало: прошу меня извинишь! Такъ далеко въ мои лѣша не ѣздяшъ!“ — Форланжъ взглянулъ на лице незнакомки; оно освѣщено было фонаремъ;

кого же онъ увидѣлъ? Госпожу Бермонъ, почтенную свою бабушку. Онъ опскочилъ назадъ, какъ будто увидѣвши страшное привидѣнiе; въ эту минушу со всѣхъ сторонъ послышался громкiй хохотъ; явилась Амелiя съ пятью знакомцами госпожи Бермонъ!

„Я не ошибся! Бабушка, это вы?“ —

Точно я, мой любезный внукъ! Благодарю тебя; ты избавилъ меня отъ тяжкой неволи! Правду скажешь, это похищенiе сползло тебѣ дорого; за то какая награда! Скажи мнѣ, доволенъ ли ты оригиналомъ? . . . —

„Что вы говорите, бабушка! портретъ?“

Былъ списанъ съ меня, любезнѣйшiй внукъ!

„Съ васъ? Можетъ ли это спасться! какое чудо!“

Я извѣстию его. Этотъ портретъ былъ отданъ золотыхъ дѣлъ мастеру, которому поручила я сдѣлать на него медальонъ въ новомъ вкусѣ; ибо мнѣ хотѣлось благословить имъ Амелiю въ день свадьбы. Золотыхъ дѣлъ мастеръ отдалъ мнѣ его въ самый день нашей прогулки по Булоньскому лѣсу; я положила его неоспорочно въ карманъ; онъ вынулъ; возвратившись домой,

я спала его искашь; не нашла, и вообразила, что онъ украденъ; но мнѣ и въ голову неприходило, чтобы онъ могъ достаться въ такія хорошія руки! —

„Но вашъ ли костюмъ на этомъ портрѣтѣ? вы одѣшны по самой послѣдней модѣ!“

Скажи лучше по самой старинной; ибо такъ одѣвались во времена мифологическихъ боговъ сднѣ Граціи. Покойному супругу моему угодно было посмощрѣть, какова я буду въ Греческомъ платьѣ, и онъ велѣлъ написать меня въ скромной одеждѣ Граціи Аглаи. Но если ты мнѣ не вѣришь, то можешь прочиташъ имя оригинала, написанное на кости позади портрѣта. Подай мнѣ медальонъ; я покажу тебѣ одну пружинку: спощишь ее подавишь, и медальонъ спкроепся! Но всѣ эшъ подробности, мой другъ, мой милый избавишель, недоказывающъ ли тебѣ весьма ясно, что я, точно я, а не другая, имѣю честь бышь оригиналомъ эшаго восхищительнаго портрѣта?

Госпожа Бермонъ взяла изъ рукъ Форланжа медальонъ, спккрыла его и позади портрѣта увидѣла надпись: *Госпожа Бермонъ двадцати лѣтъ 1740.*

„Непонятный случай. Я немогу опомниться от удивленія!“ —

Скажи лучше, от радости! Посмотри на меня! мы созданы другъ для друга, и я рада божиться, что ты въ этомъ уборѣ какъ двѣ капли воды похожъ на своего покойнаго дѣдушку, господина Бермона! —

„Ахъ, бабушка! вы имѣете полное право надо мною смѣяться: я сумасшедшій!“ —

Правда швая, мой другъ! ты въ полномъ сумасшествіи! Однакожъ утѣшься; въ прежнее время отъ эшаго пріятнаго личина и не шака головы, какъ швая, приходили въ безпорядокъ. Двадцати лѣтъ я была хороша и очень хороша собою. —

Но это удивительно, сказалъ Оливьеръ, какъ много шестьдесятъ лѣтъ можешь перемѣнить лице молодаго человека! —

Позвольте полюбопытствовать, любезный внукъ, осталось ли въ сердцѣ вашемъ сколько нибудь эшой ужасной спраши?

„Ахъ, бабушка! можете ли вы меня простишь!“

Простите его, сказалъ Оливьеръ; въ другой разъ эшаго съ нимъ не случится! —

— Охотно прощаю тебѣ, мой милой безумецъ. Я сколько смѣялась, благодаря

эпимъ снисходительнымъ господамъ, которые всѣ играли въ нашей комедіи, что нынѣ возможности. . . .

„Какъ, бабушка? Но въ самомъ дѣлѣ! Вотъ господинъ Дюроше, спихопворцы, оперисты и пророкъ Магомешъ! Я знаю ихъ всѣхъ въ лицо и могъ быть обманутъ . . . о сумасшедшіе! Амелія, милый другъ, простишь ли ты мнѣ мою безразсудность? . . .“

Послушай, Амелія, уступаю тебѣ всѣ мои права на сердце энаго милаго очарователя — сказала госпожа Бермонъ. Но ты отдай справедливость моему великодушію. Если вѣришь примѣтамъ, то я оказываюсь изъ любви къ тебѣ стѣ послѣдняго завоеванія моихъ прелестей. Полно мнѣ думать о побѣдахъ.

Амелія подала руку Форланжу; въ глазахъ ея сверкнули слезы. „Амелія! ты возвращаешь мнѣ свое сердце!“ воскликнулъ Форланжъ. —

Оно всегда тебѣ принадлежало! —

„О мой другъ! если когда нибудь сдѣлаю невѣрность. . . .“

То это останется между нами, прибавила госпожа Бермонъ, улыбаясь.

И на другой день Амелія опдала руку свою Форланжу. Они были счастливы. Воображеніе Форланжа успокоилось, но не угасло: представляя ему Амелію образцомъ прелести, ума, добродѣтели, оно украшало въ глазахъ его одну истину; эпа веселя способность души, будучи направляема въ надлежащей цѣли, сильнѣе привязываетъ насъ къ исполненію должностей нашихъ, ибо дѣлаемъ ихъ привлекательными; она даетъ намъ прямое счастье, озаряя добродѣтели наши очаровательнымъ блескомъ своихъ заблужденій.

Съ Франц.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Посланіе къ Н. О. Г. . . . ну

(въ его деревню). (*)

Отъ шума и суеты, въ цѣлое уединеніе
Я мысленно несусь бездѣлованъ съ шобой,
Сокрывшимся въ благомъ отъ свѣта удаленіи,
Другъ пламенный наукъ и другъ почтенный мой!

(*) Подражаніе Вольперову посланію къ Гельвецію: Tout vouloir est d'un fou. *и др.*

Блаженъ, кто съ юныхъ дней желанья ограждае^{тъ},
дае^{тъ},

Для мудрости своей лѣтъ позднихъ не зовешъ,
Кичливымъ замысламъ преграды полагаешъ
И въ миръ по спезѣ назначенной иде^{тъ}.

Ты шамъ шеперь, гдѣ другъ тебя воображае^{тъ},

Подъ кровомъ оптическимъ, укывшимся отъ бурь.

Рука самой судьбы покой швой охраняешъ

И неба швоего всегда цвѣшешъ лазурь!

Съ шбой опрадный миръ, швой вождь и другъ

Природа,

Исполненна своей прелестной простоты,

И пламенной души сошупница, свобода,

И радость чистая, и сладкія мечшы! . . .

Благодари боговъ, шаспливецъ вознесенный

Надъ низкимъ жребіемъ рабовъ своихъ страспей,

Которы къ суешамъ съ лѣтъ юныхъ прилѣ-

пленны,

Имъ служатъ, жалкіе, до самыхъ позднихъ дней.

Сремисьavidною къ познаніямъ спезёю,

Но въ шествіи своемъ всегда умбренъ будь;

Пускай швой зрѣешъ умъ сей пищею благою,

Но . . . другъ мой! и ему предписанъ должный

пушъ;

Какъ солнце, царь планешъ, надъ всѣми возне-

сенный,

Воспекши до небесъ пресвѣшлой вышины,

Онъ миръ весь озаривъ, отъ блеска, красоты,

Спускаешся . . . и чшшъ закашъ опредѣленный.

Всѣмъ радостямъ, прудамъ посшавленъ грозный

край.

Непосшижимая средъ спрогихъ назначеній

Судьба речешъ: спремись; но далъ не дерзай!

Во всемъ умбренность ешъ прелестъ наслаж-

деній;

А опдыхъ для пруда и сила и краса.
Природа мудреца открыла предъ очами
Руки Зиждипеля различны чудеса;
Въ безмолвіи ея плѣняйся красотою;
Но, дерзкой, вопрошашъ о тайнствахъ не смѣй.
Изпоргнутъ изъ среды людей обыкновенныхъ,
Благоговѣй предъ нѣмъ, что скрыто отъ людей.
И намъ ли слѣдовать, въ пущахъ ея несмѣш-
ныхъ,

За сокровенною премудростью Творца?
Умали въ нѣсныя вмѣстись ея предѣлы
И дашь предѣлаъ тому, что вѣчно безъ конца?..
Пусть скажетъ Реомюръ, сей умъ изъ смер-
тныхъ смѣлый,

Который цѣлый вѣкъ Природѣ посвятилъ,
Какими нѣсными, незримыми пущами
Сю, блестящую надъ нашими очами,
Творецъ согласовалъ пространну цѣль свѣтилъ?
Почию свирѣпый пигръ и аспидъ и гѣйна,
Рыкаючи на брань, разверзнувъ лютый зѣвъ,
Въ груди своей несуть кипящій вѣчно гнѣвъ;
А серна робкая и агница смиренна,
Въ веселіи стопы спремѣющія свои,
Споль склонны къ чувствіямъ покоя и любви?
Съ числомъ щоликимъ ногъ, по виду бесполез-
ныхъ,

Почто сей червячокъ, сокрывшійся во мглѣ,
Дрожащій, движетъ спамъ своей гибкой по землѣ;
Зимою, погребясь въ ея ущельяхъ нѣсныхъ,
Съ наставшею весны мгновенно теплотой
Пріемлетъ новый видъ, сонъ долгій покидаетъ,
И крылевъ своихъ блестящей красотой
Гордяся, ихъ опять предъ солнцемъ разви-
ваетъ? . . .

Пусть скажетъ Дюфай, зарывшійся въ правахъ,
Имъ собранныхъ со всѣхъ обширныхъ странъ
вселенной,

Прикосновеніемъ единымъ умерщвленной,
Почто сей нѣжный цвѣтъ смыкается въ ру-
кахъ? —

Я къ медику Царя съ вопросомъ прибѣгаю:
Онъ опынѣе всѣхъ поварицей своихъ,
Учасникъ въ таинствахъ Природы; вопрошаю,
Какими средствами сей хлѣбъ опъ устѣ мо-
ихъ.

Весь движешъ мой составъ, въ мои втекаешъ
жилы,

Успалый сердца бой опятьъ собой живишь,
Разсудку моему вновь дѣйствовать велишь,
И новыя даешь ослабш. му мнѣ силы? —

А вы, летящіе по сушѣ и водамъ,
Зрѣшь міра красоту, испытывашъ печенье
Планетъ и постигаешъ ихъ пайное влеченье,
Скажите, мудрые, извѣспноль спало вамъ,
Какимъ путемъ земля вокругъ солнца обтекаешъ,
И блѣдная луна, заимствуя свой свѣтъ,
Какъ образъ свой и ходъ, въ часъ срочный, из-
мѣняешъ?

Безмолвіе и вздохъ невольный вашъ опѣтъ.
Останься Аргонавтъ безплодно упомленный,
И тщетнымъ плаваньемъ не возмущай морей;
Почто летѣшь за тѣмъ въ предѣлы отда-
ленны,

Что не постигъ Невзонъ въ обители своей?
Ты компасомъ своимъ вселенну измѣраешъ,
Но тѣснаго угла шой малыя земли,
Что каждый мигъ споной премудрой попира-
ешъ,

Постигнешъ ли во всѣ урочны дни свои?

Я вижу предъ собой въ искусствѣ васъ нич-
тожномъ,

Чершащихъ внѣшній видъ огромныхъ сихъ
палатъ,

Въ его строеніи великомъ, многосложномъ,
Тамъ спѣны, тамъ углы черны изобразилъ...
Чудесныхъ совершенствъ сей образъ изображен-

ный,
Илодь шаякаго для васъ и шщетуаго шруда!
Ихъ внушррнностъ отъ глазу сокрыта на-

в егда.
Почшождъ ошягощашъ шпремленъемъ разумъ
бранный,
И мучишъся шрудомъ, въ которомъ пользы
нѣтъ?

Яль жалкаго зего безумца подражашель,
Который, усшремьясь въ опасный къ Ешнѣ
сладу,

Шущины на краю, Природы испышашель,
Погибъ опѣ пламени и дерзости своей? . . .

Но честолубіе опаснѣй всѣхъ шпрасшей.
Безовѣшный судья, философъ лицемѣрный,
Кое ешка, съ скромною повязкою на челѣ,
Вельможа, на словахъ и въ дѣйствіяхъ невѣрный,
Подъ маскою влекушъ свой шпыдъ по всей
землѣ. —

И жишели бреговѣ свободной Иппокрены,
И самыя пѣвцы, священныя гласѣ боговѣ,
Устроивѣ на хвалу судьбою вознесенныхъ,
Служили съ лестію презрѣнной у дворовѣ.
Кого не обольщаль взглядѣ гордый властелина?
Великому въ Царяхъ ничпожна похвала.

Нощомштво не пѣвцовѣ, но шмотритѣ на дѣла
Платона, Пиндара, Виргилія, Расина,
Я вижу . . . но и ты, о смѣлыхъ душѣ при-
мѣрѣ!

Склонялся иногда отъ истины, Вольшерѣ,
Желая угождать величію и сану, —
То славилъ пѣснію прехвальною своей,
Чего ошнынѣ я всегда чуждашъся сану!

Я самъ — хощь не пѣвецъ — въ моемъ
цвѣтущемъ лѣтѣ
Почаспу сиживалъ вельможей за споломъ;
(Безумецъ полагалъ прямое счастье въ помѣ)
И на меня подѣ часъ зависпливо взирали
Льстецы, которые ихъ всюду окружали!
Но нынѣ, какъ о нихъ по опыту сужу,
Я хладнымъ болѣ кумирамъ не служу! —
Сирены льстивыя, которыми въ даръ носила
Неопытность моя свободу и покой,
Которыхъ и петерь еще не разлюбила,
Я вашей, хитрою, маскаемъ былъ рукой,
И вы мнѣ съ нѣжною улыбкою швердили,
Что болѣ всего любовь мою цѣнили;
Что я вамъ . . . цѣлый свѣтъ! Полнѣ спра-
шную поскою,
Я вѣрилъ, въ простотѣ, безсмыслицѣ такой!
Но нынѣ снова въ мирѣ съ разсудкомъ я вступ-
паю,
И павъ предѣ алтари боговъ моихъ, взываю,
Да въ сладкую меня безвѣстность заключатъ,
И малымъ благъ числомъ щастливца оградятъ;
Да снова, призракомъ ничтожнымъ ослѣплен-
ной,
Безумецъ небѣжитъ опъ родины священной,
Да Дона на берегахъ, среди полей родныхъ,
Онъ въ мирѣ кончитъ жизнь, разцвѣтшую
на нихъ! —

1810 Июнь,
С. Петербургъ.

М. М — аъ.

С Т И Х И

на Мишенскую долину.

(Посвящены А. П. Юшковой.)

Нѣтъ средства не сказать: прекрасная долина!
Прелестнѣе спокрашѣ, чемъ мертвая руина,
Какую сохранилѣ отъ Генуезцевъ Крымѣ,
Какихъ мы посмотришѣ во весь духъ скачемъ
вѣ Римѣ.

Живой Напуры пронѣ! дыханіе Зефира
Не спонешѣ вѣ заперши подѣ сводами пор-
фира;

Вѣ свободѣ полной мысль, волшебныя мечпы
Являющѣ новыя повсюду красоты.

Безсонной чародѣй, мое воображенье,
На каждомъ шагѣ духъ приводитѣ вѣ восхи-
щенье.

Здѣсь Фэбовѣ западѣ зрю, — шупѣ вижу
всходѣ луны.

И слышу вдалекѣ Бѣлевскіе звоны.

О родина моя! Москва, къ которой шаю,
Котору вѣ жизни я подобилѣ часто раю,
Которая по смерть пребудешѣ мнѣ мила,
Мнѣ слышатся уже швои колокола!

Природа! предѣ шбой что наши миллионы?
Люблю швои дары, блажу швои законы!
Божественны мѣспа! еще побудемъ здѣсь,
Пусть врѣжешя вѣ умѣ гора, лѣсокѣ, вся
весь.

Дай, память, вѣчну кисть — рисуйся вѣ ней
каршина;

Дай, сердце, имя ей: блаженная долина!

1810 года, Августа 28.

К. И. Долгорукий.

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

~~~~~  
ХРОНОЛОГІЯ.  
~~~~~

Объ астрономическихъ наблюденійъ, присланныхъ изъ Вавилона опъ Каллисѣена къ Аристопелю.

Въ публичномъ засѣданіи Французскаго Инспишупа въ Парижѣ 5 Іюля нынѣшняго года читано г-мъ Женгене донесеніе о трудахъ членовъ Опдѣленія исторіи и древней литературы. Особливаго примѣчанія достойно Разсужденіе объ астрономическихъ наблюденіяхъ, присланныхъ изъ Вавилона въ Грецію, опъ Каллисѣена къ Аристопелю. Оно написано г-мъ Ларшеромъ, извѣстнымъ въ Европѣ Еллинистомъ, почтеннымъ переводчикомъ Геродотовой Исторіи.

Сочинитель признается, что есть астрономическія наблюденія весьма древнія, и что нѣкопоры изъ нихъ безспорно относятся къ началу Набонасарова лѣтисленія. Но какъ давно, когда именно сдѣланы были первыя наблюденія? Вавилоня-

не, по свидѣтельствѣ Цицерона, хвалились своими за 470,000 лѣтъ; Діодоръ Сицилійскій пишетъ, что у Халдеевъ были оныя дѣланы за 473,000 лѣтъ до Александрова нашествія; Ямвлихъ еще далѣе относитъ Вавилонскія наблюденія, говоря, что начало ихъ просирается за 729,000 лѣтъ. Но Цицеронъ называетъ Вавилонянъ вѣрными, невѣждами, бессмысленными и лжецами; Діодоръ совсѣмъ невѣритъ Халдеямъ, на которыхъ ссылается; а Ямвлихъ самъ почти незаслуживаетъ вѣроятія. Можно ли положиться и на Симплиція (*), когда онъ первыя астрономическія наблюденія, Египтянами сдѣланныя, относитъ къ 1450 году до нашего лѣтосчисленія, а Вавилонскія и еще далѣе за нѣсколько столѣтій?

По свидѣтельствѣ того же Симплиція, Каллисѣенъ, ученикъ Аристотелевъ, находившійся вмѣстѣ съ Александромъ въ походъ противу Персовъ, по просьбѣ учителя своего переслалъ въ Грецію астрономическія наблюденія, начертанныя на жженыхъ кирпичехъ и хранившіяся въ Вавилонѣ. Порфирій, упоминая о Симплиціѣ, относитъ ихъ къ 1903 году до кончины Александра, то есть къ 2227 году до на-

(*) In Aristotelem de caelo L. 2.

шего лѣтосчисленія и ко 120 году прежде основанія Ассирійской Монархіи по счету Кнззія, которой однакожъ назначаетъ сію эпоху далѣе всѣхъ другихъ испориковъ. Г. Ларшеръ невидитъ здѣсь никакого правдоподобія, и утверждаетъ: 1 е. что весьма трудно согласишься, будто Каллисѣенъ прислалъ къ Ариспошелю астрономическія наблюденія; а еслибъ и такъ, то нельзя спастись, чтобъ сіи наблюденія проспирались далѣе Набонасаровой Еры; 2 е. что Греческіе астрономы до самаго Птоломея не знали не только прежде сей эпохи бывшихъ наблюденій, но и самой Еры Набонасаровой; 3 е. что Птоломей прежде всѣхъ писателей упоминаетъ объ оной, и не знаетъ другой Еры, которая была бы ей спарве.

Г. Ларшеръ доказываетъ первое свое положеніе такимъ образомъ: Ариспошель, получивши столь драгоценныя памятники древности, не спалъ бы такъ ихъ, но упомянулъ бы о нихъ въ какомъ нибудь своемъ сочиненіи, и конечно объявилъ бы о семъ важномъ пріобрѣтеніи ежели не всѣмъ пріятелямъ своимъ, ежели не всѣмъ ученикамъ, но по крайней мѣрѣ нѣкѣмъ особамъ, съ которыми въ упреніе часы проаживался въ Лицеѣ, и которыми открывалъ мнѣнія свои о предметахъ самыхъ тайныхъ и оц-

влеченныхъ. Опъ чего же спали они извѣспны свѣшу не прежде какъ спуска шесипъ вѣковъ послѣ его смерти? Почему одинъ только Порфирій упомянулъ о нихъ, а припомъ и весьма неясно, даже не означивши подробно ни одного изъ сихъ наблюдений? Ежели Аришпешель для себя только берегъ споль драгоцѣнное сокровище, то какъ могъ свѣдать о немъ Порфирій? Извѣспно, сколь долгое время Аришпешелевы шворенія оспавались подъ спудомъ, и какія перемѣны вкрались въ нихъ послѣ перваго изданія. Многя сочиненія сего философа утрапились; нѣкопорыя приписывающси ему несправедливо. Упращенныя сочиненія совершенно чужды Аспрономіи; слѣдспвенно для присланныхъ изъ Вавилона наблюдений не было въ нихъ мѣспа. Прилично было бы упомянутьъ о нихъ въ *Трактатъ о небѣ*; онъ дошелъ до насъ въ цѣлости: однакожь во всѣхъ чепырехъ книгахъ сего спрашапа ни слова неспказано о Вавилонскихъ наблюденияхъ, и нѣшъ мѣспа, гдѣ можно было бы ихъ вставишь.

Сверхъ того Каллисеевъ могъ бы изъ Вавилона прислать въ Аришпешелю развѣ одни только списки; ибо подлинныя наблюдения, начертанныя на жженныхъ кирпичныхъ плисахъ, необходимо долженспшвовади оспаваться въ Вавилонѣ. Въ такомъ

случаѣ Берозѣ, родившійся въ семѣ городѣ при концѣ Александрова царствованія, и Криподемѣ современникѣ Бероза и Каллисѣена, должны бы видѣть ихъ; они конечно упомянули бы о сихъ драгоценныхъ памятникѣхъ. Епигенѣ, жившій спустя попомѣ около 300 лѣтъ, по свидѣтельству Плинія, видѣлъ сдѣланныя въ Вавилонѣ аспрономическія наблюденія съ перваго года Набонасаровой Еры. Ежели пакѣ, по ему надлежало бы видѣть равнымъ образомъ и прежнія, шоесть и шѣ, которыя отправлены были, какъ сказываютъ, отъ Каллисѣена къ Аришпелю; но обѣ нихъ не упоминается ни слова. Еще и другими оприцапельными доводами опровергается вѣроятность присылки наблюденій изъ Вавилона въ Грецію.

Г. Ларшерѣ во второй части своего Разсужденія доказываетъ, что Греческіе аспрономы не только о наблюденіяхъ, бывшихъ прежде Набонасаровой Еры, но и о ней самой ничего незнали. Въ семѣ опдѣленіи сочинитель повноряетъ все, что древними ни было писано обѣ Аспрономіи. Сначала প্রশ্রанно защищаетъ онѣ мнѣніе свое о Набонасаровой Ерѣ противу всѣхъ возраженій; попомѣ вычисляетъ множество наблюденій, сдѣланныхъ Греческими аспрономами, и подробно разсмаприваетъ упоминаемыя ими разные Еры; а не находя ни-

чего о началѣ Набонасарова счисленія, выводитъ изъ того слѣдствія, что оно было имъ вовсе неизвѣстно, равно какъ и прочія древнѣйшія еры и самыя наблюденія, присланныя, какъ говорятъ, къ Аристотелю отъ Каллисена.

Наконецъ въ претей части г. Ларшеръ доказываетъ, что Птоломей прежде всѣхъ писателей упомянулъ объ ерѣ Набонасаровой, и что онъ не зналъ другаго начала счисленія, которое было бы ей спаре. Первое изъ сихъ двухъ положеній очевидно подтверждается тѣмъ, что изъ всѣхъ удѣлѣвшихъ твореній древнихъ писателей, до самаго Птолемея, ни въ одномъ не упоминается ни о сей ерѣ, ни о Набонасарѣ, отъ котораго она получила свое названіе. Доводы касательно впрочемъ положенія суть слѣдующіе: изъ множества упоминаемыхъ Птоломеемъ наблюденій, одни сдѣланы были прежде его, а другія имъ самимъ. Сдѣланныя до Птолемея раздѣляются на начинающіяся отъ Набонасаровой еры и продолжающіяся до смерти Александра, и на тѣ, которыя начинаясь отъ времени Александровой кончины, продолжаются до основанія Римской Имперіи. Первые заимствованы отъ Вавилонскихъ астрономовъ, слѣдственно Птоломей необходимо долженъ былъ пользоваться ихъ хрою; онъ и дѣйстви-

тельно ссылался на нее, гдѣ была надобность говорить о сихъ временахъ древнихъ. Изъ того и заключаемъ г. Ларшеръ, что Птоломей не зналъ о наблюденіяхъ предшествовавшихъ Набонасаровой ерѣ, или потому что ихъ вовсе не было, или же что оныя были уничтожены Набонасаромъ по свидѣтельству Бероза. Сочинитель заключаетъ далѣе, что присланныя къ Ариштоелю отъ Каллисѣна наблюденія, по мнѣнію Порфирія проспиритующіяся за 1903 года до Александровой смерти, принадлежатъ къ числу басень, и что ежели Каллисѣнъ дѣйствительно послалъ ихъ изъ Вавилона въ своего учителя, то древность ихъ не можетъ проспиритоваться далѣе царствованія Набонасарова, то есть далѣе 747 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія.

Въ разсужденіи же наблюденій, дѣланныхъ послѣ смерти Александра до учрежденія Римской Имперіи, г. Ларшеръ повпоряетъ все упоминаемое Птоломеемъ о наблюденіяхъ астрономовъ и прежде его жившихъ и ему современныхъ. Ни одно не относится къ ерѣ Набонасаровой. Разныя еры, которыя употребляетъ Птоломей при своихъ наблюденіяхъ, какъ по смерти Александра, начало счисленія Набонасарова, и наконецъ годы правленія царствующихъ Императоровъ, подавали г-ну Ларше-

ру случай поправлять ошибки прехъ славныхъ астрономовъ, Кассини, Лаланда и Пенгре.

Оспается сказать о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ Птоломеемъ и имъ же самимъ описанныхъ. Въ теченіе двадцати семи лѣтъ Птоломей сдѣлалъ шридцать чешыре наблюденія, означенныя годами царствованія Римскихъ Императоровъ. При одномъ только наблюденіи Птоломей прибавляетъ годъ Набонасаровой еры; при другомъ поставилъ онъ годъ отъ царствованія Мардокемпара, чешвертаго преемника Набонасарова; при третьемъ къ Набонасаровой ерѣ прибавляетъ онъ годъ отъ смерти Александра. Сверхъ того видно, что Птоломей сію послѣднюю эпоху принималъ за основаніе въ астрономическихъ вычисленіяхъ, хотя и упоминаетъ о ней въ своихъ наблюденіяхъ только два раза. Г. Ларшеръ доказываетъ, что Птоломей вообще держался сего порядка.

Г. Ларшеръ, желая доказать, что Каллисѣенъ не посылалъ въ Грецію наблюдений лунныхъ и солнечныхъ затмѣній, бывшихъ за 1903 года до смерти Александровой, рѣшительно утверждаетъ, что въ столь древнее время не могли быть дѣлаемы упомянутыя наблюденія. Оспавляя

возраженія, копорья можно бы почерпнуть изъ книгъ священныхъ, авторъ говоритъ, что прежде надлежало имѣть предварительныя свѣдѣнія и многія орудія, а потомъ уже приступить къ вычисленію затмѣній по исправнымъ таблицамъ; но до царствованія Набонзасарова никто не имѣлъ ни орудій, ни предварительныхъ свѣдѣній. Нѣтъ сомнѣнія, что въ отдаленнѣйшія времена были замѣчаемы солнечныя затмѣнія и лунныя; но кто могъ дѣлать надъ ними настоящія астрономическія наблюденія? На послѣдокъ изо всего заключаемъ г. Ларшеръ, что ежели Каллисѣенъ прислалъ къ училелю своему Аристопелю древнія наблюденія Халдеевъ; то сіи наблюденія должны быть тѣ самыя, кои были извѣстны Птоломею. Но г. Ларшеръ весьма въ томъ сомнѣвается, и даже утверждаетъ, что Каллисѣенъ при всемъ ревностномъ желаніи своемъ услужить Аристопелю, никакъ не могъ бы доставить къ нему Халдейскихъ наблюденій изъ Вавилона. Предположимъ, говоритъ Ларшеръ, будто онъ разумѣлъ языкъ Халдейскій, что однакожь очень сомнительно; и тогда онъ не имѣлъ бы времени списать наблюденія. Онъ безоплучно находился при Александрѣ, копорой прибылъ въ Вавилонъ скоро послѣ сраженія при Арбеллахъ, повелѣвъ возстановить храмы почти разрушенныя

Ксерксомъ, и по совѣту Халдеевъ приносилъ жершвы Вилу; послѣ того не медля побжалъ въ Сузу, и возвратился уже незадолго до своей кончины. Передъ послѣднимъ прибытіемъ своимъ въ Вавилонъ, находясь въ Бакпріанѣ, Александръ приказалъ умершвишь Каллисѣена за принятое симъ философомъ участіе въ заговоръ противъ его жизни. И такъ Каллисѣенъ оставался въ Вавилонѣ весьма недолго, и едва доспало ему времени найши случай освѣдомиться, что въ семъ городѣ хранящся древнія аспрономическія наблюденія. „Узнавши же о нихъ, надлежало перевести ихъ на вразумительный языкъ; а, епо не легко было сдѣлать въ такой справѣ, гдѣ не имѣли даже понятія о Греческой словесности, и въ такое время, когда Греки еще неразумѣли Ассирійскаго языка.“ По симъ затрудненіямъ и по недолгому пребыванію Каллисѣена въ Вавилонѣ заключить должно, что Греческій философъ не посылалъ къ Аристокелю наблюденій не только древнихъ, но и совсѣмъ никакихъ, и слѣдственно что „свидѣтельство Симплиція и Порфирія суть пустыя басни.“

Изъ Magazin. Encycl. K.

III. К Р И Т И К А.

Возвращеніе въ оплечество любезнаго моего брата ().*

На одиннадцати страничкахъ двенадцатиспичными ямбическими стихами описано возвращеніе въ Россію одного соопечесвенника нашего, копорой въ *печеніе* пятильбшняго похода плавалъ по морямъ, какъ сказано въ заглавіи книжки. Вотъ начало :

Сидя на холмѣ возвышенномъ,
Вснѣхъ *пестрѣющей* во кругъ,
Споналъ я въ сердцѣ сокрушенномъ
О томъ что медлитъ вѣрный другъ
Въ странахъ *далекихъ* отъ отчизны,
Отъ дружбы брашской *удаленъ* :

(*) Князя Павла Александровича изъ пятильбшняго морскаго похода, въ печеніе копорого плавалъ онъ на многихъ моряхъ, начиная отъ Балшики до Архипелага, видѣлъ многія европейскія земли, и наконецъ изъ Тулона сухимъ путемъ чрезъ Парижъ возвратился въ Россію 1810 года Мая 30 дня. Въ С. Пешербургѣ, въ Морской Типографіи 1810 года.

Уже, уже я упомяну
Надеждѣ дѣлашь укоризны
Счислять его отсутствія дни.
Погнутъ ли въкогда преграды?
Иль вѣчно мнѣ не зрѣшь отрады?
Терѣшь ли прѣскорбія одни?

Еще спрофы двѣ; потомъ скажемъ свои
мысли.

Се солнце разлилось по міру
И полночь облеклась во свѣтъ;
И птицы къ вышнему эфиру
Возносятъ пѣсни и полетѣ,
Рѣваясь на воздухъ прозрачномъ.
Тамъ златомъ искрится вода,
А шамъ — блаженствуютъ спада,
Пасомыя на полѣ златномъ.
Лишь я примраченъ и унылъ,
Нерадѣ полъ свѣтлому позору;
Кидаю взгляды по обзору,
Не зрю того кто сердцу милъ.

*

Но кто шамъ мчится въ колесницѣ,
На рѣзвой двоицѣ коней
И вся ихъ мощь въ его десницѣ?
Изъ конскихъ дышущихъ ноздрей
Клубится дымъ, и пышетъ пламень,
И пѣна на устахъ кипитъ;
Изъ подъ желѣзныхъ ихъ копытъ
Лепитъ земля и хрупкій камень
И пылъ вѣтсся до небесъ;
Играютъ гривы ихъ густыя,
Мелькаютъ збруи золотыя,
Лучи кашащихся колесъ.

До сихъ поръ чипашели узнали, что въ самое по время какъ господинъ сочинитель сидѣлъ на холмѣ и печалился о разлукѣ съ другомъ своимъ, нѣкто вѣхалъ на парѣ лошадей.

Высокимъ слогомъ изображающа высшїя мысли, знаменищя дѣянїя, величественные, для всѣхъ или по крайней мѣрѣ для многихъ важные предметы. Ломоносовъ и здравой разумъ опредѣляютъ мѣсто ему въ героическихъ поемахъ, въ одахъ, въ рѣчахъ торжественныхъ. Для извѣщенїя радостнаго чувствїя о прибышїи любимаго брата ещѣ другой языкъ, языкъ сердечнаго удовольствїя и простой, неукрашенной искренности. Умѣнье писать высокимъ слогомъ ничего незначитъ безъ умѣнья употреблять его въ стихи и у мѣста.

*Si dicentis erunt fortunis absena dicta
Romani tollent equites peditesque cachinum,*

говоритъ Гораций. Въ поемахъ на изнанку выворачиваемыхъ стихотворцы надуваютъ эпическую трубу для бездѣлицъ; тамъ для обыкновенныхъ мыслей они нарочно употребляютъ наборъ словъ и фразъ высокопарныхъ, чтобы несоответственностїю однихъ съ другими разсмѣшить чипашеля.

Всѣ возможные въ человѣческой природѣ стихотворенїя давно уже разобраны по

соршамъ. Каждой родъ стиховъ имѣеть свои правила. Въ волю господъ стихотворцевъ слѣдовать имъ и неслѣдовать; только никакой умной чисташель не можеть обойтись безъ нихъ при выборѣ сочиненій, служащихъ или для образованія вкуса, или для удивленія любопытству, или даже для опогнанія скуки.

Здѣсь замѣчены косыми буквами стихи очевидно сомнительной доброты. Въ прочемъ мы не хотимъ быть привязчивы къ мѣлочамъ. Господинъ стихотворецъ почитаетъ песенку за опличительный признакъ весны: пускай почитаетъ. Ему кажется, что медленность и опсущствіе браша суть *преграды*, копорыя *падаютъ*, и что солнце *разливается* по мѣру: неспоримъ и о томъ, а въ разсужденіи разлиція солнца напомнимъ къ спашу, что и Ньютонъ былъ одного мнѣнія. Имѣя свои причины, мы не опличили *свѣтлаго позора*, ибо слово позоръ въ самомъ дѣлѣ искони упопреляемо было за одно со словомъ *зрѣлище*, на прим. и вси пришедшіи народи на *позоръ сей*. А кто возразитъ намъ, что слово позоръ теперь въ семъ значеніи никому неизвѣстно; передъ тѣмъ раскроемъ Аристотеля (*) и укажемъ на Арифрадиса, копорой шушилъ надъ прагиками, упопреляя-

(*) *Пери поитикиς* XXI . 4.

шими реченія неупопробибельныя. Аристопель говоритъ, на зло Арифрадису, что панія реченія возвышаютъ слоги именно по своей неупопробибельности. И на *обзоръ*, по нашему мнѣнiю, нападашь не должно; имъ хошяшь замѣнишь *горизонтъ*, слово взятое съ Греческаго. Доживемъ ли до того времени, когда ни одного иностраннаго слова не останеца въ Русскомъ языкѣ! Какое для насъ будетъ поржесство, когда управившись съ *горизонтомъ*, наконецъ вышеснимъ изъ Русскихъ словарей *шалку*, *коллакъ*, *кравать*, *чубукъ*, *видѣть* (*videere, videt*), *вслъ* (*вдимъ edimus, вдите editis*) и всѣ слова, въ которыхъ замѣшно что - нибудь иностранное! Тогда - по почѣмъ на лаврахъ, оставшись при своихъ родныхъ междушпяхъ! — Третья сирофа годилась бы для описанiя побѣды, одержанной какимъ - нибудь Греческимъ героемъ на Олимпiйскомъ респалищѣ, между швмъ какъ все дѣло состоитъ единшвенно въ томъ, что К. П. А. вхаль на парѣ лошадей, копорую господинъ сочинилель величаетъ *двойцею коней*. Хорошо, что прѣвзжій гостъ снакалъ не на шройкъ! . . .

Кто сей? — Мой духъ лепитъ на встрѣчу —

Я зрю любезныя чершы,
Еще, еще его *замѣчу*,
И се — что вижу я? — *се ты*,

Се ты, шоль долго жданный мною,
Пришлецъ и спранникъ мой драгой,

и проч. *Кто сей?* и *се . . . се ты!*
Опяшь снажемъ, что шакіе вопрасы и вос-
лицанія очень хороши, шолько при дру-
гихъ обспоятельстввахъ. *sed pinc non erat*
his locus. У Пепрова на примѣрѣ въ одѣ,
преисполненной красонѣ пѣишическихъ, ве-
селящіяся дѣши спрашивающѣ у родител-
ей своихъ, указывая на вождя, *ислребив-*
шаго флотъ непрятельскій:

Не сей ли, что орломъ по безднѣ водѣ
леталъ,

Россійскіе огни въ Турецкой флотѣ металъ,
Багровилъ синій поншѣ кровьюми инопле-
менныхъ?

Не онъ ли именемъ и ревностью Орловъ,
Кичливыхъ бичъ враговъ,
И слава современныхъ?

Онъ, онъ, являешъ шо и взорѣ егѣ и шанѣ;
Онъ здѣсь, а шамъ еще дымипся океанѣ!
Се братъ его, что шекѣ въ кровавый пер-
вой бои!

Се грозный варварамъ, Спиридовъ, испо-
линѣ!

Се Грейгъ, и съ нимъ Ильинѣ,
Непрепешны герои!

Въ прочемъ весьма поняшно, что Пе-
прову не большаго шруда споило сохранишь
приличный понѣ ошѣ начала до конца въ
превосходной своей одѣ. Онъ восцѣвалъ

подвигъ, на которой обращено было вниманіе всего свѣта. Еслибъ отъ Пешрова, еслибъ отъ самаго Ломоносова попотребовали высокопарной оды на обыкновенной случай; они вѣрно отпеклись бы невозможностію. Херасковъ невеликъ распвореннымъ рпомъ играеть въ свирѣлку.

Г. сочинитель поручаетъ *Хохлову* объявить друзьямъ своимъ, чпобы пришли послушать разныхъ вѣспей заграничныхъ отъ прѣвзжато гѣспя, которой видѣлъ всякую всячину, видѣлъ и непокорился никакимъ соблазнамъ, и пребылъ Россомъ. Вотъ мысль прѣвзжато:

Кому чужой *удѣлъ користень*
То свой конечно ненавистень;
А намъ нечпимъ Россію грѣхъ!

Онъ видѣлъ и *недорослыхъ* чады Рима и Авспрійцевъ *блескомъ освѣщенныхъ*, и Гишпанцовъ *сыновъ олечества*, и Поляковъ *шумныхъ духомъ*, видѣлъ

И громко судъ такой изрекъ:
Подобно какъ Иванъ великой
Превыше низкихъ шалашей,
Такъ Россъ возносипся душей
Превыше царствъ *Европы дикой*

Онъ видѣлъ огнедышущаго Везувія, водяной сполпъ, спашуи, картинь.

Что зрѣлъ онъ на водахъ, на суши,
Цельзя пересказать всего;
О други! *уготовьте уши!*
Послушать *есть что у него.*
До новаго ли вы *охочи?*

Вотъ поэтъ гораздо низшій простаго! Оправивши *Хохлова*, господинъ сочинитель опять обращается къ прѣвзжему брату, и говоритъ о себѣ:

Во время нашей разлуки
Въ стихи ударился мой умъ,
Я спалъ слагать ихъ *на обумъ,*
И стоны прибиралъ и звуки,
Попалъ въ рифмующу толпу
И въ домъ словесности Россійской,
Безъ всякой хипроси вишійской,
Кой какъ пробилъ себѣ пропу.

*

Прошла о мнѣ молва по граду,

и проч. Въ заключеніи полезный совѣтъ брату и подпись имени сочинителя.

Теченіе слова или гармонія наблюдаена отъ начала до конца; рифмы вездѣ богатыя, и ни одна чета ихъ не состоишь изъ двухъ глаголовъ. Т.

IV. С М Ъ С Ъ.

Н ъ ч т о о Г а р р и к ъ.

Сей неподражаемый актеръ одаренъ былъ чудесною способностію представлять всѣ характеры и припомъ съ такою точностію, съ такимъ искусствомъ, что и свои и чужестранцы удивлялись ему отъ искренняго сердца. Все было въ немъ шакъ краснорѣчиво, шакъ убѣдительно, шакъ натурально, что даже незнающіе Англійскаго языка понимали содержаніе рѣчей его по шѣлдвиженіямъ, по игрѣ лица и взоромъ. Въ прагическиххъ представленіяхъ сей единственныи человекъ выраженіемъ сильнѣйшихъ спрасшей приводилъ въ ужасъ каждаго зрителя, шерзалъ внушенности его, раздиралъ душу и заставлялъ проливать слезы. Въ комедіяхъ онъ забавлялъ и очаровывалъ; искусство его въ подражаніи до шого простиралось, что даже самыя корешкія приятели иногда обманывались и его не узнавали. Для каждаго лица была у него, шакъ сказать, особливая замашка и отличительныя признаки въ физиономіи, соотвѣшественно характеру, возрасту, состоянію и обшоятельствамъ. Бывъ вѣрнымъ подражателемъ Натурѣ, онъ умѣлъ представлять ее въ самыхъ счастливыхъ положеніяхъ и умѣлъ выбирать ихъ. Въ иномъ вѣкѣ, не столько просвѣщенномъ, Гаррикъ прослылъ бы чародѣемъ. Его прияшныя сочиненія принимаемы были весьма благосклонно,

и доставили Росцію Великой Британіи такое богатство, которымъ онъ могъ равняться съ откупщиками. (*Изъ Journ. des Dames.*)

О пудрѣ.

Кажется, что древніе совсѣмъ неимѣли понятія о нашей пудрѣ. Ни церковные отцы, которые со всею ревностію порочили кокетство женщинъ своего вѣка, ни сказочники, которые превозносили женскіе наряды, нигдѣ неупоминаютъ о пудрѣ. Невидно ее также и въ старинныхъ портретахъ, а живописцы тщательнo изображали головные уборы своего времени. Находимъ у Браншона (*), что Маргарита Валоа не любила черныхъ своихъ волосъ и употребляла всѣ средства перемѣнить цвѣтъ ихъ. Если бы пудра тогда уже была въ употребленіи, то Маргарита конечно воспользовалась бы симъ средствомъ. Французскій писатель Л'епоаль прежде всѣхъ упоминаетъ о пудрѣ. Въ дневныхъ запискахъ его сказано подъ годомъ 1593, что въ Парижѣ прохаживались монахини съ *напудренными* и зависыми въ кудри волосами. Съ того времени употребленіе пудры вошло въ обычай, и продолжалось во Франціи до самой революціи. Изъ Франціи распространилось оно по всѣмъ краямъ Европы. Но можно ли повѣрить, что за обычай пудриться мы обязаны благодарить монахинямъ? — Лудовикъ XIV немогъ перитишь пудры. Уже при концѣ своего царствованія началъ онъ мириться съ бѣлою пылью, и позволялъ слегка присыпать ею парики свои. (*Изъ Journ. des Dames.*)

(*) Онъ умеръ 1614 года.

О звѣздахъ и объ ихъ дѣйстви на судьбу человѣческую.

(Изъ новой книги, сочиненной г-мъ Сальгомъ подъ шишуломъ : Des erreurs et des préjugés gerandus dans la société.)

Вы приписываете планетамъ силы и дѣйствія, соотвѣтствующія ихъ названіямъ, не зная, что сіи названія выдуманы случайно и безъ всякаго намѣренія. Созвѣздіе шеперь извѣстное подъ именемъ *Лиры* прежде называлось *Коршучомъ*. У Аравіянъ *Два павлина* занимають мѣсто нашихъ *Близнецовъ*, *Снопъ* нашей *Дѣвы*, *Морской телецъ* нашей *Андромеды*. Скажите же, какое находите вы отношеніе между *Дѣвою*, которая почиается эмблемою безплодія, и между *Снопомъ*, знакомъ обилія? Кипайское небо не походитъ на наше; звѣзды у Кипайцевъ означены другими названіями и фигурами, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ нашей астрологіи.

. Ежели правда, что отъ звѣзды зависитъ судьба людей, то пошудитесь извѣстить намъ, отъ чего изъ двухъ человѣкъ, родившихся въ тотъ же день и въ тотъ же часъ, одинъ бываетъ папою или великимъ визиремъ, а другой звонаремъ, капуциномъ, янычаромъ, или дервишемъ?

Одинъ монахъ полковъ уголь и селипру, и случайно изобрѣлъ средство дѣлать огнестрѣльной порохъ. Сіе прекрасное изобрѣненіе уже опняло жизнь у сотни миллионовъ людей, разрушило до основанія города и крѣпости неприступныя, и опустило на морское дно

безчисленные флоты. Не ужели Марсѣ, или Юпитерѣ, или Меркуріи предвидѣли сію перемѣну и слѣдствія оной? Не ужели знаки Зодіака размѣстились по новому плану, чтобы пушечными ядрами умертвить тѣхъ людей, которымъ сперва предназначено было провести вѣкъ свой въ укромной хижинѣ и спокойно воздѣлывать поля опеческія?

Государь правдивый и добродѣтельный, но до слабости добрый, поручаетъ управление своими финансами людямъ неспособнымъ, и долгъ его въ каждой годѣ увеличивается пятьюдесятью милліонами; парламентъ опасаясь налоговъ, мѣшаетъ государю употребить спасительныя средства къ возстановленію порядка: какойнибудь честолюбецъ, пользуясь случаемъ, покупается похищенъ скипетръ у монарха, своего родственника; соспавляются на одной и на другой сторонѣ партии; возгораются междоусобицы; въ городахъ и селахъ ссорюжаются шенницы и ешафоты; лучшіе граждане, которымъ, по видимому, предназначено было дожиться вѣкъ свой среди почестей, избытка и спокойствія, влекутся въ шенницы и подвергаются поносной казни. Не ужели дѣйствіе планетъ вдругъ перемѣнилось? Не ужели планета, кому одна звѣзда предназначила богатство и счастье, по нечаянному дѣйствію другой опведенъ на лобное мѣсто?

Но хотя бы ученіе ваше и не было опровергаемо событіями, и тогда оно заслуживало бы всеобщее презрѣніе. Ежели справедливо, что звѣзды управляютъ человѣческою судьбою, то какъ можете обвинять вора, копо-

рой крадетъ кошелекъ вашъ съ деньгами, и разбойника нападающаго на васъ съ оружіемъ? Не имѣютъ ли они права сказать вамъ: жалуешься на созвѣдія; моя планета заставила меня похитить у васъ деньги; *Стрѣлецъ* управлялъ моею рукою, когда она заносила жинжалъ для опіянія у васъ жизни! Т.

Московскія записки.

Нынѣшняя Булгарія, гдѣ Россійскія войска пожинаютъ лавры побѣдъ и славы, прежде соспавляла нижнюю Мизію. Названіе свое получила она отъ Булгаръ, народа пришедшаго отъ береговъ рѣки Волги. Въ концѣ седьмаго столѣтія они переправились черезъ Дунай, опіяли у Византійцовъ прекрасную и плодотворную землю, лежащую между сею рѣкою и Балканскими горами, и тамъ поселились. Булгарія содержитъ въ себѣ 1740 квадратныхъ миль земли и полтора милліона жителей различныхъ исповѣданій, болѣе же Греческаго. Она раздѣляется на четыре пашалыка или губерніи: *Сардикскую* отъ города Сардики, нынѣшней Софіи, *Никопольскую*, *Силистійскую* и *Виддинскую*. Городъ *Систово* (Чисово) имѣетъ 4000 домовъ и 21000 жителей, отправляетъ важный торгъ кожами и хлопчатною бумагою, и извѣстенъ по мирному прахпану 1791 года. Ключи отъ крѣпости города сего 15 Сентября торжественно провозимы были въ С. Петербургъ на большомъ парадѣ вмѣстѣ съ прочими профеями побѣды, содержанной 26 Августа Рус-

ѣкими надъ Турецкимъ сорока - тысячнымъ войскомъ, коимъ предводительствовалъ знаменитый Сераскиръ *Кушхичъ - Али - Галиль Паша*. *Рущукъ*, знашый торговой городъ въ Никопольской губерніи, съ крѣпостью при Дунаѣ. Многіе почитаютъ его древнимъ Переяславомъ, въ которомъ жилъ великій Князь Святославъ Игоревичъ. Но *Преслава*; безъ сомнѣнія Переяславъ, лежишь не при Дунаѣ, а къ сторонѣ Варны въ Силистріи губерніи. Какимъ образомъ согласить несогласно? Было два Переяслава, большой и малой. Большой Переяславъ, нынѣ Преслава, по Турецки *Ески - Стамбуль*, т. е. древній Царь - градъ, столица Болгарскихъ царей, по мнѣнію нѣкоторыхъ построенъ Императоромъ Траяномъ, и названъ въ честь сестры его Марціанополь (нынѣ пишуть на картахъ Марценополь), а по мнѣнію другихъ построилъ его Константинъ великій. Малой Переяславъ, по нашимъ лѣтописямъ Переяславецъ, былъ надъ Дунаемъ, недалеко отъ Силистріи. Мнѣнія о построеніи различны, пошому ч. о смѣшивающіяся два города. Зонара именно упоминаетъ о большомъ Переяславѣ и о маломъ. *Силистрія*, въ старину Дрисстра и Доростполь; городъ съ крѣпостью при Дунаѣ и Дрисстрѣ. Онъ построенъ Константиномъ Великимъ, потомъ возобновленъ Юстиніаномъ, и извѣстенъ въ нашихъ лѣтописяхъ по описанію похода Святослава.

Турецкая крѣпость *Сулукъ Кале*, Россійскимъ оружіемъ покоренная 10 Юля, находится на Абазинскихъ берегахъ при Черномъ морѣ. Страна сія имѣетъ названіе отъ народа Абхазовъ или Абазы, по Русскимъ лѣтописи-

сямъ Обезъ. Надъ нею Турки нѣкопорымъ образомъ господствовали посредствомъ паши, копорой выбираемъ былъ изъ одной Княжеской фамилии и жилъ въ Сухумъ-Кале (Сохумъ-Кала).

*

Насшупаютъ долгіе вечера осенніе. Гдѣ съ большимъ удовольствіемъ можно провести два или три вечера въ недѣлю, какъ не въ театрѣ, а особливо человекѣ, копорой послѣ утомительной дневной работы ищеть пріятнаго отдыха? При такихъ обстоятельствахъ опчаяніе Кулисина въ *Знаткахъ* (*) и появленіе рака въ *Русалкѣ* (**) могутъ столько же развеселить, какъ и самыя оспрыя шушки Фохъ - Визина!! Пусть послужитъ это вшупленіемъ къ будущимъ замѣчаніямъ о представляемыхъ на здѣшнемъ театрѣ драматическихъ сочиненіяхъ. А между тѣмъ воспользуемся доспавленными намъ опъ одного любителя театра очень справедливыми замѣчаніями объ игрѣ нѣкопорыхъ актеровъ. 23 Сентября въ комедіи г-на Коцебу *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*, г. Плавильщиковъ, представляя уединеннаго, опрекшагося опъ свѣта, ненавидящаго родъ человекской Мейнау, приходилъ въ домъ Графа Виншерзее *одѣтый въ мундиръ, безъ шапки*. Прекрасный монологъ: „О миролюбивые оспровишяне южнаго моря! къ вамъ хочу я удалиться“ и проч. неизвѣстно почему пропущенъ г-мъ Плавильщиковымъ. Г. Зубовъ, игравшій Бишпермана,

(*) Комедія Емина.

(**) Нужно ли шупъ объясненіе? Кто незнаетъ въ несравненныхъ похожденияхъ Князя Видоспана и его конюшаго?

долженъ бы помнишь, что представляешь важнаго глупца, которой выдаешь себя за умнаго человѣка, и которой почишаешь себя въ правѣ важничать, рассказывая новости изъ всѣхъ странъ свѣта. Г. Колпаковъ представлялъ Графа Винперзее хорошо; желательнo однакожь, чпобы онъ впередъ не выходилъ на сцену прямо изъ подъ воды съ *чалудренною* головою. Какимъ образомъ уцѣлѣла прическа на головѣ его, когда, бывъ *подъ водою*, слышалъ онъ голосъ Бинпермана, и когда выплывали его изъ пруда *съ волосы*? Т.

V. ПОЛИТИКА.

О причинахъ, имѣющихъ наибольшее вліяніе на судьбу государствъ.

(Окончаніе.)

Право. Наслѣдственное право на корону можетъ послужить причиною и упадка и благосостоянія государства, смотря по обстоятельствамъ. Предложимъ примѣры. Генрихъ IV принужденъ былъ силою оружія достать себѣ корону, которая ему принадлежала. Карлъ Лопарингскій видѣлъ свою на головѣ Гуга Капелл, не имѣвшаго на оную никакого права. Всѣ претенденты обыкновенно заключаютъ договоры невыгодные для своихъ подданныхъ съ государями, отъ которыхъ надѣются получить помощь. По видимому Лудовикъ XIV поступилъ очень великодушно, когда вступилъ за Короля Іакова; но еслибъ сей Король достигъ престола, то долженъ былъ бы исполнить весьма строгія условія. Когда Европейскіе государи вооружились будто бы за права Лудовика XVI, въ то самое время намѣреніями ихъ управляло желаніе распространить свои владѣнія. По договору, въ Павіи подписанному 20 Мая 1791, Императору предназначены были Австрійскіе Нидерланды, завоеванные Лудовикомъ XIV; на часть Принцессы Христины и Эрцгерцога Карла доставалось

герцогство Лопарингское; Елзасъ отходилъ къ Имперіи; Савоя долженствовала обратно получить Брессъ, Бюже и Гексъ, а Испанія почисала уже своими Руссильонъ, Беарнъ и островъ Корсику. Недолжно забыватьъ, что договаривающіеся владетели были союзники и родственники Лудовика XVI!

Вѣроисповѣданіе. Оно служило орудіемъ для спрасней и покрываломъ для честолюбія въ продолженіе многихъ столѣтій. Глава Римско-кашолического исповѣданія, живучи въ городѣ, бывшемъ въ спарину обладателемъ міра, спарался возвратишь ему прежнія владѣнія; но Римляне уже не сущеспвовали, и ужасъ, копорымъ наполняли они вселенную, исчезъ вмѣстѣ съ ними. Надлежало употребишь другія средства. За неимѣніемъ войскъ и полководцовъ, вознамѣрились дѣйспвовать мѣбніями и суевѣріемъ, и сими средствами часто приобрѣтали то, чего никогда не получили бы съ помощію опышнаго войска, искусныхъ полководцовъ и великихъ сокровищъ. Мы положили вѣроисповѣданіе въ числѣ причинъ внушренныхъ; ибо опъ него часто возгарались междуособныя брани. Прибавимъ же, что оно всегда находилось въ рукахъ государя, Терпимостъ есть прекраснѣйшее дѣло благоразумной полишки, самое вѣрное средство сохранишь спокойствіе.

Политическая система. Каждое правительство дѣйспвуетъ по двумъ отношеніямъ: одно соединяетъ его съ подвластнымъ народомъ, другое со внѣшними правительствами. Послѣднее составляетъ политическую систему. Знаемъ по исторіи, что мѣсто *феодалъ-*

ной системы заступила *система равновѣсія*. Разсмотримъ обѣ.

Ленное правленіе началось при Карлѣ Великомъ. Сей государь учредилъ достоинства и должности, кошорыя могъ раздавать и опнимать по произволу. При слабыхъ преемникахъ его должности сіи сдѣлались наследственными, а чиновники, кошорымъ оныя принадлежали, самовластными. Для обезпеченія своей независимости, имъ надлежало склонить другихъ на свою сторону. Первые чиновники за благо разсудили дать свободу своимъ подчиненнымъ, желая сдѣлать ихъ сообщниками своихъ намѣреній. Съ того времени Королевская власть соснояла уже только въ одномъ пиплѣ. Независимые владѣтели, живучи въ укрѣпленныхъ замкахъ, безпрестанно воевали одинъ прошивъ другаго и разбойничали. Грабежи и убійства были слѣдствіями прихода самовластнаго вельможи, кошорой въ дѣлахъ своихъ самъ былъ судіею и не боялся наказанія. Въ нѣкошорыхъ странахъ Европейскихъ безпорядокъ сей, прикрытый именемъ феодальной системы, продолжался пять или шесть столѣтій ко вреду общежитія. Во Франціи онъ нѣсколько ограниченъ былъ возникшимъ тогда рыцарствомъ. Многіе рыцари соединились для охраненія общественной безопасности и для обороны женщинъ. Брагпской союзъ между ними утверждался кляшвою и обѣтами. Честь, великодушіе и уваженіе женскаго пола были пружинами ихъ дѣйствій. Рыцарство нанослѣдокъ сдѣлалось смѣшнымъ, единственно потому что не имѣли уже понятія о тѣхъ бѣдствіяхъ, кошорыя оно предопвращало.

Система равновѣсія сдѣлалась всеобщимъ правиломъ въ Европѣ въ то время, когда Австрійскій домъ могуществомъ своимъ успрашалъ всѣ державы, обладая сокровищами новаго свѣта, двумя сильными монархіями и многими обласнями. Тогда начались союзы между государями, которые иногда заключали договоры съ ерешиками и даже съ невѣрными. Францискъ I понималъ уже, что вѣра и полишика одна ошъ другой независятъ, и пошому не возгнушался имѣть союзниками себѣ Турковъ и прошешанскихъ государей.

Ежели въ равновѣсії государствъ есть какая-либо польза, то развѣ та, что оно второстепенной державѣ препятствуетъ вознестись на первую степенъ и сдѣлаться спрашнымъ. Однакожъ, развѣ мы не видали, какъ Брандебургскій Курфирствъ сталъ королемъ и при томъ весьма сильнымъ, на зло системъ равновѣсія? Защишила ли система сія Польшу ошъ раздѣла?

Внѣшнія причины. Главная изъ нихъ *Геократическое правленіе.* Въ наше время сила мнѣній принуждена уступать силѣ оружія. Чтобы покорить государство, нынѣ пошребны войско, полководецъ, удача. Европейская исторія представляетъ намъ чудесное явленіе, которому подобнаго примѣра не видано ни въ древности, ни въ другихъ частяхъ свѣта, и которое по всей вѣроятности никогда уже не возобновится. Исторія представляетъ намъ государя, неимѣющаго ни денегъ, ни войска, ни полководцевъ, но управляющаго благоустроенными державами, получающаго дань ошъ сильнѣйшихъ монар-

ховъ и раздающаго королевскіе вѣнцы по своему произволению. Всякой догадается, что здѣсь рѣчь идетъ о папахъ, кошорыхъ оружіе состояло въ булахъ и проклятіяхъ.

Исторія свѣтской власти папъ не принадлежитъ къ нашему плану; ибо власть сія не есть правительствѣ, ежели принимаешь слово сіе въ подлинномъ его смыслѣ. Однакожъ она была одною изъ числа важнѣйшихъ причинъ, имѣвшихъ вліяніе на судьбу государствъ Европейскихъ. Скажемъ слова два о началѣ свѣтской власти Римскихъ первосвященниковъ.

Кто полагается на извѣстія, выдуманная людьми просподушными; пошъ вѣришь, что папы съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства пользовались отличнымъ уваженіемъ, прошивились восточнымъ императорамъ и уничтожили ихъ указы! Разсмотримъ, справедливы ли сіи извѣстія. До начала царствованія Императора Θεодосія, Римская церковь неимѣла и не могла имѣть никакой власти, ибо до того времени была она въ неизвѣстности, или по крайней мѣрѣ въ униженіи. Вообще въ первыя четыре столѣтія Римской епископъ, среди великаго множества боговъ *majorum et minorum gentium*, не могъ представлять себя важною особою. Правда, что еще прежде Императоръ Константинъ подарилъ церкви святаго Іоанна (однакожъ не епископу Римскому) значительную сумму денегъ и землю въ Калабріи. Епископу было поручено имѣть попеченіе о бѣдныхъ и посылать проповѣдниковъ на востокъ и на западъ: рошъ причина щедрости Императора. Послѣ

Θεοδοσία Римъ былъ покоренъ и разграбленъ
 Аларикомъ; черезъ сорокъ пять лѣтъ потомъ
 сей городъ опустошенъ былъ Генсерикомъ;
 въ 476 году разграбилъ его Одоакръ, и по-
 томъ Θεодорикъ. Послѣдній имѣлъ пребываніе
 свое въ Равеннѣ, откуда управлялъ онъ Ри-
 момъ. Двое папъ спорили между собою объ
 архіерейскомъ престолѣ; Θεодорикъ прекра-
 тилъ споръ своимъ собственнымъ назначені-
 емъ. Внукъ его Апаларикъ опредѣлилъ поря-
 докъ избранія. Разумѣется, что при Веспго-
 шахъ, Вандалахъ, Герулахъ и Оспгосахъ, ко-
 торые одни послѣ другихъ владѣли Римомъ,
 епископу невозможно было усиливаться. Въ ше-
 стомъ столѣтіи Римъ покоренъ былъ оружі-
 емъ Юстиніана; въ 552 году онъ опять до-
 шался варварамъ; потомъ завоевалъ его Нар-
 сесъ, которой поссорившись съ Императоромъ
 своимъ, призвалъ въ Италію Лонгобардовъ,
 страшныхъ непріятелей христіанамъ. Всѣ сіи
 произшествія не подвержены сомнѣнію; они
 доводятъ насъ до осьмага вѣка, въ которомъ
 началась свѣтская власть папы. Въ седьмомъ
 и осьмомъ столѣтіяхъ Римъ зависѣлъ отъ ек-
 зарховъ, жившихъ въ Равеннѣ и признававшихъ
 надъ собою власть императоровъ восточныхъ.
 Папы не иначе были посвящаемы какъ по имен-
 ному повелѣнію екзарха. Они тогда еще и
 мечтать не могли о правѣ низлагать королей,
 посаждать ихъ на престолахъ и пребывать
 отъ нихъ повиновенія.

Въ 754 году Стефанъ претій, опасаясь
 Лонгобардовъ, пріѣхалъ во Францію просить
 помощи у Пепина, котораго при семъ случаѣ
 помазалъ онъ и вѣнчалъ на царство. Замѣтимъ,
 что Стефанъ повергался на землю передъ Пе-

пиномъ ; что Карлъ , сынъ Пепиновъ , лобызалъ папскую ногу , и что сей знакъ почтенія , заимствованный отъ восточныхъ народовъ , тогда не заключалъ въ себѣ того понятія , какое послѣ соединилъ съ нимъ Адрианъ первый , когда потребовалъ , чтобы передъ нимъ падали на землю , и когда такое поклоненіе исключительно присвоилъ онъ папскому престолу .

Пепинъ взявъ екзархатъ Равеннскій у Лонгобардскаго Короля Асшулфа , отдалъ его папѣ . Лишь только Пепинъ удалился изъ Италіи , то Асшулфъ осадилъ Римъ . По просьбѣ Стефана , Пепинъ въ другой разъ прибылъ въ Италію , и побѣдивъ Асшулфа , принудилъ его отдать екзархатъ папѣ . Спустия сто пятьдесятъ лѣтъ послѣ сего произшествія , начали говорить , что екзархатъ уступленъ папѣ ; вотъ почему нѣкоторые писатели недовѣряютъ сей уступкѣ . Какъ бы то ни было , никто о томъ не сомнѣвается , что папы дѣйствительно владѣли всею областію : а сего и довольно ! Всевозможныя усилія , съ какими папы доказывали достоверность сего подаренія , обнаруживаютъ , что они и сами сомнѣвались въ ономъ .

Въ 962 году Императоръ Оттонъ I , какъ обладатель Рима , принудилъ папу и все Римское духовенство дать себѣ присягу въ вѣрности , и запретилъ выбирать папу безъ согласія Императора . Въ прочемъ Оттонъ подтвердилъ дары Пепина , Карла Великаго и Лудовика Крошкаго . Особливо же увеличены папскія владѣнія щедростію Матильды , Графини Тосканской , которая въ 1112 году укрѣпила за папою всѣ свои области : Тоскану , Мам-

тву, Парму, Пьяченцу, Реджію, Феррару, Модену, часть Умбріи, Сполето, Верону, почти все Пешрово наслѣдіе, Випербо и часть Анконскаго маркизашства.

Могущество, доставленное папѣ сими областями, ничего не значило въ сравненіи со властію, какую имѣлъ онъ надъ прочими государями, которые по простотѣ своей дозволили овладѣть собою. Лопарій, Король Лопарингскій, попомокъ Карла Великаго, оплученъ отъ церкви за то, что дозволилъ духовному собору произнести мнѣніе о своемъ разводѣ. Онъ принужденъ былъ бѣжать за юриспруденцію отъ своей столицы посоветоваться съ папою, на комъ надобно ему жениться, и испросить себѣ прощенье у Адріана. Папа Формозъ помазалъ на царство прехъ прешенденшовъ западной Имперіи; Григорій VII дарилъ Венгрію, и объявлялъ о себѣ, что онъ государь Испаніи; Инновенцій III подарилъ Англію Франціи; Климентъ IV воздвигалъ крестовой походъ противъ наслѣдника Неапольскаго престола Конрадина, и распоряжалъ собственнымъ его достояніемъ; Мартиновъ IV низложилъ Короля Арагонскаго, и подарилъ владѣнія его Королю Французскому; Бонифацій VIII отдавалъ Сардинію и Корсику Іакову, Королю Арагонскому; онъ же писалъ къ Едуарду: *вѣдай, что отъ меня зависить назначеніе Короля Шотландіи*; онъ же оплучилъ отъ церкви Альбрехта Австрійскаго, и попомъ подарилъ ему Французское Королевство. Наконецъ упомянемъ о Шведскомъ Королѣ, которой спараясь у Бенедикта XII выпросить себѣ одну часть Давіи, написалъ въ письмѣ, что *она зависить отъ Римской церкви, ибо платитъ ей подать*.

Читатель найдетъ въ исторіи множество такихъ примѣровъ, показывающихъ слабость государей и честолюбіе Римскихъ первосвященниковъ. Однакожь не всѣ слѣпо имъ повиновались. Нѣкоторые; находясь въ самомъ Римѣ, презирали Вашиканскіе перуны. Извѣстная вражда между Бонифаціемъ и Филиппомъ пригожимъ. Иногда являлись вдругъ двое и шрое папъ; которые одинъ другаго предавали проклятію и возмущали Европу. Честолюбіе папъ вообще было причиною почти всегдашнихъ безпокойствъ и замѣшательствъ въ государствахъ, и доводило ихъ до упадка:

Обозрѣніе *заграничныхъ* произше- ствій.

Ф р а н ц і я.

Императорскимъ указомъ Амстердамъ и Роттердамъ включены въ число *почетныхъ* городовъ (*bonnes villes*). Извѣстно, что меры городовъ, оплаченныхъ симъ названіемъ, имѣютъ право быть при коронованіи Императора. Назначено полмилліона франковъ для учрежденія мануфактуръ въ городѣ Римѣ, для размноженія въ Римской области хлопчатой бумаги; для изсушенія окружающихъ Римъ болотъ и для распространенія земледѣлія. — По смерти Генерала Графа Мену, одного изъ числа сподвижниковъ Наполеона въ Египтѣ, военное начальство въ Венеціи принялъ Генераль Дорье.

И с л а н і я.

Юнша поручила начальство надъ войсками въ Капалоніи Герцогу Орлеанскому, прежде находившемуся на островѣ Сициліи:

Неаполитанское королевство.

По причинѣ случившагося несчастія съ Флотилією, коея одна часть взята, а другая истреблена Англичанами, экспедиція въ Сицилію опложена до нѣкошораго времени. Главная королевская квартира все еще однакожъ находится въ Піалѣ. Е. В. повелѣлъ въ Капельмарѣ и въ другихъ гаваняхъ Неаполитанскихъ немедленно спрощь плоскодонныя суда для перевозу конницы на островѣ Сицилію. Равнымъ образомъ вооружается не малое число канонерныхъ лодокъ.

А в с т р і я.

Излишніе военные чины увольняются въ отпускъ до будущаго лѣта, и слухъ, будто бы на Турецкую границу назначена Австрійская армія, оказался неосновательнымъ. Курсъ бумажныхъ денегъ непоправляется. Въ послѣднихъ числахъ Августа за 100 гульденовъ монеты давали ассигнаціями по 460 и 465 гульденовъ. Для прекращенія злонамѣренныхъ дѣйствій купцы и банкиры будущъ допускаемы на биржу по билетамъ.

Д а н і я.

Въ Голштиніи получено повелѣніе задержашь всѣ Американскіе корабли, находящіеся въ Теннингенѣ, да и всѣ корабли, стоящіе въ восточныхъ гаваняхъ герцогства и при Ельбѣ, взяшы подъ пристомръ.

Ш е е ц і я.

Предположено перевести государственный Сеймъ изъ Орбродо въ Стокгольмъ. Въ скоромъ времени ожидають прибытія вновь избраннаго Наслѣднаго Принца Понте - Корво. Между тѣмъ привезены изъ Парижа портреты сего Князя, супруги его и сына.

У в ѣ д о м л е н і е.

Къ издашелямъ доставлены: отъ г-на Винкельмана 25 рублей для Типулярнаго Совѣтника А. А. С. (Вѣст. Евр. 1810 № 12, стр. 326); изъ Трубчевска отъ купца Василія Никулина 25 р. для разоренныхъ пожаромъ Скопинскихъ жителей (тамъ же стр. 324); изъ С. Пешербурга отъ неизвѣстной особы 10 р. для вдовы Майорши Рейховой (№ 16 стр. 329). Оныя деньги отправлены: по первому препорученію въ Нижній Ламовъ къ отцу Архимандриту Израилю; по второму въ Скопинской Городовой Магистратъ; а по третьему отданы г-ну Шшабъ-Лькарю, Коллежскому Ассессору А. Я. Потоцкому.

28 Сентября.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 20. ОКТЯБРЬ 1810.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Образъ жизни и нравы рыцарей.

Весьма прудно описывашь такіе предметы, копорые однимъ уже именемъ своимъ воспаменяюшъ воображеніе. Они представляюшся намъ въ каномъ-то неясномъ, но привлекательномъ образѣ, копорый превосходитъ всякое описаніе, и чипашель по неволѣ оспаешся въ неудовольствіи на автора за его неискусство. Сказавши: *рыцарство, славный рыцарь*, вы уже видите въ своемъ воображеніи нѣчто чудесное, нѣчто такое, чего ваше описаніе никогда доспащочно изобразить не можешъ; въ эпихѣ проспыхъ словахъ заключено для васъ все; и вымыслы Аріоспа, и подвиги испинныхъ паладиновъ, и очарованные замки Альцины, и грозныя стѣны Кевра, и зубчатыя башни Анеца.

Испорикъ, говоря о рыцарствѣ, принужденъ совѣщаваться съ шрубадурами, прославившими его въ своихъ пѣсняхъ, и которыхъ свидѣтельство, по мнѣнію самыхъ строгихъ критиковъ, также въ эпосѣ случаѣ важно, какъ и Гомеровы поэмы для пѣхъ, которые хотя и описываютъ вѣки древняго героизма. Но не смотря на то, читая испорію рыцарства, чувствуете вы, что испорикъ переселился въ страну волшебства и вымысловъ; ибо вы слишкомъ привыкли къ сухой истинѣ, и все то, что неизменно сей опврашительной сухости, почитаете вы бредомъ и выдумкою, уподобляясь тѣмъ обитателямъ сѣвернаго полюса, которые свои печальныя пустыни предпочитаютъ онымъ счастливымъ странамъ, гдѣ

*La terra molle, e lieta, e dilettoza
Simili a se gli abitator' produce. (Tasso.
Cant I. oct. 62.)*

Воспитаніе рыцаря начиналось обыкновенно съ семи лѣтъ (*). Дюгеклень, будучи еще ребенкомъ, игралъ въ военныя игры на обширныхъ дворахъ родинельскаго замка; со множествомъ маленькихъ поселянъ представлялъ онъ осады, турниры, сраженія; часто убѣгалъ въ дремучій лѣсъ, боролся съ буйнымъ вѣтромъ; перепрыгивалъ че-

(*) Sainte - Palage Томъ I. Часть перв.

резвѣ глубокіе рвы; взлѣзалъ на высокіе
вязы и дубы; такимъ образомъ на поляхъ
Брешани среди забавъ веселаго младенче-
ства уже открывалъ онъ въ себѣ героя,
спасителя Франціи (*).

Кандидатъ рыцарства послѣ первыхъ
уроковъ отдаваемъ былъ въ должностн
пажа (damoiseau) во дворѣ какого-нибудь
барона; здѣсь получалъ онъ важныя насна-
вленія о вѣрности къ Богу и прекрасно-
му полу (**). Иногда молодой пажъ воспа-
менялся любовію къ дочери владѣльца; въ
сердцѣ его загоралась сильная, продолжи-
тельная страсть, которую въ послѣдствіи
прославлялъ онъ чудесами неуспрашимости.
Обширная и величественная архиепископа
гопическаго замка; древніе лѣса, пруды
широкіе, уединенные, всегда окружаемые мол-
чаніемъ, питали своєю романическою преле-
стію сіи страсти, которыхъ никакая сила
не могла уничтожить, и которыя казались
очарованіемъ неразрушаемымъ.

Любовь усиливала мужество. Молодой
пажъ ревностно исполнялъ нѣтъ обязанно-
сти и подчинялъ себя нѣмъ прудамъ, ко-
торыя вели его на дорогу чести и славы.

(*) Жизнь Дюгеклена.

(**) *Shinte-Palace* Томъ 1, стр. 7.

На дикомъ конѣ скакалъ онѣ по чистому полю, или преслѣдовалъ въ густомъ лѣсу спрашнаго звѣря. Въ другое время спускалъ онѣ быспраго сокола, который, покорспвуя клику своего господина, смиренно садился на лѣвую его руку. Иногда, подобно младенцу Ахиллу, перескакивалъ онѣ на бѣгу съ одной лошади на другую; или, вооруженный паяжками лапами, взбирался на высоту гибкой лѣспницы, подѣ нимѣ дрожащей, и воображал себя уже у пролома спѣны, восклицалъ: *Монжуа и Сень - Дени* (*)! При дворѣ своего знаменишаго барона видѣлъ онѣ пыщячи, примѣровѣ, могущихъ образовать его для славной жизни. Тамѣ собирались рыцари, извѣспные и неизвѣспные, одни, спранспвующіе по всему свѣспу и спократно уже видѣвшіе ужасы дремучихъ лѣсовѣ и пустынь непроходимыхъ; другіе, возвратившіеся или изъ какого-нибудь опдаленнаго Капайскаго царства, или опѣ предѣловѣ Азіи, оныхъ невѣроящныхъ спранѣ, гдѣ они разили злодѣевѣ, или преслѣдовали прошивниковѣ вѣры.

„По широкому двору, по заламѣ обширнымѣ, по комнапамѣ великолѣпно убраннымѣ — говоритѣ Фруассарѣ, описывая домѣ Герцога де Фуа — прохаживались ры-

(*) Sainte-Palaise. Томъ II. Часнь 2.

„цари и благородные оруженосцы; они разговаривали о войнѣ и любви, отдавая имъ честь и славу; шумѣ можно было слышать обо всемъ, что дѣлалось удивительнаго въ земляхъ чужестранныхъ, ибо великое имя владѣтеля изо всѣхъ далекихъ краевъ привлекало къ нему людей знаменитыхъ!“

За пажескимъ званіемъ слѣдовало достоинство оруженосца: обряды религіи освящали его. Знаменитыя дамы и знашныя рыцари были такъ называемыми *воспріемниками*; передъ олшаремъ Божіимъ произносили они за будущаго рыцаря обѣщанія, вѣрности и любви. Въ мирное время обязанность оруженосца состояла въ разрѣзываніи за столомъ мяса; онъ подносилъ его господамъ, и подобно Гомеровымъ воинамъ, подавалъ имъ воду для умовенія рукъ.

Et apres le manger laverent
Et cuier de l’eve (eau) donnerent.

Знашнѣйшіе люди не стыдились исполнять эту должность. „За столомъ прошивъ Короля — говоритъ Жуанвиль — сидѣлъ Король Наварскій; плашь на немъ было богатое, епанча шипяя золотомъ; а я стоялъ передъ нимъ и разрѣзывалъ.“

Въ военное время оруженосецъ слѣдовалъ за рыцаремъ своимъ на сраженіе, имѣя

въ лѣвой рукѣ его копье и знамя, копоры держалъ передъ собою на сѣдлѣ, а правую ведя въ поводахъ его лошадь. На поединкахъ и во время сраженія онъ долженъ былъ подавать ему оружіе, подымать его, когда онъ падалъ опѣ руки прошивника, подводить ему свѣжаго коня, отражать успрежляемые на него удары, но никогда самому не сражались,

Наконецъ *искателей оружія* удостоивали знаменишаго рыцарскаго ордена. Мѣсто турнира, поле сраженія, ровъ замка, проломъ башни, все могло быть шѣмъ знаменишымъ шапраномъ, на которомъ воздавались сѣи священныя почести. Не рѣдко въ смятеніи битвы неуспрашимый оруженосецъ падалъ на колѣни передъ королемъ или военачальникомъ, и они, ударивъ его три раза мечемъ своимъ планимъ по плечу, возлагали на него такимъ образомъ достоинство рыцарское. Байрдъ, опѣ копорого Король Францискъ первой принялъ ударъ рыцарства, сказалъ своему мечу: „Ты, счастливъ, мой вѣрный мечъ, ибо черезъ тебя великой и сильной Государь произведенъ нынѣ въ рыцари; буду хранить тебя, какъ святыя мощи, и опнышъ ты будешь любимымъ мечемъ моимъ.“ И пономъ, прибавляющъ испорикъ, прыгнувши два раза вверхъ, рыцарь Байрдъ вложилъ въ ножны мечъ свой.

И новый рыцарь, получивши право владѣшь оружіемъ, спѣшилъ прославить себя какимъ нибудь знаменимымъ подвигомъ. Онъ скакалъ по горамъ и равнинамъ; искалъ приключеній опасныхъ; проходилъ пемные лѣса, ужасныя дебри, пуспыни безмолвныя. И когда по закатѣ солнца приближался онъ къ стѣнамъ крѣпкаго замка, кошораго уединенныя башни чернѣлись надъ дремучимъ лѣсомъ; въ немъ раждалась надежда, что въ эшомъ мѣстѣ ожидало его что-нибудь необычайное; и уже опускалъ онъ забрало шлема; и уже ввѣрялъ себя владычицѣ своихъ мыслей; но въ эту минушу раздавался звукъ рога; на кровлѣ замка появлялось знамя: это означало обитель госпепрѣимнаго рыцаря. Подъемные мосты опускались съ громомъ, и спрансивующій випязь принимаемъ былъ съ дружелюбіемъ въ уединенномъ замкѣ. Если онъ хотѣлъ оспашься неизвѣстнымъ, то покрывалъ щипъ свой или *зеленымъ покровомъ*, или *лканію*, *лиліямъ въ бѣлизнѣ подобною*. Прекрасныя дѣвицы и дамы снимали съ него оружіе, одѣвали его въ богашее плашье, подносили ему драгоценныя вина въ сосудахъ кристалльных. Иногда находилъ онъ въ замкѣ большія веселія. „Знаменимый господинъ Аманіе Дезескасъ, по выходѣ изъ за-обѣда, сидѣлъ передъ огнемъ въ обширной залѣ, усплан-

„ной коврами ; вокругъ него было множе-
 „ство оруженосцевъ ; онъ разговаривалъ съ
 „ними о любви ; ибо всѣ въ этомъ домѣ ,
 „до послѣдняго *варлота*, знаютъ, что ша-
 „кое любовь (*).“

Во всѣ сїи праздники вмѣшивалась нѣ-
 копорая шаинспенность: одинъ посвященъ
 былъ *единорогу*, другой *обълу павлина*,
 прешій *фазану*. И многіе изъ присуш-
 ствующихъ не менѣ казались шаинспенны-
 ми ; иногда являлись рыцари *лебедя*, *бѣ-
 лаго щита*, *золотаго копья*, *молчанія* —
 вишязи, извѣстные одними девизами щит-
 ковъ своихъ, или славными испаніями,
 копорымъ они себя подвергали (**).

Трубадуры, украшенные павлиновыми
 перьями, являлись въ залъ предъ концемъ
 обѣда, и запѣвали пѣснь любви (*lay d' a-
 mour*).

Главное правило рыцарскаго ремесла
 было слѣдующее :

Bruits ès chans et jole à l'ostel.
 Шумъ въ полѣ, а дома веселье.

Но рыцарь, прѣвзжая въ замокъ, не
 всегда находилъ въ немъ удовольствія и

(*) Sainte - Palage.

(**) Histoire du maréchal de Boucilault.

праздники ; иногда узнавалъ онъ , что въ немъ започена несчастная жертва ревности или мщенія ; красавица , обремененная цѣпями , сидѣла у рѣшетчатого окна и плакала , глядя на чистое небо и на шумныя вершины дремучаго лѣса , и рыцарь , вѣрный служитель прекраснаго пола , небудучи принявъ въ ужасный замокъ , проводилъ ночь у высокой башни , въ которой слышались ему жалобныя стоны какой - нибудь Габріеллы , напрасно зовущей къ себѣ храброго своего Куси . Випязь нѣжный и мужественный клялся своимъ оспрымъ мечемъ *Дурандалемъ* и борзымъ конемъ *Аквиланомъ* вызвать на поединокъ того недостойнаго , кошорый , въ противность законамъ чести и рыцарства , утѣснялъ слабую женщину .

Иногда желѣзные врага грозныхъ крѣпостей для него опворялись : иногда-то надлежало ему вооружить себя всею неуспрашимостію воина . Молчаливыя варлешы съ видомъ угрюмымъ , съ суровыми взглядами , вели его черезъ длинныя , едва освѣщенные блѣдными лампадами переходы , въ пошъ уединенный покой , гдѣ надлежало ему провести ночь ; и эпошъ паинспвенный покой былъ иногда некое что какъ мрачная шемница , ужасная по преданію о какомъ нибудь древнемъ злодѣйствѣ ; ее именовали *темницею*

Король Рихарда, Дѣвы семи башень и проч. Пополки украшены были гербами знаменитой фамилии; свѣтны покрывы обоями; огромныя лица, на полу изображенныя, казалось, слѣдовали глазами за рыцаремъ; и подъ обоями были сокрыты пощаенныя двери, ведущія въ подземелья. Въ глухую полночь подымался тихій шорохъ, по горницѣ начиналъ ходити въперѣ, обои колыхались, лампада, горѣвшая передъ постелью паладина вдругъ попухала, и гробъ, обвитый чернымъ покровомъ, являлся устраннымъ глазамъ его.

И щитъ и копье и мечъ были бесполезны въ сраженіи противъ усопшихъ. Рыцарь начиналъ пворить обѣты, и будучи сохраненъ могуществомъ Неба, свѣшилъ къ святому пуспыннику, спасающемуся въ пещерѣ утеса, который говорилъ ему спрогимъ голосомъ: „Хотя бы ты имѣлъ могущество Македонскаго Александра, и премудрость Царя Соломона, и мужество Гектора Троянскаго, и тогда бы сіи важныя преимущества были ничтожны: побѣю, владычествуешь гордостью (*).“ И рыцарь, постигнувъ, что видѣнія, ужасавшія его во мракѣ полуночномъ, были не иное что какъ произведенія пагубныхъ его пороковъ, да-

(*) Sainte - Palage.

валъ вѣрное слово себя исправить, дабы заслужить наименованіе *безстрашнаго и безпорочнаго*.

Такъ, спранспвуя по *бѣлу свѣту*, прославлялъ онъ себя тѣми великими подвигами, тѣми знаменитыми *ударами меча*, копорыя воспѣли спихопворцы и сохранили для насъ правдолюбивые лѣтописатели. Онъ возвращалъ свободу принцесамъ, заключеннымъ въ пещерахъ, наказывалъ нечесивыхъ богошспупниковъ, подавалъ помощь сиротамъ и вдовицамъ, защищалъ себя или опъ хипрости *малорослыхъ карловъ*, или опъ грознаго могущества надменныхъ *великановъ*. Храня непорочность нравовъ, съ отвращеніемъ приближался онъ къ замку *безславной дамы*, не входилъ въ него, но оставлялъ на воротахъ слово *поношенія* (*). Еслижъ напрошивъ владѣтельница замка была у всѣхъ въ чести и славѣ, то онъ кричалъ ей привѣстственнымъ голосомъ: „Слава тебѣ, благородная госпожа! молю Бога, чтобы онъ сохранилъ доброе швое имя, ибо достойна ты почестей и почшенія!“

Не рѣдко великодушіе сихъ рыцарей соединилось съ шюю жестокостію, копорой

(*) Du Cange Gloss.

мы съ ужасомъ удивляемся въ древнихъ Римлянахъ. Королева Маргарита, супруга Свяшаго Лудовика, будучи беременна, оспалась въ Даміешпѣ, гдѣ узнала она о совершенномъ разбитіи королевскаго воинства. Она упала на колѣни передъ однимъ деваносполѣшнимъ рыцаремъ, копорый споялъ подлѣ нее въ угрюмомъ молчаніи. „Заклинаю тебя пою вѣрностію, въ копорой ты мнѣ клялся! воскликнула Маргарита: недопусти меня до поношенія; опруби мою голову, если Сарацины ворвущся въ эшопѣ городѣ.“

Рыцарь отвѣчалъ :

„Будь увѣрена, государыня, что просьбу мою исполню охотно. Я уже давно сказалъ самому себѣ, что надобно будетъ тебя убишь, если невѣрные войдутъ въ Даміешпу.“

Подвиги уединенные были, пакъ сказать, лѣспницею, по копорой мужеспвенный рыцарь взбирался на высочайшую степень славы. Менеспрели возвѣщали ему, что въ государствѣ Французскомъ знапные рыцари сбѣзжались со всѣхъ споронѣ на шурнирѣ великолѣпный: и онѣ спѣшилъ съ копьемъ и мечемъ на соборище сильныхъ. Мѣсто уже очищено; дамы сидятъ на высокихъ мѣстахъ, сооруженныхъ въ

видѣ башенъ , и ищущѣ глазами шѣхѣ ви-
пязей , копорые украшены ихѣ цвѣтами.
Трубадуры поютъ :

Вишязи славные , вишязи грозные ,
Сѣ башенъ , сѣ высокихъ мѣстѣ , дѣвы
прекрасныя ,
Ангелы райскіе , вами любуются :
Смѣло во славу ихѣ здѣсь подвизайшесь !
Будетѣ и вамѣ за шо слава великая !

И вдругѣ громозвучное восклицаніе раз-
дается : *Честь и слава могучимъ ры-*
царямъ ! Трубы звучатъ , барьеры опуска-
ются , сто рыцарей скачутъ во весь опоръ
сѣ двухъ прошивныхъ споронѣ , и спрашно
сшибаются на срединѣ поприща . Какой ужа-
сный ударъ ! Копья разсыпались въ дребез-
ги ; они опрокинуты . Счастливѣ могучій
вишязь , копорый щадитъ своего прошив-
ника ; поражая только опѣ пояса до плеча ,
безѣ вреда низлагаетъ его своею силою .
Онѣ всѣмѣ любезенѣ ; дамы осприваютъ
одна у другой славу украситъ дарами сво-
ими его оружія . Между шѣмѣ герольды ,
вездѣ разбѣянные , кричатъ громогласно :
именитой рыцарь , помни , кто былъ
твой отецъ ! мужайся ! Сила , неуспра-
шимость , искусство блискающѣ въ борьбѣ ,
на поединкѣ , въ сраженіяхъ полпами , шу-
мныя восклицанія мѣшаютъ со снукомѣ ме-
чей , звономѣ щиповѣ , шопопомѣ конскимѣ .

Каждая дама хочеть ободришь своего рыцаря, или уснремяя на него ибжный взглядъ, или брося на шлемъ его богатое зарукавье, локоивъ прекрасныхъ своихъ волосъ, перевязь, ленту. Какой - нибудь Саргини, прежде неизвѣстный, но вдругъ любовію обращенный въ героя, какой - нибудь мужественный незнакомецъ, сражавшійся безъ оружія, безъ латъ, въ одной окровавленной рубашкѣ (*), провозглашены побѣдителями, и шумные голоса восклицаютъ: „любовь прекрасныхъ, смерть героевъ, слава и награда рыцарямъ!“

На сихъ - то великихъ празднествахъ блиспали мужественные Лапремули, Бузикошы, Баярды, копорыхъ славные подвиги сдѣлали для насъ върояшными чудеса Ланцелоповъ и Гандиферовъ. Въ несчастное время Карла VI Замши и Бузикошъ одни принимали шѣ вызовы, которые побѣдители ежеминушю имъ дѣлали, и соединяя великодушіе съ неуспрашимостію, возвращали коней и оружіе пѣмъ дерзновеннымъ, копорые выходили съ ними единоборствовашь.

Король хотѣлъ, чтобы его рыцари не подымали перчалки, говоря, что скор-

(*) Sainte Palage.

бленіе частное должно бытъ пренебрегаемо. Но они отвѣчали ему: „Государь! честь Франціи столь драгоценна для сыновъ ея, что вѣрно найдутся люди, которые не испугались бы сразиться и съ самимъ дьяволомъ, когда бы онъ вздумалъ выдти изъ ада и бросить перчатку!“

Но рыцари Англинскіе были достойные соперники рыцарей Французскихъ. Надобно замѣтить, что первые весьма превосходили послѣднихъ богатствомъ; ибо междоусобныя войны раздирали внутренность Франціи. Сраженіе Поашьерское, столь гибельное для государства, было славно для рыцарей. Черный Принцъ, который изъ почтенія никакъ не согласился видѣть за столомъ Короля Іоанна, взяшаго имъ въ плѣнъ, сказалъ ему: „Извѣстно мнѣ, что Ваше Величество имѣете большую причину гордиться этимъ днемъ, который слава для васъ, хотя и несчастливъ; нынѣ приобрѣли вы имя великое; мы все должны были уступить вамъ съ подвигомъ славы и въ мужество; и всякой изъ насъ согласенъ отдать Вашему Величеству честь и награду сраженія!“

Рыцарь Рибомонъ на сраженіи, производившемъ у воротъ города Кале, два раза повергалъ къ ногамъ своимъ Короля Эдуар-

да III; но Англійскій Монархъ всякой разъ воздвигался въ новой силѣ, и наконецъ принудилъ Рибомона опдаться ему мечъ. Англичане, выигравъ сраженіе, вошли съ пѣвниками своими въ городъ; Эдуардъ, при копоромъ находился и Принцъ Валлійскій, пригласилъ Французскихъ рыцарей на обѣдъ, и подошедши къ Рибомону сказалъ: „Нѣтъ ни одного рыцаря на свѣтѣ, копорый не падалъ бы такъ храбро на своего непріятеля, какъ вы, Рибомонъ.“ И Король Эдуардъ — пишеть Фруассаръ — надѣлъ богашую свою шапку на знаменипаго господина Евсшафїя: „Знаменипый господинъ Евсшафїй! сказалъ онъ: тебѣ, какъ самому храброму изо всѣхъ храбрыхъ випшай, дарю мою королевскую шапку. Я знаю, что ты веселаго нрава, что женская красота сердце швое прогаешъ, что тебѣ весело сидѣшь и разговаривашъ съ молодыми красавицами — сказывай же опнынѣ всѣмъ и каждому, что эша шапка дана тебѣ Королемъ Эдуардомъ. Возвращаю тебѣ свободу, и воленъ ты съ эшой минушы ѣхашъ, куда пожелаешъ!“

Анна д'Ариъ оживила во Франціи духъ рыцарства; думаютъ, что она вооружена была славнымъ мечемъ Карла великаго (La joyeuse), найденнымъ ею въ Турени въ церквѣ Свящ. Екашерины. Генрихъ IV на

Иврѣйскомѣ сраженіи кричалъ солдатамъ своимъ, которые колебались: *оборолитесь не для того чѣобы сражались, но чѣлобъ увидѣть погибель вашего государя!* Францискъ I, послѣдній изъ рыцарей, сказалъ послѣ сраженія при Павіи: *все потеряно, кромѣ чести!*

Такія необыкновенныя добродѣтели рыцарскія заслуживали и уваженіе необыкновенное. Если герой умиралъ на поляхъ опечаленныхъ, то рыцари въ печальныхъ одеждахъ воздавали ему почести погребенія. Еслижъ напропавъ онъ гибнулъ въ странѣ далекой, посреди чужеземцевъ или невѣрныхъ, не имѣя при себѣ ни вѣрнаго оруженосца, ни своего названаго брата, которые могли бы съ честію предать его землѣ; то Небо посылало къ нему одного изъ сихъ богоугодныхъ опщельниковъ, которые въ шемномъ дѣсу или въ глубокой пещерѣ посвящали уединенную жизнь свою молитвамъ.

Прочтите превосходный эпизодъ Свенона въ Тассовомъ Іерусалимѣ. Опщельники Оиваиды, пустынники горы Ливана, скипались во тьмѣ ночной по полямъ обограннымъ кровію, и собирали ошпашки рыцарей, убишыхъ невѣрными. Пѣвецъ Іерусалима только украсилъ цвѣтами поэзіи простую истину историческую:

„Внезапу опѣ сего прекраснаго шара,
„опѣ сего свѣшила ноци, опдѣлился ясный,
„лучь; онѣ пробѣжалѣ сѣ небесѣ золошою
„спруею и прикоснулся кѣ шѣлу героя....
- - - - -

„Вишязь не былѣ простершѣ на пра-
„хѣ лицемѣ своимѣ. Какѣ нѣкогда и всѣми
„желанїями, онѣ былѣ обращенѣ кѣ небу,
„кѣ шой горней спранѣ, вѣ которой оби-
„пали его надежды. Правая рука его была
„сжапа, крѣпко напряжена; она держала
„мечь, и вишязь являлся вѣ грозномѣ по-
„ложенїи человекѣ, гошоваго паразитшѣ;
„другая рука вѣ образѣ смиреннаго покая-
„нїя покоилась на груди; казалось, что
„она молила Создателя о прощенїи. — — —

„Но вошѣ другое чудо поразило мои
„взоры: На помѣ самомѣ мѣстѣ, гдѣ зрѣ-
„ли мы шѣлу Свенона, вдругѣ воздвигнулася
„высокая гробница; она разверзла землю,
„облекла ошпашки юнаго вишязя и сама
„надѣ нимѣ зашворилась. . . . и крашкая
„надпись, изобразившаяся на камнѣ, возвѣ-
„щаетѣ прохожему, что Свенонѣ, вишязь
„добродѣтельный, положенѣ на эшомѣ мѣ-
„стѣ. Я не могѣ опшратить своего взора
„опѣ эшой священной гробницы; я разсма-
„шривалѣ начерпанїя, разсмашривалѣ ка-
„мень надгробный!

„Здѣсь, сказалъ мнѣ спарецѣ, шло
 „Свенона будетъ покоишься среди неизмѣн-
 „ныхъ его сподвижниковъ; а души ихъ,
 „соединенныя въ небесахъ любовію, будутъ
 „блаженствовати, будутъ наслаждаться вѣч-
 „ною славою (*)!“

Но рыцарь, заключивъ въ юношескихъ
 лѣтахъ своихъ одинъ изъ оныхъ героиче-
 скихъ союзовъ, которые прекращаются
 только съ жизнью, не могъ спрашивать, что
 онъ умретъ безвѣстно въ пущыи; ему
 сопустствовали чудеса дружбы за недоспащ-
 комъ чудесъ небесныхъ. Онъ имѣлъ *на-*
званнаго брата, всюду съ нимъ неразлуч-
 наго, и эпошъ спутникъ воинственныхъ
 руками своими заключилъ его въ тихую
 могилу. Сіи священные союзы утверждаемы
 были ужаснѣйшими клятвами: нерѣдко
 друзья выпускали изъ жилъ своихъ нѣсколь-
 ко крови и смѣшивали ее въ одномъ со-
 судѣ; въ залогъ взаимной вѣрности носили
 они или золотое сердце, или кольцо, или
 цѣпь, и такая дружба предпочитаема бы-
 ла любви; ибо другу подавали помощь ско-
 рѣе, нежели милой любовницѣ. Одно только
 могло уничтожить эпошъ союзъ: долгъ
 чести и патриотизма. Два названные бра-
 та, различные націями, пересказывали бытъ

(*) Jer. lib. cant. 8.

друзьями, какъ скоро между опечествами ихъ начиналась вражда: они обнажали мечи и нерѣдко нападали одинъ на другаго въ смященіи кровопролишней битвы!

Шалобріанъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

О л а с е н і е.

Какой несчастный годъ для бѣдныхъ лошадей!
Ужь съ мѣсяцъ нѣшъ дождей;
И сѣно очень вздорожало!
Цѣны еще такой на сѣно не бывало!
Большая часшь скоша отъ голоду помрѣшъ;
Останешсяль въ живыхъ, посмотришь, нашъ
Федотъ.

Надгробіе Ланцетину.

Подъ камнемъ симъ лежитъ Ланцетинъ, слав-
ный врачъ.
О смерть! короткой вѣкъ Ланцетина оплачь.
А. Маздорфъ.

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

~~~~~  
МЕТАФИЗИКА.  
~~~~~

О натурѣ человека.

(Новая система.)

Никогда не приходило мнѣ въ голову сомнѣваться, что братья мои, живошныя о двухъ ногахъ и безъ перьевъ, имѣютъ душу, и что многіе изъ нихъ отличаются превосходнымъ разумомъ; я совершенно увѣренъ, что есть въ мірѣ первая и единственная причина движенія, жизни и порядка для всѣхъ швореній, изъ которыхъ одни предназначены къ *бездѣйствию*, другія одарены способностію *растительною*, и въ которыхъ способность *чувствовать*, и наконецъ послѣднія получили себѣ въ удѣлъ соединенныя способности, расти, чувствовать и *мыслить*: но если бы потребовали отъ меня извѣщенія о существѣ самобытней сей причины, управляющей вселенною; ежели спросили бы меня, въ чемъ состоитъ сущность того начала, которымъ побуждаются на примѣръ Лапонецъ и философъ, размышляя, одинъ о способахъ усовершенствованья рыболовныя свои орудія, другой

о расположеніи своихъ силлогизмовъ; въ такомъ случаѣ я послѣдовалъ бы Симиону, копорой, дабы отвѣчать на вопросъ о Богѣ, требовалъ сроку одинъ день, потомъ два, потомъ три, и наконецъ признался, что ничего незнаетъ. Разумъ человѣческій заключенъ въ тѣсныхъ предѣлахъ, и вся наша ученость не въ силахъ извѣстнъ что-го, что останется для насъ на вѣки неизвѣстнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, обратитесь къ величайшимъ гениямъ временъ прошедшихъ и настоящихъ; спросите знаменитѣйшихъ философовъ, копорые усиливались проникнуть глубину Метафизики, и копорые пакъ умно разсуждаютъ о существованіи Бога и души человѣческой, о дѣйствіяхъ разума и о другихъ предметахъ, непоспимыхъ для алчнаго любопытства нашего! Что вы отъ нихъ узнаете? Одинъ скажетъ вамъ, что душа есть воздушное спнчайшее существо, дыханіе, легкій призракъ, емпелехія, эссенція, гармонія. Платонъ будетъ доказывать вамъ, что душа есть маленькой богъ, или по крайней мѣрѣ частица божества, низшедшая вселиться въ тѣло, подобная крѣпкой въ спклянчикѣ хранимой влагѣ, которая сольется съ великимъ существомъ, когда разобьется сосудецъ. Палесъ назоветъ ее вѣчнодвижущею спчкою, ко-

порая сама въ себѣ содержишь способность двигашься. С. Тома раздѣлишь вамъ душу на три часпи, на пишательную, увеличавательную и расшительную, и составишь изъ нихъ самобышную форму, которая получишь одну память духовную для духовныхъ предметовъ, а другую шблесную для предметовъ шблесныхъ. Нѣкоторые спанушь увѣряшь васъ, что душа не имѣетъ ни начала, ни конца; другіе, что она имѣетъ начало, и что Богъ для всякаго пришельца въ мѣръ шворишь новую душу. Ученые философы всѣхъ вѣковъ сполько же разумѣють о существѣ и свойствахъ Божіихъ. Тѣ открываютъ вамъ, что во всей натурѣ есть одно шолько существо, и что матерія и духъ суть два качества, равно ему принадлежащія. Иные утверждаютъ будучь, что оно одно есть вѣчно, и что матерія есть не что иное какъ произведеніе воли его. Еще другіе предсавяють вамъ его въ видѣ Юпитера громовержца. Всѣ мнѣнія, а особливо много-различность оныхъ, обнаруживаютъ шолько слабость человѣческую, и ничего не объясняютъ.

Несмотря на то, еще одинъ умствователь выступаетъ на сцену съ *Опытномъ о натурѣ Человѣка* (*). Въ прочемъ онъ

(*) Новая книга, недавно изданная во Флоренціи: *Essai sur la nature de l'Homme, ou le*

самъ неувѣренъ въ непогрѣшимельности
 Метифизики; ибо книга его начинается симъ
 весьма основательнымъ разсужденіемъ: „Че-
 „ловѣкъ никогда не долженъ бы опваживаться
 „на изслѣдованія глубины существа Божія,
 „ниже проникать пайну мїроздавія. Какъ
 „ни былъ бы онъ увѣренъ въ общирности
 „своихъ познаній; однакожь долженъ чув-
 „ствовать; сколь безразсудно ограниченной
 „швари усиліе доискиваться до свойствъ Су-
 „щества безпредѣльнаго и до дѣйствій его
 „всемоушества. Не полезнѣ ли; не славнѣ
 „ли было бы для человека, неперья време-
 „ни на тщетныя изслѣдованія; благого-
 „вѣсть передъ пайнами непоспимыми и
 „шараться познавать себя самаго? Откро-
 „венно признаюсь; что я подвергаю себя
 „шмѣ же укоризнамъ; приступая къ ме-
 „тафизическимъ разсужденіямъ; по крайней
 „мѣрѣ свои разсужденія выдаю я подъ скром-
 „нымъ названіемъ, которымъ оправдывает-
 „ся мое намѣреніе; и которымъ обнаружи-
 „вается собственная увѣренность въ слабо-
 „сти силъ своихъ и способностей.“

Сказано очень ясно. Метифизическую
 книгу надобно читать единственно для за-

Philosophe aveugle qui cherche, dans le champ
 de l'obscurité et des doutes, les vérités qui re-
 gardent son être. Сочинитель ея, бывший Мар-
 кизъ Рангони, извѣстенъ по письмамъ сво-
 имъ о Франціи, Италіи и Германіи.

бавы, а не для пріобрѣшенія знаній. Въ ней вы найдете пищу для своего любопытства, но ничему не научитесь; будете идти ощупью, какъ говоритъ г. Райгони, по пути сомнѣній; иногда шестипье ваше будетъ озаряемо блескомъ огней блудящихъ, но вы чрезъ то не освободитесь отъ мрака; и вся польза, какую только получите, можете отъ своихъ изслѣдованій, будете соспаять въ томъ, что познаете слабость собственнаго своего разума и удостоверитесь; что слѣпому судить о цвѣтахъ не должно. Мы неизвѣстно, есть ли умствованияши, ученые и метафизики между слонами, бобрами и обезьянами; думаю однакожь, что ежели бы они, при двухъ только способностяхъ своихъ, а именно *растительной* и *чувствительной*; принялись разсуждать о *мыслящей* способности человека; то они уподобились бы тѣмъ философамъ нашимъ, которые принимаются извѣснять свойства Божіи.

Нельзя сомнѣваться, что мы занимаемъ не самую высокую степень на лѣстницѣ швореній, и что надъ нами есть еще другія существа, которыми открыто все непроницаемое для нашего разума; вѣроятно также, что и надъ ними есть существа совершеннѣйшія, и что постепенность сія простирается до первой, верхов-

причины. Кто увбришь меня, что шамъ, за предѣлами носящихся въ неизмѣримомъ пространствѣ мїровъ, въшь другихъ, лучшихъ и совершеннѣйшихъ?

Но оставляя дальнїе мїры, не должны ли мы гордиться своимъ соспоанїемъ, находясь на высшей степени между шварями, насъ окружающими? Непонимаю, для чего мнимые философы вздумали унижать свое достоинство, спавишь себя на ряду съ безсловесными живошными и выводишь родъ свой опъ урангъ - ушанговъ! Знаю, что многїя швари, лешающїя, плавающїя, бѣгающїя и пресмыкающїяся, почно какъ и мы бдяшь, пьюшь, спяшь, пробуждающся, производяшь себѣ подобныхъ; вижу, что многїя изъ нихъ имбюшь ошущенїя, поняшїя, и даже способность соединяшь идеи; что наукъ разспавляешъ сѣпи для уловленїя неоспорожной мухи, и что лисица выдумываетъ разныя хипроспи, дабы поймать свою добычу. Но вижу шакже, что ни одна изъ сихъ шварей не умбешъ ни разсуждать, ни говоришь, а и шого болѣе написать книгу о метафизикѣ. Видя сїе, гордо произношу: я имбю великое преимущество передъ всѣми живошными!

Г. Рангони шо же думаетъ. Онъ не шолько не унижаетъ человекъ, но даже

очевидно спарается возвысить его; отдѣляетъ его отъ всѣхъ прочихъ живописныхъ, и, кажется, желаетъ болѣе приблизить его къ Творцу, нежели сближать между пварями. Особливо же въ нравственныхъ обязанностяхъ нашихъ находишь онъ доказательство о высокомъ назначеніи человѣка: мысль великая, достойная истиннаго философа!

Сказавши, что г. Рангони не спавилъ человѣка на ряду съ живописными, прибавлю, что онъ непочитаетъ его за машину, отъ дѣйствія слѣпой и необходимой силы зависящую. Онъ полагаетъ, что превыше всѣхъ міровъ находишь причина верховная, разумная, всемогущая. Онъ доказываетъ, что вещь сама собою, и что оно пріемлетъ движеніе отъ начала протваго, невещественнаго, имѣющаго силу и волю. Сіе главное начало, по его мнѣнію, располагаетъ стихіями вещества, и соединяетъ ихъ соотвѣтственно предназначенію каждаго шворенія. Такимъ образомъ соспавляющся зародыши, которые увеличиваясь отъ присоединенія къ нимъ однородныхъ частицъ, дѣлаются наконецъ органическими швами.

Органическіи шва раздѣляются на три класса: на раствннн, живописныхъ и

человѣка. Для сихъ классовъ есть особыя начала: *растительное*, *чувственное* и *разумное*. Первое есть душа всего растительнаго царства: оно даетъ образъ деревьямъ и правамъ, которыя по его дѣйствію увеличиваются, одѣваются листьями, цвѣтушъ, и плодъ приносятъ. Начало *чувственное* спойтъ на высшей степени; его-силою животныя дѣлаются способными ощущать, получать идеи, чувствовать боль и пріятность. Въ животныхъ оно соединено съ началомъ растительнымъ. Предѣлы чувственнаго начала весьма не обширны: оно не сообщаетъ способности понимать въ связи, имѣть ясныя идеи, припамятывать забытое, сравнивать и выводять слѣдствія. У животныхъ нѣтъ ни пороковъ, ни добродѣтелей, ни прошедшаго, ни будущаго. Одинъ только Человѣкъ надѣленъ преимущественно передъ всеми оружающими его твореніями. Въ немъ соединены всѣ три начала: растительное, чувственное и *разумное*. Онъ понимаетъ, сравниваетъ, выводитъ слѣдствія, разбираетъ, и управляетъ по произволу своими способностями.

Сѣи три начала служатъ основаніемъ всей системы г-на Рангони. Но предложивши систему, надобно подкрѣпить ее и вброшенными доводами. Читатель скажетъ г-ну

Рангони : „Ваши при начала суть предположеніе весьма оспроумное ; но чѣмъ докажете , что они существуютъ ? Кто объявилъ вамъ , что верховная причина возложила на нихъ тѣ должности , которыя вы имъ приписываете ? Кто опиралъ вамъ неслыханную тайну , что въ царствѣ прозябеній дѣйствуетъ одно только начало , въ животнохъ два вмѣстѣ , а въ человѣкѣ всѣ при соединяются ?“ Сочинитель нашъ выводилъ доказательсва свои такимъ образомъ :

Нашура производитъ свои работы не иначе какъ съ помощію посторонней причины. Сія причина не могла бы дѣйствовать , если бы не имѣла силы и воли ; слѣдовательно сила и воля необходимо нужны для дѣйствій нашуры. Но сила и воля не могутъ быть принадлежностью матеріи , потому что онѣ ничего общаго не имѣютъ съ простиженіемъ и плотностію ; необходимыми свойствами матеріи ; сверхъ того мы можемъ себѣ въ умѣ представлять матерію безъ движенія : слѣдственно движеніе получаетъ она отъ вѣршней , невещественной причины.

И такъ сія - то вѣршняя , невещественная причина есть Богъ ? Цѣтъ ; г. Рангони думаетъ , что верховное Существо

имѣетъ у себя исполнителей законовъ своихъ, намѣспниковъ. И кому иному бытъ намѣспниками Всевышняго, какъ не премъ проспымъ началамъ, которыя онкрышы г - мв Рангони? Вотъ какъ происходитъ все дѣло: Въ каждомъ органическомъ и живомъ цѣлѣ находящся агентъ, который будучи самъ невещеспивеннымъ, располагаетъ дѣйствїями вещества. Въ прочемъ одного агента мало для г-ни Рангони; ибо всѣ извѣспныя намъ шворенїя различающся между собою склонностями своими и способностями, и всѣ философы согласно раздѣляютъ ихъ на три класса: одни распушъ, другїя распушъ и чувспвуютъ, третїи распушъ, чувспвуютъ и разумютъ. Слѣдовательно должно признашъ три начала, которыя по соединяющся, по дѣйствуютъ раздѣльно, смотря по свойспву и качеспву образуемаго шворенїя. Въ человекѣ соединены всѣ три начала; потому - то онъ и спитъ на высшей степени надъ всѣми извѣспными намъ шварями.

Можетъ бытъ возражатъ: какая нужда соединять три начала въ человекѣ? Развъ нельзя предположить для каждаго класса шворенїй по одному особливому началу, которое имѣло бы возможность дѣйствовать независимо? Г. Рангони и на это несогласенъ, и вотъ его причины: Если бы каждое

существо было оживляемо только одним началом, по оно знало бы о всех действиях, в нем происходящих. Человѣкъ на примѣръ знал бы тайны средства расщепельности и чувствительности, какъ знаетъ онъ дѣйствія своего разума; но мы видимъ пому противоположное. Намъ все неизвѣстенъ механизмъ расщепельности нашей, равно какъ и система нашихъ ощущеній. Спрашивается, почему? Потому что при начала дѣйствуютъ независимо одно отъ другаго, и что *разумное* начало имѣетъ свѣдѣнїе только о тѣхъ дѣйствїяхъ, которыхъ отъ него самого зависятъ.

Таковы доказательства, на которыхъ г. Рангони соорудилъ всю свою систему. Они суть не иное что какъ однѣ только вѣроятности, любопытныя только по своей новосте. Разумъ при всехъ усилїяхъ своихъ недостигаетъ здѣсь желаемой цѣли. Вездѣ глубина и тайнства непроницаемыя. Кто дастъ мнѣ точное опредѣленїе матерїи? что она есть? какого свойства ея начала? Если они вещественны, то и дѣлимы; а будучи дѣлимы, не могутъ быть началами. Если они простыя, то опять вопросъ: какимъ же образомъ производятъ они существа сложныя? Или, пересылая бытъ простыми, они сами снова-вались матерїею; или, оспаваясь простыми,

не могутъ производишь матеріи. Очень трудно выдти изъ сего Дедала, и ни одинъ діалектикъ не найдетъ для себя желаемой нищи.

Г. Рангони утверждаетъ, что зародыщи получаютъ движеніе и жизнь только отъ протваго начала. Многіе философы вопреки скажутъ ему, что зародыщи получаютъ движеніе и жизнь отъ начала вещественнаго, и что даже можно измѣрять его градусами термометра; они возразятъ, что яйца насѣкомыхъ, птицъ, рыбъ и нѣкоторыхъ пресмыкающихся, не иначе какъ при извѣстной степени теплоты, оживляются и получаютъ образованіе, и что растительная сила въ прозябеніяхъ совершенно зависитъ отъ причинъ физическихъ. Въ прочемъ мы имѣемъ убѣдительнѣйшее доказательство, что въ насъ присутствуетъ протвое, невещественное начало: мы сравниваемъ наши ощущенія, и имѣемъ объ нихъ свѣдѣніе, чего не могло бы случиться, еслибъ весь составъ нашъ былъ физическій. Что касается до трехъ началъ г - на Рангони, то ихъ надлежитъ почитать плодомъ воображенія пылкаго и богатаго, новымъ остроумнымъ открытіемъ; посредствомъ коего изъяснить можно нѣкоторые феномены. Все сіе однакожь остается предположеніемъ, а предположенія не имѣютъ ницѣ-

ной цѣны для челоѡка , который ищетъ свѣдѣній точныхъ и достовѣрныхъ. Нашура , окруживъ насъ оповсюду неизвѣстностію , позволяешъ намъ сочинять романы. Романъ г - на Рангони по крайней мѣрѣ шѣмъ хорошъ , что заключаетъ въ себѣ много мыслей новыхъ , любопытныхъ и пріятныхъ.

(*Изъ Merc. de France.*)

III. К Р И Т И К А.

О Несторѣ и продолжателѣхъ его Лѣтописи.

Мнѣнія историковъ и кришниковъ о Лѣтописи Нестора и продолжателѣхъ оной были различны ; но естъ не было рѣшено , въ какомъ именно году кончилъ Несторъ свою Лѣтопись , гдѣ началъ и кончилъ первый продолжатель его Сильвестръ и первый изъ двухъ неизвѣстныхъ дополнителей.

Споръ сей легко бы могъ бытъ рѣшенъ по различію слога сихъ писателей XII вѣка; но временникъ Неспоровъ смѣшанъ безъ опредѣленія съ продолжателями, и въ печеніи пясти сошъ лѣшъ невѣжеспвомъ переписчиковъ и собирателей сборникъвъ слогъ и нарѣчіе въ ономъ сполько перемѣнены и переправлены, что, такъ сказать, слившись во едино, ошѣмлюшъ всякую возможность опличить симъ способомъ одного писателя съ другого.

И такъ въ необходимости должно было искать другихъ *примѣлъ*, по которымъ бы можно было сдѣлать сіе различіе.

Слѣдующіе сочинители писали о Лѣтописи Неспора и продолжателяхъ оной:

1. В. Н. Ташицевъ Т. I. гл. 5 и 6.— А также и во II Томѣ Лѣтописи своей помѣспилъ въ примѣчаніяхъ много опносительнаго къ сему предмету.

2. Миллеръ въ Ежемѣсяч. соч. 1755 года мѣс. Апрѣля.

3. Сочинитель *Житія Прелодобнаго Неспора*, напечат. въ I Томѣ Испорич. Библиошеки при изданіи Кенигсбергскаго списка.

4. Шлецеръ во *Введеніи въ древ. Русскую Исторію*, напечат. въ изд. имъ Несторъ, Т. 1. стр. 3 и слѣд.

5. Неизвѣстный сочинитель статьи *Объ источникахъ для Русской Исторіи*, помѣщенной въ *Вѣстникъ Европы* 1809. № 3, 6 и 15.

И 6. А. Н. Оленинъ въ *Прибавленіи къ письму о Тмутараканскомъ камнѣ*. Спб. 1806.

Г. Тапищевъ полагаетъ, что Несторъ пересталъ писать въ 1093 году. Догадку сію основываетъ онъ на томъ, что во многихъ спискахъ Несторовой Лѣтописи 1093 годъ оканчивается крапкимъ набожнымъ увѣщаніемъ, въ концѣ коего поставленъ *аминь* (1). Почему онъ и заключаетъ, что сими словами оканчивается трудъ Нестора.

(1) „Бысть же сіе за премногіе грѣхи наша, яко же и азъ грѣшный много и часпо Бога грѣхи мои прогнѣваю; но по милости своей Господи спаси ны, яко Ты еси единъ безгрѣшный, сильный, милоспивый, и дивный во свящыхъ Твоихъ, да будешь, во вѣки вѣковъ аминь.“ Тамъ. Т. II. стр. 151. — Въ печат. Кенигсб. списокѣ сіи слова положены иначе и слова *аминь* недоуспашъ.

Со слѣдующаго за пѣмь 1094 года, до мѣнїю сего почтеннаго Исшорика, началъ писать Сильвестръ, Игуменъ Михайловскаго Выдубицкаго монастыря, и продолжалъ по 1116 годѣ, гдѣ онѣ также оканчиваешъ рѣчь *аминемъ* (2).

(2) Сїи слова Сильвестра положены различно.

Въ печат. Кенигсб. сп: „Се азѣ Игуменъ „Святаго Михаила, Селивестръ, написахъ „книги сїи Лѣтописецѣ, надѣяся ошѣ Бога „милости прїяши, при великомѣ Князѣ „Володимерѣ Кїевскомѣ, а мнѣ Игуменомѣ „бывшу у Святаго Михаила; а иже чшутѣ „книги сїя, шо буди ми молишва ихъ.“
Спр. 178.

Въ Лѣтописи Тапищева: „Се азѣ много „грѣшнїй инокѣ Сильвестръ, Игуменъ Св. „Михаила, написахъ книгу сїю именуемую „Греческїй Хронографѣ, Рускїй же Времен- „никѣ, при державномѣ В. К. Владимірѣ „Всеволодовичѣ, именованномѣ Мономахѣ, и „при Митрополишѣ Никифорѣ всея Рускїя „земли; вся же сїя писахъ любви ради Го- „спода Бога и Пресвятыя Богородицы и Свя- „тыхъ его угодниковъ и своего ради оше- „чества, во спасенїе, наспавленїе и памяшь „всѣмъ пользовашься, и прошу всѣхъ прочи- „пающихъ книги сїя, да помоляшся о мнѣ „во святыхъ своихъ молишвахъ, да сла- „достнїй и радостнїй гласѣ услышашъ „ошѣ Господа Бога въ день оный суда вели- „каго, и да избавлени будемъ вѣчныя муки, „а уллучимъ обѣщанная благая молишвами

Г. Тапищевъ при семъ случаѣ замѣчаетъ, что хотя Несторъ при окончаніи

„Пресвятыя Богородицы и всѣхъ Святыхъ, аминь.“ Т. II. стр. 218.

У Миллера и Шлецера въ вышеприведенныхъ сочиненіяхъ: „Се азъ грѣшный инокъ „Селивестръ, Игуменъ Св. Михаила, написахъ „книги сіи глаголемыя Греческимъ языкомъ „Хронѳграфъ, Рускимъ же языкомъ полкуеш- „ся Временникъ, еже есть Лѣтописецъ, во „священно и божественно священноначаль- „ство господина Никифора Митрополита „Кіевскаго и всея Россіи, во обладаніе дер- „жавы Кіевскія православнаго и благочестиваго В. К. Владиміра Мономаха, сына Все- „воложа, внука Ярославля, правнука великаго и равноапостольнаго Св. Владиміра, „нареченнаго во святѣмъ крещеніи Василія, „крестившаго всю Рускую землю. Писа же „вся сія любви ради Господа Бога и Пречистойя Богородицы и Святыхъ его, и своего „ради опечесива Рускія земли, во спасеніе „и пользу всѣмъ, и молю всѣхъ прочитающихъ книги сія, да помолятся о мнѣ во „святыхъ своихъ молитвахъ, да сладостный „гласъ услышу отъ Господа Бога въ день „онъ суда великаго, избавленъ буду безконечныхъ мученій и обѣщанныхъ благихъ отъ „Господа получу, молитвами Пречистойя Богородицы и всѣхъ Святыхъ, аминь.“ — Ежемѣс. соч. 1755 Апрѣль, и Шлец. въ Несп. стр. 24.

Какъ сіе написано въ Лаврентіевскомъ и въ подлинномъ Кенигсбергскомъ спискахъ, см. ниже на стр. 13. . . .

Лѣтописи въ 1093 году былъ еще не старѣе 40 лѣтъ (ибо, по согласному всѣхъ историковъ вычисленію, онъ родился около 1056 года (3)) и жилъ послѣ того долго,

(3) Время рожденія Преподобнаго Нестора нигдѣ точно не означено. Однакожъ историки опредѣляютъ оное вѣроятными догадками. Самъ Несторъ, повѣствуя о началѣ Печерскаго монастыря, которое относитъ къ 1051 году, говоритъ: *Θεοδοσίεβιζъ живущу въ монастырѣ и проч., къ немужъ и азъ придохъ худый, и приятъ мя лѣтъ ми сущу семнадцати отъ рожденія моего* (спр. 113). Въ Паперикѣ прибавлено къ сему: *безмолствующу препод. Антонію въ пещерѣ, блаженному же Θεοδοсію строящу монастырь, приде къ нему (Несторъ) и мыйъ точію семнадцати лѣтъ отъ рожденія своего. Святый (же), Ангельскій иноческій образъ пріи отъ преп. Стефана, Игумена Печерскаго. Потомъ же и на діаконскій степень отъ того же возведенъ бысть.* — Здѣсь представляются три случая для отысканія года рожденія Несторова: 1е онъ пришелъ въ монастырь 17 лѣтъ; 2е Антоній и Θεοδοсій были еще живы; и 3е строили тогда монастырь. Что строеніе сіе началось въ 1072 году, по достоверно извѣстно изъ Паперика, Св. Антоній преставился 1073 г. Іюля 10, когда строенію не исполнилось еще года; а Θεοδοсій 1074 г. Маія 3, И такъ Несторъ пришелъ къ Θεοδοсію не задолго до кончины Антонія, слѣдственно въ 1073 году; но постриженъ Игуменомъ Стефаномъ,

а Сильвестръ умеръ въ 1123 году (4); но оба Лѣтописи до смерти своей не продолжали, впервыхъ попому; что Несторъ занялся послѣ описаніемъ житія Преподобныхъ Печерскихъ, а ввторыхъ можетъ быть и попому, что опасались описывать дѣянія наспоющаго времени.

ибо первый годъ долженъ былъ провести въ искусствѣ; а Феодосій между тѣмъ преславился. Слѣдственно, если Несторъ пришелъ въ 1073 году въ монастырь 17 лѣтъ, то долженъ былъ родиться въ 1056 году. — *Тамъ,* а подробнѣе Шлецеръ, Миллеръ, Соч. жизни Нест. и Соч. объ ист. для Р. Ист.

О годѣ кончины Препод. Нестора также не извѣстно. Въ Патерикѣ сказано, что онъ *по лѣтѣхъ временныхъ доволныхъ представилъ на вѣчность.* Г. Шлецеръ полагаетъ, что онъ жилъ около 60 лѣтъ.

(4) Въ печат. Кенигсб. сп. о кончинѣ Сильвестра, равно какъ и о пославленіи его Генв. 1 дня 1119 года Епископомъ въ Переяславль, не упоминается. Миллеръ и Шлецеръ полагаютъ кончину его 1123 года Апр. 23; а Тапищевъ (Т. II. спр. 228) также въ 1123 году, но только не 23, а 12 Апрѣля. Но въ разности нѣсколькихъ дней важности большой нѣтъ. Хотя же въ I Т. Ист. Там. на спр. 57 сказано, яко бы Сильвестръ умеръ въ 1125 или 1126 году, но сіе должно починать опечаткою; ибо въ Лѣтописи смерть его точно положена въ 1123 году.

Первый изъ двухъ неизвѣстныхъ продолжателей, по мнѣнію Г. Тапищева, вѣроятно жилъ на Волынѣ; ибо онъ вездѣ, гдѣ случай претовалъ ему говорить о городахъ, на восточной сторонѣ Днѣпра находящихся, означаетъ мѣстоположенія ихъ *за Днѣпромъ, за Кіевомъ*, и между прочимъ подъ годомъ 1147. (5) сказываеиъ о себѣ, что въ 1143 году онъ съ Игоремъ II во Владиміръ въ церквѣ часто пѣвалъ. А какъ Сильвестра тогда уже не было, а Симонъ, Епископъ Суздальскій, или не родился еще, или очень малъ былъ; по Г.

(5) У Там. Т. I. стр. 57 сказано, что сей безыменный писатель говоритъ о себѣ подъ годомъ 1146, но это должно почестъ опечаткою (*); ибо въ Лѣтописи Там. сіе обстоятельство написано подъ годомъ 1147, гдѣ по случаю убіенія Игоря II описывается его тѣлесный видъ и душевныя свойства. Въ Опытѣ, пов. Елаг. на стр. XXI такъ же ошибкою сказано, будто сей неизвѣстный писатель говоритъ о себѣ подъ годомъ 1149; а въ жизни Нестора, при его Лѣтописи напечатанной (стр. XI), поставленъ даже 1461 годъ, когда уже не шло Игоря не было на свѣтѣ, но и Владиміръ Волыицкій былъ давно во власти Поляковъ!

(*) Какъ въ изданіи Лѣтописи Там. весьма немало, а особливо въ послѣднемъ томѣ, печатанномъ въ СПБ. у Войцбредта 1784. Не дѣзи не удивляться съ какою небреженіемъ печатана сія книга! Даже самыя имена Князей перемѣшаны. Вотъ нѣскольکو въ тому примѣровъ; Кн. Михаилъ Ярославичъ

Тапищевъ и заключаешь, (Т. I. гл. 6.) что писатель сей былъ Нифонтъ, бывшій на Волыни Игуменомъ, а потомъ въ Новъ городъ Епископомъ, о каковомъ прудъ его и въ Паперикъ упомянуто; и какъ онъ жилъ во время Георгія, или Юрія II, по и продолженіе его съ смертію сего В. Князя окончилось, ш. е. 1157 годомъ.

Второй неизвѣстный продолжатель, по мнѣнію Г. Тапищева, окончилъ 1203 годомъ.

Гг. Миллеръ, Шлецеръ, Соч. жизни Нестора и Соч. объ источн. для Руск. Исторіи, сіи положенія Тапищева опровергаютъ.

Тверскій на стр. 97 названъ Кн. *Юрьемъ Даниловичемъ*. Кн. Дмитрій Юрьевичъ Шемяка и Кн. Борисъ Александровичъ названы: первый на стр. 514 и 516 Кн. *Юрьемъ Дмитриевичемъ*, а второй на стр. 573 Кн. *Васильемъ Александровичемъ*. В. К. Иоаннъ Даниловичъ Калиша на стр. 118 названъ Кн. *Иваномъ Васильевичемъ*, на стр. 135 Кн. *Иваномъ Ивановичемъ*, а на стр. 142 Кн. *Васильемъ Даниловичемъ*! — Въ лѣтахъ В. К. Дмитрія V, проименованнаго Донскимъ, множество ошибокъ. На стр. 170 сказано, что онъ рсдился въ 1350 году; въ 1359 г. написанъ онъ 6 лѣтъ (стр. 187), въ 1362 году 19 лѣтъ (стр. 295), на другой страницѣ въ томъ же году 11 лѣтъ, а на стр. 348 опять 9 лѣтъ. На стр. 349 сказано, что онъ скончался въ 1389 году, а жилъ всего 41 годъ! Какъ жаль, что Тапищевъ имѣлъ такого издателя!

По мнѣнію ихъ, коѣму и Г. Елагинъ согласуеиъ (6), Неспоръ продолжалъ Лѣтопись свою гораздо далѣе 1093 года; а по мнѣнію Шлецера, Неспоръ и. писалъ Лѣтопись началъ не прежде 1100 года. Что же касается до Жишїя Преподобныхъ Печерскихъ, Шлецеръ полагаетъ, что Неспоръ писалъ оное прежде Лѣтописи, и слѣдственно ни что не препятствовало ему продолжая оную до конца своей жизни.

Въ доказательство же того, что Неспоръ продолжалъ Лѣтопись далѣе 1093 и что онъ писалъ еще въ 1096 году, приводятъ, что при описанїи нашествїя Половцовъ съ ихъ Княземъ Бонакомъ на Кїевъ и опустошенїя Печерскаго монастыря на вѣрное долженъ говорить еще Печерскїй монахъ, ибо памъ сказано: *и придоша на монастырь, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ*, чего Сильвестръ сказать о себѣ не могъ, ибо онъ былъ тогда въ другомъ монастырѣ (а Миллеръ прибавляетъ, что изъ жишїя его не видно, чтобы онъ былъ когда въ Печерскомъ); а по сему и заключающъ, что Неспоръ писалъ еще въ 1096 году, и вѣроятно продолжалъ Лѣтопись до 1116 года, если прожилъ до сего времени.

(6) „И въ началѣ XII вѣка кончилось съ жизнью его описанїе.“ Елаг. стр. XIX.

О Сильвестрѣ сїи писатели говорятъ, что въ 1116 году (въ концѣ коего послѣ-вленъ *аминь*) должно бысть не окончаніе, но шокмо начало его труда; ибо Владиміръ Мономахъ, при которомъ, какъ онъ самъ говоритъ, писалъ свою Лѣтопись, не прежде 1114 года вступилъ на Великое княженіе.

О двухъ неизвѣстныхъ продолжателяхъ писатели сїи согласны съ Тапищевымъ, не именуя однакожъ перваго изъ нихъ Нифонтомъ, и полагая начало труда его не съ 1116, но съ 1123 года.

Сїи опроверженія не всѣ убѣдительны.

Гр. Чпо касается до словъ *намъ сущимъ по нелѣямъ лочивающимъ*, если дѣйствительно Сильвестръ не былъ никогда инокомъ въ Печерскомъ монастырѣ, то никому оныхъ приписать не лзя кромѣ Нестора, и сїе можеть служить доста-точнымъ опроверженіемъ мнѣнія Тапищева, и доказательствомъ, что Несторъ далѣе 1093 года продолжалъ Лѣтопись. Однакожъ слова, подѣ годомъ 1097 помѣщенные въ печат. Кенигсб. спискѣ, а особливо у Тап. едва ли можно приписать Нестору.

Въ печат. Кенигсб. сп. подѣ годомъ 1097 сказано: *Василькови же сущу въ*

Володимѣрь. яко приближись постъ великій, и мнѣ ту суццу во Владимірь. А у Тапищева къ сему прибавлено: смотрѣнія ради училищъ и наставленія учителей.

Нѣтъ сомнѣнія, что покойный г. Тапищевъ нашелъ сіи слова въ какомъ-либо спискѣ, хотя и не показалъ, откуда онъ ихъ взялъ; но въ томъ сомнѣваться можно, чтобы они принадлежали Неспору; ибо не лзя предполагать, чтобы иноку Печерскаго монастыря порученъ былъ надзоръ надъ училищами въ городѣ, отъ Кіева удаленномъ, и въ коемъ находились духовныя особы вышнихъ степеней.

2е. Слова: *написахъ при В. К. Владимірь*, ни сколько не опровергають мнѣнія Тапищева. Сильвестръ, начавъ Лѣтопись въ послѣдніе годы княженія Святополка и оконча оную при Владимірь Мономахѣ, имѣлъ все право сказать *написахъ при Владимірь* въ томъ разумѣ, что онъ совершилъ, окончилъ трудъ свой въ его Княженіе. Шлецеръ возражаетъ, что Владимірь не прежде 1114 года вступилъ на престолъ. Сіе могло бы служить опроверженіемъ въ такомъ случаѣ, если бы слова Сильвестра написаны были прежде 1114 года; но они поставлены въ 1116

году, п. е. почти чрезъ два года послѣ вспуленія Владиміра на престолѣ. А потому Сильвестръ не только все право имѣлъ сказать, что онъ кончилъ при немъ, но даже могъ и начать и кончить при немъ; ибо все время, которое онъ, по мнѣнію Тапищева, описываетъ, заключаетъ только 23 года, и слѣдственно при такомъ лаконизмѣ, какой опцы нашего повѣствованія употребляли, въ два года онъ могъ легко кончить свой трудъ.

3е. Чтобы Неспоръ продолжалъ Лѣтопись до конца жизни своей, въ томъ Тапищевъ едва ли не справедливо сомнѣвается. Оставя безъ изслѣдованія, прежде или послѣ Житій Св. Отецъ писалъ Препод. Неспоръ свою Лѣтопись (что едва ли и доказать возможно основательно), и одной той причины достаточно къ утверженію мнѣнія Тапищева, что почти никто не описываетъ дѣлъ своего времени, или опъ опасенія, или потому что дѣла времени насющаго всякому болѣе или менѣе извѣсны. При томъ же кажется, что Неспоръ имѣлъ и основательную причину не описывать времени насющаго, ибо въ то время на Великомъ княженіи былъ Святополкъ II, котораго преемникъ Неспоровъ, Сильвестръ, не весьма хорошими красками изображаетъ. Оставя злодѣйское ослѣпленіе невиннаго Ва-

сильна, Святополкъ, по словамъ его, былъ сребролюбивъ и скупъ; далъ жидамъ многи привилегіи, чрезъ копорыя подданные его были ушѣсны въ торгахъ и промыслахъ своихъ; женился на своей наложницѣ, копорую любилъ до слабости, и слѣдуя ея совѣтамъ, пошерялъ довѣренность и уваженіе удѣльныхъ Князей, и вѣроятно лишился бы Великокняжескаго престола, если бы не имѣлъ подпорю и защитникомъ себѣ Владиміра, по единому покло великодушію уступившаго ему престолъ Кіевскій, по всѣмъ правамъ сему послѣднему принадлежавшій (7).

Изъ сего явствуетъ, что споръ о Лѣтописи Нестора все еще оставался нерѣшеннымъ, и слѣдственно выходило изъ того два положенія, весьма различныя въ своемъ существѣ; Тапищева: что Несторъ окончилъ Лѣтопись въ 1093 году, и что все, отъ 1094 по конецъ 1116 года писанное принадлежитъ Сильвестру, а отъ 1116 по 1157 годъ писанное принадлежитъ Нифонту; прочихъ четырехъ писателей: что Несторъ окончилъ 1116 годомъ, а Сильвестръ, начавъ съ онаго, довелъ до 1123 года, съ котораго продолжали уже неизвѣстные дополнители. Но — почтенный со-

(7) Тамъ. Т. II стр. 211.

чинитель письма о Тмушараканскомъ намиѣршилъ сію задачу.

Упомянувъ о неудачномъ изданіи Кенигсбергскаго списка, г. Сочинитель, въ доназначеніи своего, сколько воспользовался Барковъ даннымъ ему отъ Тауберта позволеніемъ перемѣнять, сокращать и пояснять Неспорову Лѣтопись, приложилъ къ письму своему выписку изъ Лавреншевскаго списка, сличенную съ подлиннымъ Кенигсбергскимъ. Въ сей выпискѣ, за вѣрность которой г. Сочинитель ручается, ясно означено и въ обоихъ спискахъ согласно, гдѣ кончилъ Неспоръ, когда писалъ Сильвестръ и съ котораго именно года началъ продолжать Лѣтопись (8).

Я привожу здѣсь самыя слова сей выписки, такъ какъ они изданы А. Н. Оленинымъ, означивъ, также какъ и у него, курсивнымъ шрифтомъ тѣ слова, коихъ въ тѣхъ же мѣстахъ въ Кенигсбергскомъ спи-

(8) Желательно, чтобы сдѣланныя почтеннымъ Сочинителемъ письма при сличеніи печат. Несп. Лѣт. съ подлиннымъ Кенигсб. спискомъ о всѣхъ ошибкахъ, поправкахъ и выпускахъ Баркова замѣчаны, по содержанию своему весьма важныя и въ особенности для любителей отечественной Исторіи, были изданы въ свѣтъ.

скѣ совѣмѣ неимѣется, и показавѣ въ скобкахъ шѣ, копорыя въ Кенигсбергскомѣ спискѣ находящяся, но въ Лавреншьевскомѣ недоспають, или съ опмѣною въ буквяхъ въ ономѣ написаны.

Послѣ лѣша (*), S. X. I. (6618.)

„Игуменѣ Силвестръ Сѣша Михаїла.
„(Силвестръ) написахъ книги си лѣшо-
„писецѣ. надѣся ѿ Бѣа млшѣ прѣши;
„при (великомѣ) Князи Володимерѣ. Кня-
„жащю ему Кълевѣ. (Кіевскомѣ) а мнѣ
„вто время игуменящю (игуменомѣ бы-
„вшю) оу сѣа Михаїла. Въ S. X. K. D.
„(6624.) индикша. Ѡ лѣш. а иже чшенѣ
„книгы сия. по буди ми въ мѣлвахъ
„(молила ихъ).“

И попомѣ продолжаетъ :

„Въ лѣш S. X. Ѡ I. (6619.) и пр.

Слѣдственно Неспорѣ кончилѣ писатѣ свою Лѣшопись въ 6618 (1110.) году, а Силвестръ началѣ оную продолжатѣ 6624 (1116) году со слѣдующаго года за шѣмѣ, въ копоромѣ Неспорѣ пересталѣ писатѣ, а именно съ лѣша 6619 (1111).

(*) Въ подлинникѣ буквы Славянскія. Изд.

Симъ свидѣтельствѣмъ почтенный сочинитель письма о Тм. к. разрѣшилъ Гордѣевъ узелъ. Удивительно однакожь, что Тапищевъ, Шлецеръ и Миллеръ, разбиравшіе съ такимъ вниманіемъ лѣтописи, а особливо Шлецеръ и Миллеръ, употреблявшіе самой пошлѣ Кенигсбергской списокъ, въ которомъ г. Оленинъ нашелъ сіи слова, не замѣтили 6624 года. А что Барковъ пропустилъ оный, то ни мало неудивительно; ибо видя, что 6624 годъ послѣдовалъ не въ порядкѣ вслѣдъ за 6618, и что послѣ онаго слѣдуетъ 6619 годъ, вѣроятно счелъ это ошибкою писца, и потому за благо разсудилъ въ печатномъ Неспорѣ оный выпустить. Издавать ученую книгу гораздо труднѣе перевода Пироновыхъ стиховъ!

Если бы Барковъ *могъ*, или лучше сказать, *умѣлъ* издать Неспора *слово въ слово*, тогда бы заслужилъ общую благодарность; онъ думалъ имѣть болѣе на оную права поправляя Неспора, и весьма обманулся въ своей надеждѣ!

Шлецеръ, рассказывая о затрудненіяхъ, которыя дѣлали ему въ похвальномъ намѣреніи его издать *слово въ слово* Ію часть Лѣтописи Никона, прибавляетъ: „Многіе счинали за сумасшествіе не поправляшь

„сихомолкомъ *явныхъ описокъ*, не думая
„о томъ, что иному невѣждѣ можеть
„показаться явною опискою то, что поль-
„но есть *архаизмъ*, или для него только
„непонятное слово, попому что онъ не-
„вѣжда.“ Несп. Т. I, 403.

Что же касается до догадки Тапищевъ, что первый неизвѣстный продолжатель Неспоровой Лѣтописи былъ Нифонтъ, бывший прежде на Волыни игумноу, а попомъ въ Новгородѣ Епископомъ, умершій въ 1156 году, она опровергается слѣдующимъ :

1 е. Нифонтъ былъ игумноу не на Волыни, а въ Печерскомъ монастырѣ, какъ самъ Тапищевъ Т. II, стр. 241 сказуешъ.

2 е. Епископомъ въ Новгородѣ онъ поставленъ въ 1130 году, гдѣ и пребылъ почти до самой своей кончины; слѣдственно въ 1143 году онъ не могъ быть во Владимірѣ, да и въ лѣтописяхъ о побѣдѣ его въ семъ году изъ Новгорода во Владиміръ не упоминаешся.

3 е. Если бы и дѣйствительно Нифонтъ писалъ лѣтопись, то до кончины Георгія или Юрія II Владиміровича, Мая 15 го 1157 года послѣдовавшей, продолжашъ (какъ пишешъ Тапищевъ) не могъ, ибо онъ умеръ

годомъ ранѣе Юрія, и именно 15 Апрѣля 1156 года.

4 е. При описаніи посольства Нифонта отъ бунтовавшихъ Новгородцовъ къ В. К. Всеволоду II въ 1140 году и заточенія его въ Бересловъ, гдѣ онъ прѣбылъ около года, а также и въ другихъ случаяхъ, гдѣ онъ былъ дѣйствующимъ лицомъ, какъ на прим. при сдѣланномъ имъ запрещеніи въ 1136 году вѣнчашъ Кн. Святослава Ольговича съ дочерью Новгородца Пеприлина и проч., въ Лѣтописи говорится о немъ въ прѣшнемъ лицѣ. Если бы онъ самъ писалъ эту Лѣтопись, то сказалъ бы, такъ какъ Несторъ, Сильвестръ, Симонъ и попъ Іоаннъ Новгородскій говорятъ о себѣ, описывая дѣянія, коихъ они были очевидными свидѣтелями, или въ койхъ сами дѣйствовали, т. е. въ первомъ, а не въ прѣшнемъ лицѣ. Такъ Преподоб. Несторъ говоритъ о себѣ при своемъ пришествіи въ монастырь, при открытіи мощей Св. Θεодосія, при нашествіи Половцовъ на монастырь Печерскій, и наконецъ при примиреніи Святополка съ Василькомъ. Такъ Игуменъ Сильвестръ упоминаетъ о себѣ въ заглавіи своего сочиненія. Епископъ Суздальскій Симонъ такъ говоритъ о себѣ при описаніи кончины В. К. Константина Мудраго, и такъ упоминаетъ о себѣ попъ Іоаннъ Новгородскій, по-

вѣспвужя о знаменипой побѣдѣ Св. Александра Невскаго, надѣ Шведами одержанной, и сказывая припомѣ, что онѣ самѣ отѣ него слышалѣ о всѣхѣ подробностяхѣ сего сраженія.

По симѣ уваженіямѣ основательно можно заключить, что Нифонѣ не былѣ дѣписашелемѣ, и что вѣ сожалѣнію имена двухѣ послѣднихѣ дополнителей Неспоровой Лѣпописи остаются донынѣ вѣ неизвѣстности.

Н. Бр — съ.

~~~~~

Замѣчанія о двухѣ маловажныхѣ историческихѣ ошибкахѣ.

Замѣчашь погрѣшности вѣ хорошихѣ сочиненіяхѣ не значить опровергать достоинство оныхѣ; показашь маловажныя ошибки сочинителей не значить нарушашь уваженіе и благодарность, которыми мы имѣ обязаны. Труды почтенныхѣ историковѣ нашихѣ Татищева, Шлецера, Елагина и Болшина останутся навсегда незабвенными даже и тогда, когда мы будемѣ имѣть полную и совершенную Рускую Исторію; ибо безѣ сихѣ шрудолобивыхѣ мужей объяснившихѣ и описавшихѣ нашу Исторію,

всякое новое начало оспавалось бы неуспѣшно. Слѣдственно намѣреніе мое не есть намѣреніе Зоила, не клонится къ охудженію печенныхъ шворцовъ, но къ объясненію Испоріи въ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ они, можетъ быть по маловажности предмета, не упошребили всего своего вниманія, которое было усшремлено на важнѣйшее. Хорошіе авшоры также могутъ ошибаться. Не взирая на достоинство сихъ сочиненій, въ оныя вкрались нѣкоторыя погрѣшности, маловажныя, эщо правда, но шѣмъ не менѣе погрѣшности и припомѣ такія, которыя явно прошиворѣчатъ повѣствованію Несшора, единственнаго источника для Испоріи древней Россіи. Я осмѣливаюсь замѣнить здѣсь нѣкоторыя.

*

Несшоръ (по Сп. Кенигсб. печат.) говоритъ: „Въ лѣто 6453 рекоша дружина „Игоревѣ: Ошроци Свенелжи изодѣлися „сущь оружіемъ и поршпы, а мы нази и „пойди Княже съ нами въ дань, да и шы „добудеши и мы.“ Издапель на спр. 46 замѣчаетъ, что хощя въ Кенигсбергскомъ спискѣ о Свенельдѣ не было прежде упомянуто; но по другимъ спискамъ видно, что онъ былъ воевода Игоревъ, и побѣдивъ Угличанъ и Древлянъ, взяшую съ нихъ дань раздѣлилъ войску, ошъ чего послѣ на

Игоря произошло отъ другихъ войскъ, не имѣвшихъ участія въ корысти, ропшаніе.

Сказаніе Неспора ясно; но историки передаютъ намъ оное въ другомъ видѣ.

Тамъ. Т. 1, стр. 35 годъ годомъ 945 говоритъ: „Войско Игорево *Свинельдсвой* „*власти* просили Игоря, чщобы велѣлъ „имѣ дать оружіе и одежды, или бы по- „щелъ съ ними на Древлянъ, гдѣ Князь и „они могутъ довольно получить.“

Лом. гл. III. стр. 160: „Былъ у него (у Иго- „ри) знашій Воевода именемъ *Свендельдъ*, „*которому изъ особенной любви и ми-* „*лости отдалъ во владѣніе Древлян-* „*скую землю*, приобретенную и опягощен- „ную данями, прежде походовъ своихъ на „Грецію. *Свендельдъ бралъ по черной ку-* „*нѣ съ дымомъ, и тѣмъ весьма обогатил-* „*ся*. Военачальники Игоревы, воеващіе съ „нимъ Грецію, пому завидуя, говорили Князю, „что онъ *подарилъ полъ много одному* „*человѣку*, и служащіе Свендельду украше- „ны оружіемъ и плащемъ, а они наги. И „такъ совѣщовали идти къ Древлянамъ“ и пр.

Тапищевъ сказаніемъ своимъ, что Свенельдовы воины были наги (видно въ томъ смыслѣ, что они не были въ походѣ на

Грецію, гдѣ другое войско обогатилось) совершенно прошиворѣчишь Неспору; ибо Препод. Неспорѣ именно говоритъ, что дружина Игорева завидовала богатству войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ Свенельда въ Древлянскомъ походѣ; слѣдственно по самое войско, которое ходило въ Грецію, было бѣднѣе того, которое оспавалось съ Свенельдомъ.

Древлянская обласць никогда не была опдана Игоремъ во владѣніе Свенельду (какъ пишеть Лом.), и по лѣтописямъ Рускимъ нѣтъ примѣра, чтобы обласпи, или цѣлыя Княженія (ибо Древлянская обласць была послѣ Княженіемъ, и первый Рускій удѣльный Князь въ ономъ былъ Олегъ, сынъ Святослава I.) давались во владѣніе воеводамъ; да и въ томъ же самомъ 945 году упоминается Древлянской Князь Малъ; слѣдственно Древляне, имѣющіе собственнаго Князя, не могли бытъ опданы во владѣніе воеводѣ. Откудажъ почерпнулъ сіе почтенный Сочинитель?

Елагинъ описываетъ сіе происшествіе справедливѣе и согласнѣе съ Неспоромъ:

„Мы выше объявили, пишеть почтенный Историкъ, что прежде похода на Грецію посылалъ Игорь Свенельда, вождя своего, воевать Угличей и землю Древлян-

„скую, и за покореніе оныхъ *пожаловаль*
„ему и съ нимъ бывшему войску дань съ
„сего народа, по черной кунѣ съ дыма со-
„бранную. Такое награжденіе возбудило ве-
„ликую зависть въ прочихъ его войскахъ,
„ходившихъ на Грековъ, и подвигло дружи-
„ну его неопшшупно спужашъ ему, говоря:
„Рашники Свенельдовы обогащены, блестящѣ
„оружіемъ и одеждою украшены, а мы на-
„ги и босы есьмы. Пойдемъ, Князь, съ
„нами на Древлянъ, да и шы обогатишся.
„и мы корыспи получимъ.“ Кн. II. § 49.

*

Таш. Т. II. стр. 57 подъ годомъ 960,
упоминая о походѣ Владиміра на Полоцкаго
Князя Рохвольда, говоритъ: „Рохвольдъ
„бо былъ изъ пришедшихъ Князей изъ Ва-
„рягъ съ Рюрикомъ.“

Рюрикъ пришелъ на Княженіе въ 862
году. Слѣдственно если Рохвольдъ былъ въ
то время 20 лѣтъ (менѣе же полагаешъ его
не лзя, ибо въ 864 году ему дано было
опѣ Рюрика цѣлое Княженіе въ удѣлѣ);
то въ сіе время, ѿ которомъ идетъ рѣчь,
ш. е. въ 960 году, онъ долженъ былъ
имѣть 138 лѣтъ!

Ташицевъ, при всей своей осмотри-
тельности, упустилъ изъ виду, что опѣ
пришесшвѣя Рюрика до взятія Владиміромъ

Полоцка (при каковомъ случаѣ Рохвольдъ лишился жизни) прошло 118 лѣтъ, и что въ печенѣи сего времени самъ Рюрикъ, свойспвенникъ его Олегъ, сынъ и внукъ княживъ не малое время, умерли и уже правнукъ Рюриковъ около 7 лѣтъ былъ на княженіи въ Кіевѣ, а будшо во все сіе время въ Полоцкѣ все княжилъ Рохвольдъ!

Болшинъ хопя въ опвѣщѣ на письмо К. Щербашова. (спр. 148. изд. 2е) и въ прим. на Исп. К. Щ. Т. I. §. LX говоритъ, что Рохвольдъ почно пришелъ съ Рюрикомъ, однакожъ въ крап. прим. на Исп. Леклерка Т. I. § XX говоритъ, что съ Рюрикомъ пришли его предки.

Елагинъ спр. 337, также сказавъ, что Рохвольдъ пришелъ съ Рюрикомъ, въ примѣчаніи на той же страницѣ объясняеши, что съ Рюрикомъ пришелъ предокъ сего Рохвольда, также какъ и Князь Туръ, основавшій Туровъ.

Но Неспоръ (по Сп. Кенигсб. печат.) не упоминаетъ, чтобы Рохвольдъ, или предокъ его, или Туръ пришли съ Рюрикомъ. Онъ повѣствуетъ только: „Бѣ бо Рохвольдъ пришелъ изъ заморія, имяше власнѣ свою Полпескъ, а Туръ въ Туровѣ, ошъ него же и Туровѣцѣи происходятъ.“

Поэтому только можно догадываться, что предокъ Рохвольда посаженъ на княженіе въ Полоцкѣ Рюрикомъ, что Несторъ при распредѣленіи градовъ пришедшимъ съ Рюрикомъ знашнымъ Варягамъ, упоминаетъ Полоцкѣ. Но Рохвольдъ допомокъ ли былъ того Князя, которому онъ Рюрика данъ былъ Полоцкѣ въ удѣлъ, или похищитель, сіе остаётся въ неизвѣстности; ибо Несторъ, единственнѣйшій и вѣрный источникъ Исторіи древней Россіи, о томъ не упоминаетъ; а прочіе списки и лѣтописи слѣшкомъ новы и баснословны, чтобы дать имъ вѣру.

Удивительно, что прѣвосходный критикъ нашей Исторіи Шлецеръ въ семъ случаѣ противорѣчитъ Нестору и въ своемъ Несп. Т. I. стр. 273 говоритъ: „Въ 990 году одинъ Норманнъ, по имени *Рагвальдъ*, „поплывъ въ верхъ по Двинѣ прибылъ въ „Полоцкѣ, которой и завоевалъ,“ не смотря на свидѣтельство Нестора, котораго онъ самъ называетъ *единственнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ* источникомъ для исторіи древней Россіи, и которой еще въ 980 году полагалъ Рохвольда уже въ Полоцкѣ.

Что Рохвольдъ пришелъ не съ Рюрикомъ, то доказывается лѣтоисчисленіемъ; что онъ не въ 990 году овладѣлъ Полоцкѣ.

домъ, по доказывающа Неспоромъ. Слѣд-
ственно заключить основательно можно,
что или предокъ его пришелъ съ Рюри-
комъ, какъ повѣствуютъ Елагинъ и Бол-
шинъ; или онъ самъ овладѣлъ Полоцкомъ,
какъ пишетъ Шлецеръ, но гораздо прежде
999 года и даже прежде 980 года.

Н. Вр — въ.

IV. С М Ъ С Ъ.

---

*для любителей Латинской словес-
ности.*

Между множествомъ разбросанныхъ кам-
ней надгробныхъ въ церкви Magny Lessart не-
давно открыта надгробная надпись *Racine*,
сочиненная другомъ его *Буало* на Латинскомъ
языкѣ. Правда что ее можно видѣть во мно-
гихъ книгахъ; но вездѣ она была печатана
съ пропусками, прибавленіями и перемѣнами.
Въ ученѣмъ свѣтѣ думали, что камень съ сею
надписью давно уже несуществующій. Слова
Johannes Racine умышленно сперты рукою за-
висти, или фанатической ненависти анги-
лсенистовъ. Сему - по общагошельству при-
писываютъ, что драгоценный памятникъ,

воздвигнутый отъ Боало Расину, пакъ долго не былъ найденъ и скрывался въ неизвѣстности.

D. O. M.

Hic jacet nobilis vir Johannes Racine, Franciae thesauris praefectus, regi à secretis atque à cubiculo, nec non unus è quadraginta gallicanae academiae viris; qui postquam profana tragoediarum argumenta diù cum ingenti hominum admiratione tractasset, musas tandem suas uni Deo consecravit, omnemque ingenii vim in eo laudando contulit, qui solus laude dignus. Cum eum vitae negotiorumque rationes multis nominibus aulae tenerent addictum, tamen in frequenti hominum consortio omnia pietatis ac religionis officia coluit. A christianissimo Rege Ludovico magno se lectus, unà cum familiari ipsius amico (*), fuerat, qui res, eo regnante, praeclare ac mirabiliter gestas perscriberet. Huic intentus operi repente in gravem aequè et diuturnum morbum implicitus est: tandem ab hac fede miseriarum in melius domicilium translatus, anno aetatis suae quinquagesimo nono, qui mortem longiori adhuc intervallo remotam valde horruerat ejusdem presentis aspectum placida fronte sustinuit, obiitque spe multò magis et pia in Deum fiducia erectus, quam fractus metu. Ea jactura omnes illius amicos, e quibus non nulli inter regni primores eminebant, acerbissimo dolore perculit. Manavit etiam ad ipsum regem tanti viri desiderium. Fecit modestia ejus singularis, et praecipua in hanc Portûs Regii domum benevolentia, ut in isto coemeterio piè magis quam magnificè sepeliri vellet, adeoque te-

---

(*) Сіе слово относится къ Боало.

flamento cavit, ut corpus suum, juxta piorum hominum, qui hic jacent, corpora humaretur.

Tu verò quicumque es, quem in hanc domum pietas adducit, tuae ipse mortalitatis ad hunc aspectum recordare, et clarissimam tanti viri memoriam precibus potius quàm elegiis prosequere.

Par M. Boileau - Despréaux.

Изъ Портъ - Ройяльскаго аббатства, которое разрушено въ 1709 году, надгробные камни перенесены въ церковь Magny Lessart, а оспашки Расина перенесены въ Парижъ въ церковь Св. Стефана, гдѣ они лежатъ и донинѣ безъ епитафіи!

*

Вопѣ стихи на смерть Прусской Королевы Луизы, подъ заглавіемъ: *Ad Borussos*. Они взяты изъ Нѣмецкаго журнала *Zeitung für die elegante Welt*.

O ede luctus, cara Borussia,
Finisque nullus sit lacrymis tuis!
Nunquam fatis fatum dolebis,
Quo rapitur Ludovica amata.

Vix Roma Parcas contremuit pares,
Extinctum acerba morte videns caput
Octaviae, clarum Quiritum
Praesidium, atque decus perenne;

Taetras cruentae caedis Erinnyas
Fugaverat bis de patriae sinu,
Facundia prudente placans
Italiae trepidae tyrannos.

Sic Martis atrum ; nuncia cœv dei ;
Fulmen removit nuper , et otia
Pacemque felicem Borussiae
Alma dedit Ludovica terræ.

Belli fugata pernicie fera ,
Cum Rege amabat visere patrias
Urbes , juvans illic benigne ,
Hic reditum accelerans salutis.

Laetusque fertur clamor in aethera ;
Quamcunque terram Tu ; Ludovica ; adis ;
Te grata gens tutelam adorat ,
Te patriæque vocat parentem.

At nunc ubivis alta silentia ;
Editque pectus vix querimonias ;
Rex ingemens crudele fatum ;
Non retinet lacrimam cadentem.

Qui non periculis frangitur horridis ;
Magnasque clades pectore pertulit
Forti : valet vix ferre lucem
Conjugis exequiis tremendam.

At non relictus istas tumulo super ;
O care Rex , spes certa tibi nitet :
Vis pulchra natorum , fideli
Quos coluit Ludovica cura.

Hos tu tuere , o cara Borussia ,
Cœv vere gemmas floriparas foves :
Sic posterorum in corde fido
Magna diu Ludovica vive.

U. M. M.

К а р л ь В и л л е.

„Отецъ сего необыкновеннаго мальчика, о которомъ уже года два пишуть въ публичныхъ листкахъ, недавно былъ въ Касселъ и обѣдалъ у Французскаго Министра Барона Рейнгарда. Идучи домой вмѣстѣ съ Докторомъ Вишпе; я говорилъ съ нимъ очень много о маленькомъ его Карлѣ, котораго весьма хотѣлось мнѣ видѣть.

„Неперпѣливо ожидалъ я слѣдующаго утра. Отецъ и сынъ пришли ко мнѣ. Я началъ говорить съ Карломъ по французски. Отвѣпы его были умныя и скромныя. Тоненькой дѣтской голосокъ его приводилъ меня въ восхищеніе.

„На столѣ у меня лежала книжка *Leçons de littérature et de morale*, изданная Ноелемъ и Делапласомъ. Я раскрылъ ее на удачу и подалъ Карлу. Любезный малюшка выразительно и съ чувствомъ, прочиталъ отвѣтъ Байоннскаго Комманданта Карлу IX, которой велѣлъ ему умершвишь протешпаншовъ. Безъ всякаго приготовленія перевелъ онъ письмо сіе очень исправно. Я немогъ не удивляться прекрасному его произношенію на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Незамѣчая похвалъ моихъ, онъ продолжалъ чистымъ и внятнымъ Англійскимъ языкомъ отвѣчать на предлагаемыя отъ меня ему вопросы. У меня неслучилось на ту пору никакой Англійской книжки. Мы говорили о пребываніи его въ Касселъ, объ охотѣ его къ ученію и проч.

„Дошла очередь до Италіянскаго. По непривычкѣ моей изъясняться на семъ языкѣ,

самъ отецъ вступилъ въ должность испытателя. Тутъ опять выборъ словъ и выговоръ оныхъ въ отвѣсахъ любезнаго Карла превзошли мое ожиданіе. Греческихъ и Латинскихъ книгъ при мнѣ тогда также не было.

„Между тѣмъ какъ маленькой гость мой завтракалъ въ другой комнаѣ, я разговаривалъ съ оцемъ объ удивительныхъ способностяхъ его сына. Онъ объявилъ мнѣ свои намѣренія въ разсужденіи образованія сего единственнаго дитяти, и сообщилъ мнѣ слѣдующія за симъ приложенія :“

Спашья, изъ которой извлеченіе здѣсь помѣщено, написана отъ имени Полковника Фонъ деръ Оспена и напечатана въ Минервѣ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы склонить великодушныхъ людей удѣлить что-нибудь на воспитаніе Карла. Отецъ его, человекъ недостаточной, живетъ въ Лохау, близъ Галле, гдѣ имѣетъ онъ мѣсто приходскаго священника. Но теперь пребуемая помощь уже болѣе ненадобна. Веспфальскій Министръ внутреннихъ дѣлъ Графъ Воолфрадтъ увѣдомилъ Доктора Вишше, что Король Геронимъ назначилъ на прехлѣбнее обученіе сына его въ Гептингенскомъ Университетѣ по 2000 франковъ ежегодно.

Упомянутыя выше приложенія состоятъ изъ пяти свидѣтельствъ о дарованіяхъ и свѣдѣніяхъ Карла. Изъ письма Виланда къ Доктору Вишше, отъ 24 Іюня 1810, видно, что отецъ и сынъ были весьма благосклонно приняты Герцогомъ и Герцогинею Веймарскими, и что Виландъ беретъ великое участіе въ вос-

пишаніи рѣдкаго мальчика. Въ данномъ оцѣ Лейпцигскаго Университета за подписаніемъ Ректора свидѣтельствѣ сказано между прочимъ, что знанія *девятнадцатилѣтняго* Карла Витте сдѣлали бы честь и осмнадцатилѣтнему юношѣ; что онъ переводитъ не механически, но съ особливою разборчивостію и весьма разсудительно какъ прозаическихъ писателей, такъ и стихотворцовъ съ Французскаго, Италіянскаго, Англійскаго, Латинскаго и Греческаго языковъ; что онъ представилъ тому удивительные опыты передъ знаками и недавно въ присутствіи Короля Саксонскаго и всего Двора Его Величества; что съ великою для себя пользою читалъ книги объ исторіи, о древностяхъ, о древней и новой географіи, и пворенія знаменитѣйшихъ писовъ; что сіи знанія не суть плодъ вредныхъ и даже пагубныхъ для здоровья усилій, и что поспрогомъ испытаніи маленькой Карлъ оказался совершенно достойнымъ студентскаго званія. — Для знающихъ Латинской языкъ помѣщаемъ оцѣ слова до слова одно свидѣтельство:

Deductus est ad nos Iohannes Henricus Fridericus Carolus Witte „Lochaviensis, novem annorum puer, eo consilio, ut quid de ingenio et scientia ejus statuendum nobis videretur, experti judicaremus. Jussus igitur ex Iliade, Aeneide, Guarini Pastore fido, et Gallica Chrestomathia, loca quaedam haud sane facillima nobis interpretari, talem se praestitit, ut idoneorum auctorum constanti sermoni ac famae de se certissimam fidem fecerit. In vertendis enim locis illis, pro arbitrato meo electis, non solum variarum linguarum vocabulorum paratam scientiam exprorsit, sed etiam antiquitatum notitiam iudicii maturitatem et ingenii celeritatem reliquarumque animi

virium praestantiam tantam manifestavit, quantam in nullo hujus aetatulae homine unquamprehendimus. Quare nos quidem persuasissimum habemus singularem illam pueri naturam, pariter atque eximiam patris, qua ille sola usus est, disciplinam, dignam esse, in quo scrutanda et contemplanda docti viri mentes suas studiosae defigant, et tam publicum literarum commodum, quam bonam educationis causam utique postulare, ut rari ingenii puero, ad omnia summa nato, aditus ad academicorum doctorum institutionem, cui ille haud impar futurus est, aperiatur, nec praejudicatae opinionis culpa prohibeatur, quo minus ille ad maximarum rerum spem, Dei Opt. Max. virtute ei propositam, efflorescat. Scr. Lipsiae die XII Decembris A. C. MDCCLXXXIX.

M. F. G. E. Rostius,
Prof. Phil. Extr. et Scholae Thom. Rector.
L. S.

Анекдотъ о Дидеротѣ.

Однажды пришелъ Дидеротъ къ типографщику и книгопродавцу Панкуку поправить печатные листки Энциклопедіи. Хозяинъ, человекъ престарѣлой, въ то самое время одѣвался. Дидеротъ видя крайнюю медленность старика, хотѣлъ помочь ему. Панкукъ недозволяетъ и убѣдительно проситъ непрудиться. *Ничего, ничего!* сказалъ ему философъ: *пожалуйста не безпокойтесь; изъ числа писателей не я первой одѣвну книгопродавца.*

Московскія записки.

Два солнца, Испанцы въ Перу, или смерть Ромлы, Сынъ любви — вотъ прагедіи или драмы г. Коцебу, предсшавленныя почти одна за другою на здѣшнемъ театрѣ. Надобно полагать, что *Два солнца* весьма понравилась жителѣмъ Германіи, или что г-ну Коцебу весьма полюбилось дарованіе свое на скорую руку сочинять прагедіи: не вижу другой побудительной причины, засшавившей его показать публикѣ прагедію *Испанцы въ Перу*, кошорая, какъ извѣстно, служилъ продолженіемъ *Два солнца*. Содержаніе для обѣихъ почерпнуто изъ Мармонтелевой повѣсти *Инки, или разрушеніе Перуанской имперіи*. Въ ученомъ свѣтѣ — скажу лучше между писателями, ибо въ нѣкоторыхъ земляхъ учемось и охота писать въ глаза незнаютъ одна другую — ведется такой обычай: когда новая повѣсть или сказка полюбилась своимъ читателямъ, то немедленно сосшавляется подъ знаменами сочинителя полкъ волонтеровъ, изъ коихъ одни пишутъ подражанія, другіе превращаютъ повѣсть въ драмы, претши, зашвердивъ значительнѣйшія фразы, употребляютъ ихъ въ письмахъ и въ разговорѣ, а четвертые unguibus et rostris защищаютъ славу и честь того искуснаго пера, которымъ по ихъ мнѣнію долженъ восхищаться весь родъ человѣческой. Мы уже и у себя видѣли примѣры, что выкроенныя и передѣланныя изъ сказокъ драмы никакъ не приходятся въ пору на вкусъ разборчивой публики. Незнаю для чего досужіе наши сочинители оспанавливаются на первыхъ своихъ опытахъ. Не удалась драма?

что нужды! можно попытаться и сблать изъ нее какое-нибудь другое меньшаго разбора сочиненіе, такъ точно какъ изъ серпука, которой перешитъ былъ изъ плаща, дбляющъ камзолы и рукавицы. — — Въ прагедіи *Испанцы въ Перу* все ешь: и ненужныя лица, и несвязныя сцены, и ничего незначащіе характеры, и неподвижное дбйствіе, и пусшыя рбчи! Зришели начинали уходить мало по малу, и я боялся, чтобы съ акшерами не случилось того, что съ однимъ проповѣдникомъ, которому пономарь отдавалъ ключи, прося его, запереть церковь, когда кончишь свое поученіе.

Разбойники, прагедія въ пяти дбйствіяхъ, представлена была 2 Октябръ. Г. *Ивановъ* перевелъ ее съ Французскаго языка, а Французскій сочинитель передблалъ ее изъ Шиллеровой прагедіи, извѣстной подъ тѣмъ же названіемъ. Мы и Шиллерову имѣемъ на своемъ языкѣ: но она писана для Нѣмцовъ; на Русскомъ театрѣ представлять ее никакъ не можно. Какой зришель сперпитъ, чтобы дбйствіе продолжалось при мѣсяца и происходило попеременно то въ Саксоніи, то въ Богеміи, то на берегу Дуная! Оспавимъ Нѣмца и Француза, а скажемъ слова два о Русской прагедіи. Робертъ, сынъ Графа Мольдара, проклятый опцемъ своимъ, ненавидимый братомъ и, какъ думалъ онъ, любовницею, сблался ашаманомъ многочисленной шайки разбойниковъ. Ужасъ предшесивуетъ Роберту, разореніе и грабежъ слвдуютъ за нимъ; однакожъ никогда нелились отъ него слезы невиннаго несчастливца. Онъ извергъ, которому правосудіе мучительную смерть опредѣли-

до; жизнь его есть не что иное какъ дѣнь убійствъ и злодѣяній: но онъ убивалъ и грабилъ только виновныхъ; ибо рубинъ сорвалъ онъ съ руки вельможи, сластолюбца и притѣснителя, алмазъ опнялъ онъ у алчнаго судьи, которой разорилъ два семейства, чтобы обогатить родственника своей любовницы, и которой за то понесъ достойную казнь отъ Роберта, равно какъ и вельможа притѣснитель. Во всѣхъ случаяхъ Робертъ поступаетъ справедливо и великодушно. Желательно знать, чего пребудешь отъ зрителя? Удивленія, жалости, боязни въ пользу Роберта? Но Робертъ бездѣльникъ; вооружась противу законовъ и сдѣлавшись апаманомъ разбойниковъ, онъ заслуживаетъ презрѣніе отъ людей живущихъ подъ защитою законовъ. Робертъ, изнемогши подъ бременемъ бѣдствій, наконецъ очень спокойно рѣшается проспрѣлить себѣ голову, и именно отъ увѣренности въ будущемъ блаженствѣ. Онъ видѣлъ шихую кончину Размана, почтеннаго своего сотрудника.

„Какая противоположность! разбойникъ умираетъ съ спокойствіемъ на челѣ и упованіемъ въ очахъ: болѣзнь и дружество, казалось, были единственными чувствами его. А я помню, какъ судорожные порывы отчаянія овладѣли послѣдними минушами человека, котораго называли праведнымъ и благодѣтельнымъ!“ Не такъ борются съ несчастіями, не такъ умираютъ истинные герои, коихъ имена и подвиги произносятся съ уваженіемъ. — Надобно довести до свѣдѣнія г-на Кавалерова, что пасторъ выходитъ на театръ сценъ не для того, чтобы смѣшить зрителей; онъ долженъ дѣйствовать сообразно съ до-

споинствомъ своего званія ; находясь посреди свирѣпыхъ разбойниковъ, онъ смѣло говоритъ имъ объ ихъ злодѣйствахъ и рѣшительно пре-буещъ, чтобы они признали власть законовъ.

Октября 12 во второй разъ *Ханжесъ* или *лицежѣръ*. Такъ называется на Русскомъ языкѣ *Гартюфъ*, Французская комедія въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненная Мольеромъ, котораго въ газетахъ и въ афишахъ величаютъ господиномъ, хотя Мольеру пишудъ сей небо-лѣе приличенъ, какъ Плавту и Теренцію. Я такъ думаю, не пошому что одинъ изъ Рим-скихъ спихотворцовъ былъ работникомъ на мѣльницѣ, а другой невольникомъ, и что Мольеръ на *вѣкселяхъ* не подписывался ни Барономъ, ни Маркизомъ, но пошому что всѣ сіи *господа* уже давно умерли, что ихъ пѣворенія сдѣлались принадлежностію учености, и что пишудъ господина, которой безъ сомнѣ-нія придаетъ не мало важности на примѣрѣ драгунскому капишану, или уѣздному учителю, или губернскому стряпчему, едва ли можетъ быть почетнымъ для людей, коихъ имена жи-вудъ и долго еще будудъ жить въ попом-ствѣ. — Содержаніе *Гартюфа* всѣмъ извѣ-стно. Хитрый плудъ *Гартюфъ*, или, бу-демъ употреблять Русскія названія, *Ханже-есъ*, обманываетъ набожнаго простячка *Легко-вѣра*, и послѣ наказывается за свое бездѣль-ничество. Французы рассказываютъ чудеса о сей трагедіи, Лагарпъ безъ дальнихъ околн-ностей пишетъ, что она есть нес plus ultra комическаго искусства, и что *никогда и ни-гда* невидано ничего совершеннѣе. Французы дѣлаютъ свое дѣло; а намъ надобно разсуж-дать своимъ разумомъ и на чужія слова слѣше

не полагаться. Какъ! ясно видѣшь, что спарая *Шумилина* и болтушка *Дарья* суть лица вовсе ненадобныя, и неосмѣлишься сказать этого въ слухъ, потому только что Лагарпъ иначе думалъ, и что такое мнѣніе не понравится галломанамъ? Спранная, принужденная и несбыточная развязка лишаетъ васъ ожидаемаго удовольствія; а вы будете называть ее совершенною? Какъ! *Дарья* говоритъ, что *Ханжеевъ* свѣжъ, полстѣ, румянъ, здоровъ, что бѣстѣ, пьетъ и спитъ какъ нельзя лучше; а *Легковѣръ* совсѣмъ не къ спати нѣсколько разъ восклицаетъ: *ахъ бѣдливкой!* И восклицанія сіи должны казаться натуральными, потому что Лагарпъ утверждаетъ, будто такъ надобно? Да сохранитъ насъ Богъ отъ такого невольничества! Въ *Мольерово* время развращеніе нравовъ достигло уже до высочайшей степени. Придворная дама *Лудовика XIV* г-жа *Севинье*, которая славилась умомъ своимъ и вкусомъ, безъ зазрѣнія совѣсти переписывается съ дочерью о пахабныхъ *Лафонтеновыхъ* сказкахъ, посылаетъ къ ней книгу и назначаетъ самую лучшійя для прочтенія! *Жоржъ Дюдинъ*, котораго *Мольеръ* срисовалъ съ *Бокачѣевой* сказки, при многолюдномъ собраніи представленъ былъ въ *Версали* въ присутствіи погожъ *Лудовика*, происходительной супруги его и другихъ особъ *Королевской* фамиліи! Надобно все это помнить, чтобы рѣшить, сносно ли для благонравія, когда *Ханжеевъ* хватаетъ *Ельмиру* за ногу и допрогивается до ея вонюшка, и когда цѣломудренная *Ельмира*, вмѣсто того чтобы велѣть сполкатъ со двора негодяя, говоритъ ему только: *за чѣмъ же жуть съ рукой? и потрогайте меня, я*

щекотлива страшно! — Г. Зловъ представляеиъ Ханжеева очень хорошо Г. Черкасовъ играя Милона, сочинялъ ехромпту свои собственныя стихи, не очень правильныя; но онъ представлялъ за болѣзню г-на Мочалова.

Изъ числа книгъ, недавно вышедшихъ въ свѣтъ и объявленныхъ въ здѣшнихъ Вѣдомостяхъ, особеннаго достойна примѣчанія:

Атласъ древней Географіи, состоящій изъ 12 ландкартъ, сочиненныхъ Г. Ц. А. Фитомъ, а изданныхъ К. Ф. Функомъ съ изъясненіемъ оныхъ. Москва 1816. Въ Унив. Тип. Книга сія на Россійской языкѣ переведена Н. Е. Черепановымъ, Профессоромъ Исторіи при Московскомъ Университетѣ. Хотя она издана для обучающихся въ гимназіяхъ; однакожь за недостаткомъ книгъ сего рода могушь ея пользоваться и всѣ тѣ, которые готовятся читать древнихъ авторовъ. Русской переводъ имѣетъ важное преимущество: въ немъ исправлены многія ошибки, найденныя въ подлинникѣ. Г. Черепановъ обѣщается, если сей трудъ его публика приметъ благосклонно, издать и Географическій того же автора Словарь, въ которомъ подробно изъясняется все касающееся до древней Географіи.

Краткое начертаніе Физики, изданное П. Страховымъ. Москва 1810, въ Унив. Тип. „Книжка сія вообще издана для любителей Физики, въ особенности же для слушающихъ преподаваніе оной, дабы въ краткомъ начертаніи могли они обозрѣть главныя сшашьи сей науки. Почему Издатель щцательско спарался предѣлы предложенія своего о

каждой матеріи соразмѣряя съ ея важностію, упошребительностію въ общежитіи и съ нынѣшнимъ состояніемъ натуральныхъ наукъ въ Россіи, словомъ, съ пользою юныхъ своихъ соопечественниковъ. Порядокъ главъ и расположеніе большею частію удержаны Бриссонны. Новыя открытія или объясненія, коихъ не находится въ сочиненіи Бриссона, включены здѣсь въ своихъ мѣстахъ.“

Руссовы письма о Ботаникѣ, съ дополненіемъ его ботаническаго словаря, съ объясненіемъ трехъ лучшихъ методовъ Турнефорта, Линнея и Жюссе, и съ ботаническими часами, изобрѣтенными безсмертнымъ Линнеемъ. Извлечено и переведено Влад. Измайловымъ. Москва. Въ тип. П. Бекетова. Руссо писалъ для женщины; г. Измайловъ переводя письма его, старался сдѣлать ихъ внѣшними для всѣхъ любителей Ботаники. Правила въ разсужденіи выбора техническихъ словъ, по мнѣнію г. на переводчика, должны сослаться въ томъ, чшобы не вводить новыхъ терминовъ безъ нужды, удержавъ Латинскіе и Греческіе, когда они довольно извѣстны и непротивны свойству языка нашего, составляя новыя какъ можно простиѣе, ближе къ самой вещи, и наконецъ, непривязываясь изъ самолюбія къ своимъ собственнымъ словамъ, принимаю чужія, когда они искусно переведены или сочинены. Сихъ правилъ держался онъ въ переводѣ Руссовыхъ писемъ и словаря, принявъ вообще номенклатуру г. Соболевскаго, но слѣдуя и другимъ авторамъ, когда ихъ слова удачнѣе или искуснѣе, и сочиня новыя только въ случаѣ недоспашка. Руссо выдалъ одни только ошрывки для словаря: г. Измайловъ дополнилъ

его перминами весьма важными въ языкѣ бошаническомъ, нѣкопорыми необходимыми описаніями и нужнѣйшими Лапинскими словами.

Несторъ. Рускія лѣтописи на древле-Славянскомъ языкѣ, сличенныя, переведенныя и объясненныя Шлецеромъ. Ч. I. въ С. П. Б. 1809. Въ Императорской тип. Съ 1802 по 1805 годѣ покойный Шлецеръ издалъ чепыре части своего Нестора. Въ прошломъ году напечатана и пятая часть. Въ ней сличенъ, исправленъ и объясненъ текстъ лѣтописца, начиная отъ 945 до 980 года, то есть исторія Ольги, Святослава и Ярополка. Шлецеръ предположилъ было дойти до 1054 года, и слѣдственно объяснить княженія Владимира Великаго, Святополка и Ярослава. Въ предисловіи своемъ къ пятой части онъ говоритъ между прочимъ, что послѣ приступа ни для одного отдѣленія во всей древней Русской Исторіи не пребудетъ такой обширной учености, какъ для сего времени, которое объяснять ему осталось.* Кромѣ церковной исторіи, надобно рыться въ хроникахъ Византійскихъ, Нѣмецкихъ, Французскихъ, Арабскихъ, Исландскихъ, Польскихъ и Венгерскихъ. Онъ признается, что съ давнихъ лѣтъ собрано имъ очень много историческихъ матеріаловъ, но что нѣкопорыя, пусть же объявляемая, причины заставляютъ его поудержаться до времени. Зная, что ожидаемой Русской Исторіи уже не малая часть написана, онъ особенно желалъ видѣть спашью о Владимирѣ, и поучинься искусству, какъ можно и должно въ точности сохранить истину историческую, неоскорбляя народного мнѣнія. — Объявляе-

мый здѣсь Шлецеровъ Несторъ переведець г - мв Языковымъ. Весьма желательнo, чшобы какъ возможно скорѣе изданы были и слѣдующія часши. До сихъ поръ мы ничего подобнаго не имѣли на Русскомъ языкѣ, кромѣ Примѣчаній Волпина на Деклерка и на К. Щербапова, М.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Въ книгѣ Sammlung von Naturwundern, въ Венгріи напечатанной, сказано между прочимъ, что лѣшкѣ за десять передъ симъ былъ пойманъ взрослой дикой человѣкъ въ Седмиградской области. Онъ сидѣлъ на деревѣ и ѣлъ листья; одинъ Волохъ увидѣлъ его, разсавилъ силки, поймалъ его и показывалъ за деньги. Спина у дикаго была покрыта волосами; отъ головы по спановой кости протянута была полоса на подобіе гривы. Въ при года научился онъ исправлять всѣ домашнія работы; но никогда не могъ выговорить ниже одного слова,

*

Математико - физическій классъ Минкенской Академіи Наукъ издалъ опчетъ своихъ упражненій прошлаго года. Въ немъ содержишся между прочимъ весьма любопытное описание *электрическаго телеграфа*, изобрѣтеннаго Тайнымъ Совѣтникомъ Семмерингомъ. Посредствомъ сего телеграфа можно, какъ думаетъ изобрѣтатель, черезъ рѣки и горы подземнымъ путемъ передавать извѣстія въ одно мгновеніе ока,

*

Извѣстно, что передъ симъ за нѣсколь-
ко лѣтъ одинъ Французскій врачъ сочинилъ
книгу подъ названіемъ: *L'art de procréer les fe-
xes à volonté*, то есть *Искусство рожда-
ть дѣтей того или другаго пола по желанію*.
Скоро послѣ того другой выступилъ на сцену
съ *Наставленіемъ рожда-ть чуждыхъ дѣтей*.
Нынѣ опять объявляютъ намъ о книгѣ, весь-
ма важной и по заглавію своему и по содер-
жанію: *Réflexions sur l'état du genre humain*,
ш. е. *Разсужденія о состояніи человѣче-
скаго рода*. Почтенный Французъ открываетъ
чипапелямъ своимъ способы дѣлаться вели-
канами въ 40 фушовъ, и жить на здѣшнемъ
свѣтѣ по 1000 и по 1200 лѣтъ. Для того и
другаго онъ совѣщаетъ во первыхъ не пить ви-
на и кислыхъ влажностей, также не употреб-
лять въ пищу соли, масла, сыра, хлѣба и
тому подобнаго; а вовпорыхъ всячески оспе-
регаться отъ печали и болѣзней. Сія впора
статья въ самомъ дѣлѣ благопріятствуетъ
жизни долголѣтней; жаль только, что г. Со-
чинитель не приложилъ рецепта, чѣмъ предо-
хранить себя можно отъ печали и болѣзней.

✱

Съ Августа мѣсяца въ Парижѣ показы-
ваютъ публикѣ зрѣлище совсѣмъ новаго рода;
оно называется *театромъ баснописцовъ*. На
маленькомъ театрѣ, представляющемъ сель-
ское мѣстоположеніе, являюся куклы, одѣтыя
въ крестьянское платье. Онѣ ходятъ, работа-
ютъ и даже *разговариваютъ*. Помомъ вы-
ступаютъ звѣри, весьма искусно сдѣланные, и
представляютъ какую-нибудь басню Эзопа,
Пильпаеву, или Лафоншонову. Занавѣсъ опу-
скается. Между актами зрители слушаютъ
арфу съ рожкомъ или фогономъ. Огнень подъ

нимається занавѣсѣ, и представляється яка-
нибудь новя басня. Ся зрѣлище весьма по-
любилось въ Парижѣ. И въ самомъ дѣлѣ оно
забавнѣ всѣхъ кукольныхъ представлений.

*

Докторъ ле Пре, Императорскій Француз-
скій Леибъ - Медикъ, извѣстный по многимъ
Лашинскимъ стихамъ, недавно опять сочи-
нилъ стихи на томъ же языкѣ въ честь Им-
ператрицы Маріи Луизы, на случай объявлен-
ной уже въ разныхъ публичныхъ листкахъ
беременности Ея Величества. Надпись къ сти-
хамъ взята изъ четвертой Еклоги Виргилие-
вой: *En nova progenies coelo demittitur alto.*
Послѣ вступленія, гдѣ упоминается о благо-
получномъ событіи, на которомъ Фран-
ція основываетъ драгоценнѣйшія свои надеж-
ды, сочинитель воспѣваетъ счастливой союзъ
и чудеса отъ него рожденныя: *Felix connubium
pererit miracula mundo.* Потомъ прославляетъ
онъ возстановленіе мира между двумя могуще-
ственными Монархами, которые сотворены
для взаимной любви и уваженія. Далѣе изо-
бражаетъ бѣшенство Англичанъ, произшедшее
отъ сего примиренія: *Anglorum rabies mordet
frumentia fraena,* и предсказываетъ скорую
на моряхъ свободу: *Per mare iter tutum. . . .*
обращается къ Императрицѣ:

O tu pacis amabile pignus!

Tot regum soboles, et tanto conjuge digna!

Virtutis, charitum et sceptro tibi subdere corda

Jure datum est.

Заканчиваетъ слѣдующимъ стихомъ, изъявляю-
щимъ желаніе всей націи:

Successu magnas spes, o Daus alme, сорона.

Парижская ратуша, коея изображеніе приложено при концѣ сей книжки, принадлежишь къ достопамятнѣйшимъ зданіямъ столицы Французской Имперіи, какъ попомучи она можеть почесться прекраснымъ памяшникомъ готической архитектурѣ, пакъ и по разнымъ воспоминаніямъ; возбуждаемымъ ею въ душѣ зришеля. Обширное мѣсто передъ ратушею есть *Гревская площадь*, на которой текла кровь ручьями во время революціи. Въ 17 день Іюля 1789 Лудовикъ XVI являлся предъ народомъ въ залѣ ратуши, и увѣрялъ его въ любви своей. Черезъ пять дней послѣ того Инспандантъ Парижской *Берты* и начальникъ купеческаго общества *Фулонъ* передъ домомъ ратуши были умерщвлены развѣренною чернью. Сентября 1 го поушру собралась въ сей ратушѣ комиссія, по опредѣленію которой производились извѣстныя убійства и смершныя казни. Здѣсь поранилъ себя Робеспьеръ (въ Іюлѣ 1794) незадолго передъ шѣмъ какъ взяшь былъ подѣ стражу.

У. ПОЛИТИКА.

Спалислическія замѣчанія о Франціи (*).

Войско при нынѣшнемъ правительствѣ получило совсѣмъ новое образованіе. Всѣ распоряженія клонятся къ тому, чтобы поселить въ солдатѣ мужество и отвагу вдаваться во всѣ опасности. Солдатѣ обязанъ слѣпо исполнять повелѣнія своего начальника, и онъ ни самъ собою, ни цѣлымъ сословіемъ своимъ неучаствуетъ въ правленіи; но за то уже правительство особливо печется о призрачнѣи неспособныхъ къ службѣ, равнымъ образомъ вдовъ и дѣтей послѣ убитыхъ на сраженіи. Военные чины получаютъ единственно заслугою, а не породю и деньгами, и для каждаго Француза открытъ путь къ первымъ степенямъ по военной службѣ. При отличнѣйшихъ наградахъ, назначаемыхъ заслуженнымъ воинамъ, имѣется въ виду то, чтобы военное званіе неуклонялось отъ своей цѣли, то есть чтобы солдатѣ непришѣснялъ и презиралъ гражданина, котораго онъ защищаетъ долженъ. Знакъ почетнаго легіона, украшающій равно и воина и гражданина, обоихъ соединяетъ союзомъ единопущія.

(*) Изъ новой книги: Frankreichs gegenwärtige Lage und Verwaltung. vom Hofrath Dabelow zu Leipzig.

Французское войско наполняется двумя средствами: вызовомъ вольноопредѣляющихся, и наборомъ или пакъ называемою конскрипціею. Последнее основано на обязанности каждого Француза быть воиномъ, когда опасность угрожаетъ отечеству. Конскрипція учреждена во время революціи. Нынѣ, будучи доведена до лучшаго устройства новыми законами, она служитъ обыкновеннымъ способомъ наполнять войско.

Къ конскрипціи принадлежатъ безъ исключенія всѣ Французы, имѣющіе отъ двадцати до двадцати пяти лѣтъ отъ роду, не смотря на состояніе, достатокъ, ремесло и упражненіе. Всѣ способные къ военной службѣ раздѣлены на пять классовъ, изъ которыхъ въ каждомъ состоятъ люди одинакаго возраста. Каждое отдѣленіе вызывается по очереди одно послѣ другаго. Законодательный корпусъ, по предложенію вышняго правительства, ежегодно опредѣляетъ потребное число людей для дополненія войска, и назначаетъ участки для каждого департамента, смотря по числу жителей. Префекты департаментовъ дѣлаютъ раскладку на дистрикты, также смотря по населенію. Уншеръ-префекты назначаютъ сборъ по кантонамъ. Жребій рѣшитъ, кому пошчасъ отправляться въ армію. Одна часть конскриптовъ назначается для дѣйствительной службы, а другая должна оставаться въ запасѣ. Никто неизвѣщенъ изъ конскрипціи; однакожь получаютъ отъ нее увольненіе находящіеся при должностяхъ гражданскихъ и духовныхъ, также и пѣ, коихъ присутствіе нужно для домоводства или для руководѣній. Кажется и

упоминашь не надобно, что неспособные къ службѣ неподлежатъ конскрипціи.

Прослужившій десять лѣтъ, изъ конскриптовъ или изъ вольноопредѣляющихся, и желающій оспаваться на другой срокъ, сверхъ прибавки жалованья получаетъ красную шерстяную повязку, которую носитъ на лѣвой рукѣ въ знакъ отличія. Въ продолженіе втораго десятилѣтія дается еще одна такая же перевязь, а послѣ двадцатилѣтней службы претья. Между шѣмъ прибавка жалованья идетъ своимъ порядкомъ. Прослужившій 25 лѣтъ рядовымъ солдатомъ или унтеръ-офицеромъ, имѣетъ право просить знака почешнаго легіона.

Вольноопредѣляющійся обязанъ въ мирное время служить чепыре года, а въ военное дополъ, пока надобна будетъ его служба. Другихъ условій небываетъ.

Франція нынѣ есть наслѣдственная монархія, коея верховный начальникъ украшенъ Императорскимъ шипломъ; но ея монархія непоходитъ на другія государства внутреннимъ своимъ устройствомъ. Вся исполнительная власть находится въ рукахъ Императора, а законодательная принадлежитъ равно и ему и націи, которая пользуется симъ правомъ своимъ въ избирательныхъ собраніяхъ, и дѣйствуетъ чрезъ посредство Законодательнаго корпуса и Сената. Особа Императора священна и неприкосновенна, равно какъ и сила исполнительной власти, отъ одного его зависящей. По его предложенію составляются законы, и всякой законъ подучаетъ силу свою

и дѣйствіе не иначе какъ съ его согласія. Имъ опредѣляются всѣ чиновники; его именемъ управляютъ правосудіе; онъ объявляетъ законы и всѣ распоряженія; онъ него зависитъ война и миръ; онъ располагаетъ всѣми доходами государства. Но при всей власти своей онъ ограничивается конституціею и коренными законами, которыхъ самъ собою ни отменить, ни уничтожить не можетъ. Въ случаѣ надобности сдѣлать перемѣну въ конституціи, онъ обязанъ дѣйствовать чрезъ посредство Сената и Законодательнаго сословія.

~~~~~

Рѣчь, произнесенная 21 Августа 1810 Генераль-Маіоромъ Тибелломъ въ собраніи Шведскаго дворянства въ Орбру.

Въ то самое время, когда чины государственные занимаются избраніемъ новаго наслѣднаго Принца, на мѣсто того, коего упрямство оплакивать мы никогда неперестанемъ, да будетъ мнѣ позволено въ собраніи семъ предложить причины, которыми я руководствуюсь подавая свой собственннй голосъ.

Независимость Королевства, выгодныя отношенія извнѣ, тишина и благоденствіе внутри — вотъ въ чемъ состоитъ Шведскаго народа желанія, копорымъ надлежитъ совершиться чрезъ посредство избираемаго Наслѣдника.

Прежде всего надобно разсмотрѣть, въ какомъ состояніи находишься нынѣ Европа, и какія отношенія имѣетъ къ ней Швеція.

Когда Европа состояла изъ многихъ государствъ первой степени; тогда малыя государства имѣли главную свою выгоду въ томъ что большія, почти равно сильныя, не легко могли согласиться въ своихъ намѣреніяхъ приобретать новыя области. (Далѣе ораторъ упоминаетъ, какимъ образомъ съ нѣкотораго времени политическое равновѣсіе нарушено.)

Великобританія покрываетъ всѣ моря флотомъ своимъ, многочисленнымъ и почти непобѣдимымъ. Россія, имѣющая до милліоновъ жителей, простирается отъ Торнео до устья Дуная. Союзная система Франціи объемлетъ западную Европу отъ Океана до Неменя, и отъ Сѣвернаго мыса до Калабріи. Сама Франція съ до милліонами жителей составляетъ средоточіе; изъ окрестныхъ государствъ ближайшія сопряжены съ нею союзомъ, а отдаленныя привязаны къ ней или заключенными договорами, или родствомъ, или географическимъ положеніемъ, или другими отношеніями.

Швеція окружена тремя великими державами: со стороны морей Сѣвернаго и Балтійскаго она граничитъ съ Англійскимъ флотомъ; къ востоку она прилежитъ къ Россіи; къ западу и полудню сопредѣльна съ Данією, которая составляетъ часть господствующаго на шведской землѣ Союза.

При такомъ положеніи своемъ, имѣя не болѣе двухъ милліоновъ жителей, Швеція не можетъ долго сохранять ту независимость, которую нѣкогда пользовались малыя государства, находясь подъ защитою системы равновѣсія. Имяна сія непріятна; но, къ сожа-

лвнію, она доказана опытами. Несчастія другихъ государствъ и собственныя наши потери да послужатъ спасительнымъ для насъ урокомъ! Да уклонимся отъ подобныхъ предразсудковъ, и да отдадимъ отъ себя еще ужаснѣйшія бѣдствія!

Швеція теперь только примирилась съ непріятелями; она еще не приняла системы, которая должна обезпечить будущую ея независимость. Надобно чтобы она произнесла свое мнѣніе и приняла какую-нибудь сторону. При такихъ обстоятельствахъ союзъ ближайшій къ намъ есть имѣющій соединить насъ съ державою, отъ которой наиболѣе можемъ надѣяться и всего менѣе опасаться. Каждой видѣтъ, что сія держава есть Франція.

И такъ чтобы съ достоинствомъ и съ выгодою для себя принять политическую систему, нѣтъ удобнѣйшаго и приличнѣйшаго средства, какъ избрать Французскаго Принца въ Наслѣдники Шведскаго престола. Онъ принесетъ къ намъ съ собою бездѣльное удостовереніе, что независимость, слава и благоденствіе королевства всегда будутъ дороги для Французской Имперіи и для Императорскаго дома, которой приращеніе силъ Швеціи будетъ починать приращеніемъ своихъ силъ собственныхъ.

Въ нынѣшнее время внутреннее состояніе сего королевства равнымъ образомъ пребудетъ особеннаго вниманія. Неудачи послѣдней войны, понесенныя потери, тягосный долгъ, разногласіе мнѣній — все сіе произвело общее уныніе. Потребно великое усиліе, чтобы изъ-

немогшему духу возврашшь прежнюю бодрость, и чтобы опяшь поставишь Швецію на той степени, на которой бышь ей всегда надлежало.

Прибышье Французскаго Принца въ качествѣ Наслѣдника Швеціи, Принца, окруженнаго блескомъ, сопутствующимъ героямъ Наполеоновымъ, ободритъ унывающихъ и возбудитъ чаяніе будущаго благополучія; оно одушевитъ насъ упованіемъ на силы наши, разсѣетъ всѣ наши опасенія, и мы наконецъ ощупимъ въ себѣ крѣпость, потребную для исполненія намѣреній, возникшихъ и созрѣвшихъ подъ щитомъ опытной мудрости. Всѣхъ мысли соединенно усремятся къ общей цѣли возвести опечество наше на высокую степень, до которой нѣкогда оно долженствуетъ достигнушь не только для нашей собственной пользы, но и для выгодъ Императора Наполеона.

Единодушное назначеніе Принца Понше-Корво въ Наслѣдники престола освобождаетъ меня отъ похвалъ, должныхъ его качествамъ, которыя и теперь уже всѣмъ подающъ надежду, что королевство наше будетъ управляемо щцательно и по силѣ законовъ.

(Окончаніе состоитъ въ исчисленіи подвиговъ и въ изображеніи свойствъ и нравовъ Принца Понше - Корво.)

(Изъ *Journal de l'Empire*)

Обозрѣніе заграничныхъ прои- шествій.

Ф р а н ц і я.

Императорскимъ указомъ отъ 28 Августа кораблямъ плавающимъ съ позволительными видами наиспрожжайше запрещается брать съ собою пассажировъ въ Англію, или привозить ихъ изъ оной безъ паспортовъ подписанныхъ самимъ Императоромъ. — Отъ главнокомандующаго Португальскою арміею Маршала Массены, Князя Еслингскаго, получено извѣстіе о покореніи крѣпости Алмейды. Французскія войска вступили въ нее 28 Августа. По силѣ капитуляціи гарнизонъ отправленъ будещъ во Францію военнопленнымъ. Въ крѣпости найдено 98 пушекъ и великое множество съѣстныхъ припасовъ.

Неаполитанское королевство.

Августа 25 по утру непріятель показался при *Пунта-дель Петцо* съ 80 канонерскими лодками, однимъ фрегатомъ, одною корветшею и однимъ бриганшиномъ. Береговая войска тотчасъ приготовились съѣсть на суда. Непріятель поспѣшно занялъ прежнюю свою линію, чтобы воспрепятствовать высадкѣ на островъ Сицилію. Попомъ происходило морское сраженіе, на которомъ съ обѣихъ сторонъ сдѣлано болѣе 4000 пушечныхъ выстрѣловъ, и которое продолжалось болѣе 6 часовъ. Береговая армія была свидѣтельницаю сего сраженія, и тысячи голосовъ кричали со всѣхъ сторонъ: въ Сицилію! въ Сицилію! Цѣль которыхъ обстоятельствомъ заключающъ,

чяго експедиція противъ Сициліи неопложа-
на, и что она теперь гораздо удобнѣе мо-
жетъ бытъ произведена въ дѣйство при на-
ступающихъ долгихъ ночахъ осеннихъ.

Италіянское королевство.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Сенаторъ
Луціанъ Бонапарте съ фамилією своею оп-
равился на Американскомъ кораблѣ въ Филадельфію.

Швеція.

По приказанію правительсва въ Упсаль-
скихъ и въ Стокгольмскихъ вѣдомостяхъ по-
мѣщено опроверженіе неосновательныхъ слу-
ховъ о прибытіи изъ Парижа двухъ курьеровъ
и о томъ, будто бы привезены были депеши
отъ Принца Конне-Корво и портретъ Его Вы-
сочества. — Судебное слѣдствіе, производимое
по случаю незаконной смерти наслѣднаго Прин-
ца, еще не окончано. Равнымъ образомъ про-
должаются допросы взятыхъ подъ стражу
виновникамъ мятежа, бывшего въ Стокголь-
мѣ 20 Іюня.

(Изъ Гамб. Корресп.)

15 Октября.

КОНЕЦЪ ТРИ ЧАСТИ.

Уведомленіе.

Полученныя изъ Нѣжина при письмѣ отъ г. Кириченкова 10 рублей отосланы, по желанію благотворителя, въ Скопинской Магистратѣ для употребленія въ пользу жителей, разорившихся отъ пожара (см. Вѣстн. Евр. 1810 No 12, стр. 324).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТЕЙ ЧАСТИ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ. Стран.

ПРОЗА.

Тимей ваяшель. - - -	3
Путешествіе Шапобріана въ Грецію и въ Палестину. - -	18
Три финика. - - -	47
Старый бацмачникъ бѣдной жижины и восемь луидоровъ. -	83
Похвальное слово сну. - - -	112
Романической любовникъ, или веселость и старость. - - -	167
Образъ жизни и нравы рыцарей.	247

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Счастливецъ. - - -	52
На смерть Лауры. - - -	54
Источникъ. - - -	55
Къ Князю Федору Сергіевичу Голицыну. - - -	122
Посланіе къ Н. Э. Г. . . ну. -	203
Стихи на Мищенскую долину.	209
Опасеніе. - - -	266
Надгробіе Ланцешину. - - -	—

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

ГЕОГРАФІЯ. СТАТИСТИКА.

Перу. - - -	56
-------------	----

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

О муравьяхъ. - - - 124

ХРОНОЛОГИЯ.

Объ астрономическихъ наблюде-
нiяхъ, присланныхъ изъ Вави-
лона отъ Каллисена къ Ари-
стоделю. - - - 210

МЕТАФИЗИКА.

О напурѣ человѣка. - - 267

III. КРИТИКА.

Изъясненiе прошивъ критики,
помѣщенной въ Вѣстникѣ Ев-
ропы на книжку, изданную подъ
заглавiемъ: Изслѣдованiе бан-
наго строенiя и проч. - 145

Возвращенiе въ отечество лю-
безнаго моего брата. - 220

О Неспорѣ и продолжателяхъ
его Лѣтописи. - - 279

Замѣчанiя о двухъ маловажныхъ
историческихъ ошибкахъ. 298

IV. СМѢСЬ.

Письма къ Издателямъ. - 63

Нѣчто о Гаррикѣ. - - 228

О пудрѣ. - - - 229

О звѣздахъ и объ ихъ дѣйствии
на судьбу человѣческую. - 230

Для любителей Лапинской сло-
весности. - - - 305

Карлъ Вишне. - - - 309

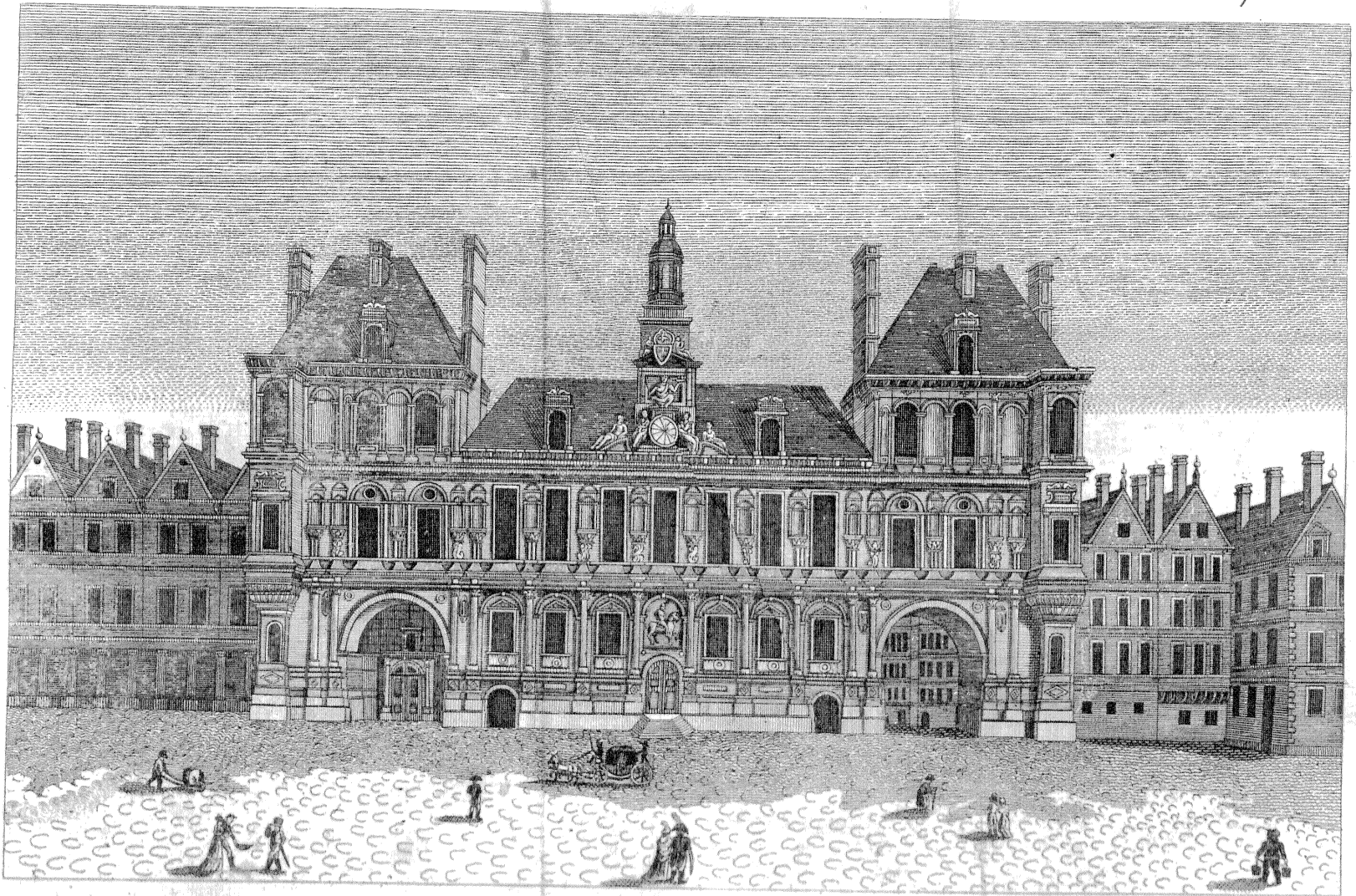
Анекдотъ о Дидеротѣ. - 312

Московскiя записки. - 232 и 313

Разныя извѣстiя и замѣчанiя. 321

V. ПОЛИТИКА.

О прежнихъ перемѣнахъ въ Голландіи и о нынѣшнемъ ея присоединеніи ко Франціи.	-	67
О надеждѣ къ миру между Франціею и Англіею.	-	75
О причинахъ, имѣющихъ наибольшее вліяніе на судьбу государствъ.	- -	157 и 236
Сташистическія замѣчанія о Франціи.	- - -	325
Рѣчь, произнесенная 21 Августа 1810 Генералъ-Маіоромъ Тибелломъ въ собраніи Шведскаго дворянства въ Орebro.	-	328
Обозрѣніе заграничныхъ произшествій.	- 79, 161, 244 и	332
Увѣдомленія	- - 165, 246 и	334

Видъ Парижской ратуши.